

Виктория Богачева

ПЛЯСКА В СТЕПИ

18+

Виктория Богачева

Пляска в степи

«Автор»

2026

Богачева В.

Пляска в степи / В. Богачева — «Автор», 2026

Князю нужна невеста и добрый военный союз, его младшему брату - княжеский престол. Невесте не люб жених, а чужеземная знахарка давно взращивала внутри себя месть. Дочь хазарского военачальника хочет сберечь свою любовь, а выращенная при дворе дядьки сирота пытается достойно встретить свою судьбу.

© Богачева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Девка в тереме I	5
Княжий отрок I	13
Железный меч I	20
Колокольчики в волосах I	27
Девка в тереме II	34
Княжий отрок II	42
Железный меч II	49
Удельный княжич I	58
Княжий отрок III	66
Девка в тереме III	74
Колокольчики в волосах II	82
Железный меч III	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Виктория Богачева

Пляска в степи

Девка в тереме I

Княжна Рогнеда была красива, и Звениславка старалась пореже на нее глядеть. Да стрью на глаза поменьше попадаться.

В тереме стоял доселе невиданный переполох. Княгиня Доброгнева гоняла слуг денно и ночью, и те мыли, терли, скребли, отчищали шкуры, меняли сено, взбивали перину. Со дня на день ждали в гости князя с мАлой дружиной. Звениславку то не касалось, и она норовила улизнуть в свою горницу пораньше, сразу после вечерней. Уж больно строга стала княгиня Доброгнева, да и стрый-батюшка, волнуясь перед приездом дорогих гостей, все чаще стал покрикивать да замахиваться на домочадцев.

— Знамо дело, ведь дочку сватать норовит! — шептались теремные девки, ничуть не смущаясь того, что Звениславка их слышит. Слуги считали ее ровней и не боялись. Обсуждали при ней и княгиню, и раздоры их с дядькой Некрасом, и молоденькую княжну Рогнеду — дочку на выданье.

«Отрезанный ломоть», — сказала про Звениславку однажды тетка Доброгнева. Сказала много зим тому назад и больше не повторяла, опасаясь мужниного гнева, а Звениславка все же запомнила, хоть и была тогда еще совсем дитем.

Рогнеда ходила по горницам, гордо задрав нос, и мать, княгиня Доброгнева, ее не одергивала.

— Рано, ох рано княжна возгордилась, — говорили слуги. — Не сомкнул пока князь на белых рученьках тяжелые браслеты, не скрепил сватовство.

Но дядька Некрас говорил так, словно сватовство — решеное дело, и потому Рогнеда уже видела себя княжьей женой. Как ни крепилась Звениславка, а все одно — завидовала двухродной сестре. Ее-то саму дядька не торопился сватать, но Звениславка, ведая, что ее ждет, не шибко печалилась. Коли родную дочку князь Некрас просватал за князя, то вот братучадо, дочку давно погибшего младшего брата, прочил — самое великое! — кузнецу али дружиннику из общины.

Звениславка не смела ни роптать, ни просить. Княгиня Доброгнева постаралась, чтобы нелюбимое братучадо крепко-накрепко запомнило: она должна целовать руки своих дядьки и тетки за то, что приютили сиротку, дозволили жить в княжьем тереме да растили вместе со своими детьми.

— Славка, эй, Славка!

Она опомнилась, услышав голос тетки Доброгневны.

— Ты пошто посреди горницы столбом стоишь? Работы нет? — княгиня спускалась по всходу, недовольно смотря на нее.

— Задумалась, тетушка, — Звениславка опустила взгляд, принялась разглядывать дощатый пол у себя под ногами.

— За косы давно никто не трепал, — Доброгнева Желановна сощурилась и, подойдя к Звениславке вплотную, рукой приподняла ее подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. — Увижу еще раз, что бездельничаешь, накажу, мало не покажется.

— Да, тетушка, — покорно произнесла Звениславка, потупив взгляд.

Княгиня была в дурном настроении, и не стоило давать ей повода сорвать его на ней.

— Ступай, — женщина оттолкнула ее от себя и круто повернулась, отчего полы темного, богато расшитого платья хлестнули Звениславку по ногам.

Она посмотрела вслед уходящей женщине: княгиня Доброгнева надела нынче свою самую красивую рогатую кикю, с камнями да жемчугом, и одно из лучших платьев.

«Верно, ждут князя нынче», — подумала Звениславка и поспешила убраться из горницы. А то ведь княгиня не преминет проверить, исполняет ли строптивая девчонка ее наказы.

Поднявшись по всходу, она увидела двух теремных девок: одна ревела и утирала лицо, пытаясь переплести растрепанные косы, а другая ее утешала.

— Нечего было рот открывать, дуреха, — озабоченно причитала Забава. А вот первую, ревушую, Звениславка прежде не видела у них в тереме.

— Как тебя зовут, милая? — спросила она, остановившись подле девок. Забава стрельнула взглядом, но ничего не сказала.

— Устя, Устинья, госпожа, — всхлипнула девчонка. Совсем молоденькая, зим одиннадцать, не больше.

— Я тебе не госпожа, — улыбнулась Звениславка. — А реवेशь чего?

— Дурная, потому и ревет, — сказала Забава и дернула за рукав Устинью, собравшуюся заговорить. — Идем уже, и так вон из-за тебя сколько тут простояли зря...

Забава утащила за собой девчонку, крепко держа ее за запястье. Звениславка молча поглядела им вслед. Стало быть, княгиня Доброгнева все же оттащила кого-то за косы нынче утром.

Еще с вечера ей велели починить исподнее Рогнеды: собирали для княжны большое приданое. Звениславка вернулась в свою горницу, поглядела на высокую стопку одежды и, вздохнув, взялась за иглу. Следовало поспешить. Коли тетка спросит, а у нее не готово, реветь ей вечером, совсем как нынче молоденькой Усте.

Работа спорилась в ее руках, и время летело незаметно. Звениславка, перекинув за спину тяжелые светлые косы, негромко напевала себе под нос, чтобы шилось веселее:

— Ай, люли-люли-люли... люли-люли-люленьки...

Она радовалась, что княгиня не задала ей работу потяжелее, и нынче она не скребла терем вместе с девками да не таскала от колодца тяжелое коромысло. Обычно тетка зорко следила, чтобы она не задирала нос али не ставила себя вровень с Рогнедой, и потому частенько поручала ей то же, что и теремным девкам.

Звениславка была привычна к тяжелой, грязной работе, и ее руки знали, каково полоскать зимой в реке рубахи, но нынче княгиня то ли пощадила ее, то ли попросту забыла — виданое ли дело, к приезду князя терем готовить! Дядька, хоть и сам был князем, да не таким: земель, дружины да богатства куда меньше, и слово его не много значило на княжеском вече. А тот, с которым чаяли сватовства, князь Ярослав — был и сильнее, и богаче.

Хотя про князя Ярослава болтали разное, одно другого хлеще. Звениславка слышала, что говорят девки, и Рогнеда нет-нет да и кривилась, поджимала недовольно губы. Хоть и гордилась, хоть и задирала нос, что князь из самой Ладоги ее сватать будет, но порой вздыхала... князь князем, но ведь робичич он.

Звениславка мало что в том смыслила. Никто ей не объяснял, знамо дело, как, коли он родился робичичем, смог стать великим князем? Потому она и мыслила, что слухи о нем — лживые, злые наветы. Не может робичич быть князем!

Кладя стежок за стежком, Звениславка вздыхала. Коли был бы жив ее батюшка... Она едва помнила его; молодшего брата князя Некраса убили на поле боя, когда его дочери едва минуло три зимы. Мать Звениславки пережила мужа ненадолго, и она оказалась на попечении стрыя, дядьки по отцу. Ей говорили, что отец и мать хорошо жили, даже любили друг друга. Ее отец ушел из отчего дома, не привел жену в княжий терем, а выстроил им в городище избу. Теперь там с семьей живет воевода дядьки Некраса...

Громкий топот раздался за дверью, и сразу следом в горницу ввалились ее двухродные младшие братья, близнецы Ждан да Желан. По случаю приезда важных гостей мальчишек нарядили в праздничные рубахи с вышивкой по вороту, рукавам и подолу.

— Отец вам и подпоясаться дозволил? — с лукавой улыбкой спросила Звениславка, разглядывая на братьях кожаные пояса. По зимам они были еще малы, чтоб носить их. Мальчик надевал воинский пояс, лишь когда становился отроком.

— Дозволит, — беспечно махнул рукой старший — Ждан. Он откинул со лба темные, отцовские волосы, и спросил с любопытством:

— А ты пойдешь Рогнедкиного жениха встречать?

— Рогнеда оттаскает тебя за уши, если услышит, как ты ее называешь, — Звениславка покачала головой.

— Не оттаскает! — как и любой мальчишка его зим, Ждан не слушал никого из взрослых. Тем паче, он был княжичем, наследником отца. — Так пойдешь, Славка?

— Коли ваша матушка дозволит.

По правде, Доброгнева Желановна уже велела ей приготовить себе платье, «самое лучшее», да «космы пригладить» к вечеру. Стало быть, князь Некрас намеревался познакомить дорогого гостя со всей своей семьей, даже с пригретой сироткой.

— А ей батька велел, мы слыхали, — Желан подошел к ним и нетерпеливо дернул брата за рукав. — Пойдем уже, ништо пропустим еще...

— Что пропустите?.. — крикнула им Звениславка, но близнецов уж след простыл. — Опять шалость какую замыслили... — сказала она сама себе.

Всего пару седмиц назад близнецы спутали у теремных девок кудели, чем сильно разгневали княгиню Доброгневу. Ведь сколько времени зря потратили, пока распутывали! А следовало с пряжей поспешать, ткать Рогнеде приданое. Мальчишкам влетело от матери тогда знатно, но они быстро все позабыли, коли сызнова за шалости взялись.

Заслышав громкий шум во дворе, Звениславка встрепелась и отложила недошитую рубаху на лавку. Кто-то кричал, и сразу после затрубили в рог. Звениславка вздрогнула и подорвалась к двери. Ей отчего-то казалось, что в рог трубили зло. Не так, как привечали бы славного князя. А так, словно трубили о немирье. Она легко сбежала по всходу вниз и столкнулась нос к носу с бледной, перепуганной Рогнедой. Против обыкновения, княжна заговорила с ней первой:

— Там... там... — она взмахнула руками, и длинные, широкие рукава ее нарядного платья затрепетали вслед ее движениям.

Звениславка обернулась в сторону, куда указывала Рогнеда: во дворе сновали туда-сюда люди, бегали теремные девки, раздавался стук кузнечного молота, и мальчишки путались у всех под ногами. А потом она увидела воинов из дружины, вздевавших кольчуги, и посмотрела на испуганную сестру.

— Что приключилось? — ее голос дрожал, и Звениславка почувствовала, что сама дрожит.

— Не ведаю... трубили в рог, а после батюшка велел лучникам подняться на вал. И сам он там! — Рогнеда всхлипнула и поднесла ладони к лицу.

Звениславка выбежала на крыльцо и схватила за руку первого попавшегося отрока.

— Что приключилось? — спросила она, склонившись к нему. — Бажен, что там?!

На удачу ей попался сын дядькиного воеводы, и, утерев рукавом пот со лба, тот покладисто ответил:

— Батька сказывал, порубили того князя... потому и рог трубил, — Бажен убежал, прежде чем Звениславка опомнилась.

Она пошатнулась и ступила назад, прислонилась лопатками к теплему деревянному срубу, нагретому летним солнышком. Рядом с ней стала Рогнеда, и вместе они в молчании

наблюдали, как выводили из стойл лошадей, как воины опоясывались мечами, как подсоблявшие им мальчишки тащили отцам и дядькам тяжелые колчаны с длинными стрелами. Вся эта суета поднимала с земли облака пыли, и степной сухой ветер подхватывал ее, разносил вокруг.

Звениславка поискала взглядом близнецов, но мальчишек словно след простыл. Их не было ни во дворе, ни подле отца на валу у стены. «Куда же вы запропалились?..»

— Вы что здесь позабыли обе! — появившаяся из ниоткуда княгиня Доброгнева напустилась сразу на них обеих. — Живо в терем, живо!

— Матушка! — Рогнеда бросилась к ней, ловя за руки. — Что такое...

— Ступай в терем, — велела ей мать и подтолкнула в спину, уводя с крыльца. — А ты сбегай-ка за травами к знахарке. А лучше — ее саму сюда приведи. И чтоб тотчас воротилась! — прикрикнула княгиня.

У Звениславки зуб на зуб не попадал от страха, но все же она кивнула. Подобрав юбку простого серого платья, она слетела с крыльца и побежала прочь от терема, оставляя его позади. Она спешила в городище, примыкавшее к крепости, где жил князь с семьей да ближайшей дружиной. Звениславка бежала изо всех сил, и длинные косы летели ей вслед. Навстречу ей также спешили люди: простые мужики и воины, что жили вдали от княжьего терема. Все они шли нынче туда, повинуюсь зову рога.

У нее сбилось дыхание, и раскрасневшаяся Звениславка перешла на шаг. Она попыталась пригладить волосы, выбившиеся из тугой прически, когда ее окликнула какая-то женщина с плачущим ребенком на руках:

— Милая, что там приключилось-то хоть?

Звениславка покачала головой и пожала плечами. Если б она ведала! Со знахаркой она столкнулась на половине пути: госпожа Зима несла в руках огромную корзину, доверху наполненную глиняными горшками и связками сухих трав.

— Подсоби-ка мне, — велела знахарка, передав подоспевшей Звениславке свою ношу. Та покачнулась, едва не упав, а госпожа Зима тем временем потуже завязала платок, пряча под ним свои темные, посеребренные сединой, косы. — Больно уж спешила, — она забрала у Звениславки корзину.

— Я бы понесла что-нибудь, — робко предложила та, едва успевая за быстрым шагом знахарки. Госпожу Зиму она побаивалась. Впрочем, ее побаивались многие, и даже сама княгиня Доброгнева не смела ей указывать.

— Надорвешься, дитятко, — с ухмылкой ответила знахарка.

В их городище никто не знал, сколько знахарке зим, да откуда она, какого роду-племени. Она пришла к ним пару зим назад и поселилась на самом краю городища, на отшибе, где никто, кроме нее, и не жил. Она носила две длинных черных косы, а значит, не знавала мужа, никогда не была просватана. Люди чурались ее, матери уводили подальше детей и не позволяли им играть подле ее старой, покосившейся избы, пока однажды не занемог князь Некрас. Дружинный лекарь не сдюжил его исцелить, и тогда кинули клич по соседним городищам и княжествам.

Зима сама пришла в княжий терем и посулила, что поставит князя на ноги. Доброгнева Желановна пообещала заживо похоронить ее, коли с князем от ее ворожбы что приключится. Но недуг Некраса Володимировича прошел, и со временем тот оправился. Бояться знахарку меньше не стали, но больше не плевали вслед. А князь и вовсе всякий раз велел звать ее, чуть кто из домочадцев занемогал.

Звениславке было любопытно, почему застала знахарку уже на половине пути к терему, но она боялась спросить. Госпожа Зима пугала ее: нездешняя, со строгим худым лицом, с холодным взглядом светло-голубых глаз. Она и одевалась иначе, и вела себя иначе, и не больно много с кем охотно заговаривала. Знахарка носила непривычные украшения: поверх любого ее платья пониже шеи всегда лежало толстое обручье, выполненное из перекрученных железных

нитей. Оно было замкнутым, без застежек или завязок, и его нельзя было снять, не сломав. Звениславка никогда таких не видела.

До крепости они дошли в молчании. Только знахарка все сильнее поджимала губы каждый раз, как слышала рог. Звениславка мыслила, звук был ей знаком, и будил воспоминания о чем-то неприятном, вот женщина и хмурилась.

Тем временем суета на княжьем дворе поулеглась. На стены, выстроенные на вершине насыпного земляного вала, поднялись лучники; конные дружинники оседлали лошадей, а оставшиеся кмети выстроились подле ворот. Два десятника негромко говорили о чем-то в отдалении от всех, и Звениславка увидела, как по крыльцу из терема спускался дядька Некрас. Он вздел кольчугу, опоясался воинском поясом и сжимал ладонь на рукояти меча в ножнах. Следом за ним спешила княгиня. Она что-то говорила ему, но мужчина отмахнулся.

— Оставь! — расслышала Звениславка его недовольный голос. — Не бабье дело...

— Идем-ка отсюда, — позвала ее знахарка, уводя прочь со двора. Они обошли терем сзади и вошли с низенького крыльца для теремных девок и холопов. — Есть у вас повязки для ранений? — деловито спросила госпожа Зима, едва переступив порог клетки.

Она окинула цепким взглядом слуг, обернувшихся на нее все, как один, и хмыкнула.

— Вы бы глазели на меня поменьше и хоть рубах старых на повязки нарвали.

Знахарка прошла в самый дальний угол, поставила на лавку свою тяжелую ношу и села рядом сама.

— Принеси-ка мне чего-нибудь холодненького, — велела она стоявшей рядом Усте.

Перепуганная девчонка переводила вопросительный взгляд со знахарки на старших слуг, пока одна из них не кивнула, и Устя мигом скрылась с глаз, побежала в погреб. Госпожа Зима погладила свое обручье и довольно усмехнулась.

Под взглядами слуг Звениславка потопталась еще немного у самого входа в клеть и вышла в сени. Ей нечего было делать в людской, и она вернулась на половину, где жила княжеская семья. Она не успела переступить порог горницы, когда на нее со звонкой оплеухой накинута княгиня Доброгнева.

— Где тебя носило?! Я велела тотчас воротиться!

Вскрикнув, Звениславка отступила на шаг назад и прижала ладонь к пылающей щеке. Она почувствовала под пальцами кровь: княгиня поцарапала ее перстнем. Доброгнева Желановна замахнулась второй раз, и Звениславка против воли зажмурилась, шагнув назад. Она уперлась лопатками в теплый деревянный сруб, но удара не последовало, потому как со двора донесся громкий зычный голос десятника:

— Открыть ворота!

Княгиня обернулась и опустила руку. Поглядеть, что случилось, вперед матери выскользнули из горницы близнецы. Рогнеда мазнула беглым взглядом по Звениславке, посмотрела на мать и, дождавшись ее кивка, поспешила за братьями. Они остались в горнице вдвоем, и Звениславка услышала тяжелый вздох княгини.

— Щеку-то утри, — бросила она ей, прежде чем выйти в сени.

Звениславка всхлипнула, только когда тетка скрылась в сенях и уже точно не могла бы ее слышать. Она провела ладонью по щеке, и на той остался алый след. Царапина, должно быть, глубокая. Со двора усиливался шум, и она слышала незнакомые прежде голоса — грубые, гортанные.

Она вышла из горницы, прошла через сени, едва не столкнувшись там с чужими воинами.

— Сюда, сюда несите! — из людской половины терема по длинным сеням к ним спешила знахарка. Она махала рукой, привлекая внимание дружинников.

От испуга и неожиданности Звениславка вжалась спиной в сруб и, раскрыв рот, проводила взглядом мужчин, которые вносили на щитах в их терем раненых, стонущих людей. Когда они прошли мимо нее, Звениславка выскочила во двор. Он был полон чужих воинов. Ржали

уставшие, едва ли не загнанные лошади. Пытаясь перекрыть шум, громко говорили дружинники незнакомого князя. В открытые ворота все входили и входили люди, неся на копьях и щитах раненых. Некоторые из них показались Звениславке мертвыми. Теремные девки сбились с ног, таская из погреба по приказу княгини холодный квас — напоить дружинников, но те лишь отмахивались.

Многие из них еще не слезли с лошадей, лишь сняли шлемы, подставляя под теплый степной ветер мокрые от пота, пыльные лица с грязными, а у кого — и кровавыми разводами. Звениславка глядела на них, словно замороженная. У некоторых на кольчугах были поломаны или вдавлены звенья, а у кого-то и вовсе выглядывало из чешуек древко стрелы. В воздухе пахло кровью, потом и смертью, и Звениславке сделалось страшно.

— Княже, княже... — пробежал ропот среди чужих витязей, и отроки закрыли ворота за последним въехавшим во двор мужчиной. Он ничем не отличался от прочих воинов, и поначалу Звениславка даже не поняла, что дружинники говорили о нем. Она уразумела, когда к нему подскочило сразу несколько кметей: принять поводья, шлем, поднести прохладной воды. К нему же спешил через весь двор дядька Некрас. Он все это время провел на стене вместе с лучниками.

— Он старый... — разочарованно выдохнула Рогнеда, стоявшая подле матери на крыльце. Доброгнева Желановна ущипнула дочь за руку, прошипев сквозь зубы:

— Умолкни, дура!

Дядька Некрас шагал к терему вместе с высоким, хмурым мужчиной. То был князь Ярослав, порешила Звениславка. Больше-то некому. Он успел напиться из поданного отроком ковши и смыть с лица пыль и кровь. Позади него шагали два почти столь же высоких витязя, и он оборачивался к ним время от времени, говорил что-то сам и слушал, как говорят они. Волосы у него потемнели и слиплись от пота, и нельзя было разобрать их цвет. Правую щеку от глаза до подбородка пересекал давно заживший шрам. Он хмурился и шурился от солнца, то и дело вскидывая ладонь к лицу.

Поглядеть на князя, хотя бы тайком, собрались почти все слуги, даже те, кто обустроивал раненых воинов на другом конце терема.

Князь Ярослав не показался Звениславке ни старым, ни молодым. Мало что получалось разглядеть в мужчине, едва снявшем шлем после тяжелого боя.

Близнецы нетерпеливо пританцовывали около сестры и матери, пока отец с гостем медленно продвигались по двору. Князь останавливался почти рядом с каждым своим дружинником, коротко что-то спрашивал у них и кивал, услышав ответ. Его воины, как только заперли ворота, начали постепенно слезать с лошадей, развязывать ремешки на кольчуге возле шеи, оттягивать ее тугим ворот, чтобы легче дышалось. Наконец, дошли у них руки и до колодезной водицы, и до холодного кваса.

— ...домочадцы мои... — дядька Некрас и князь Ярослав поднялись по крыльцу и остановились в паре шагов от княгини с детьми и Звениславки, державшейся от них на почтительном расстоянии. — Жена, княгиня Доброгнева Желановна; дочка, Рогнедушка; сынки, Ждан да Желан... — все они в свой черед поклонились князю, который скользил по ним внимательным взглядом.

Рогнеда, против обыкновения, потупилась и смотрела себе под ноги. Не одарила князя лукавой улыбкой, не сверкнула взглядом, от которого иные парни едва не сворачивали головы. Звениславка увидела, как мимолетно нахмурился дядька Некрас, поглядывая на дочку, и, увлекшись наблюдением, не заметила, как оба мужчины оказались перед ней.

— А это братоучадо, дочь молодшего брата, Звениславка.

Она поспешно склонилась, чувствуя, как скользят по спине косы. Сразу почему-то вспомнила, что так и не удосужилась переплести их после быстрого бега, и что на щеке вспухла царапина, и что платье не сменила... А выпрямившись, встретила с князем взглядом. Тут-то

Звениславка и увидела, что глаза у него серые. Ей пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в них. Впрочем, она поспешно опустила взгляд в пол и принялась рассматривать свои переплетенные в замок руки.

— Как звали твоего брата, князь? — Ярослав Мстиславич (Звениславка позже услышит, как зовут своего князя отроки) полуобернулся к дядьке Некрасу.

— Выштой Володимировичем, княже, — неохотно отозвался мужчина.

Дядька не любил ни вспоминать, ни, тем паче, говорить об умершем брате, и Звениславка не ведала почему.

Чужой князь кивнул так, словно это имя о чем-то ему говорило.

— Я помню его. Добрый был воин, твой отец, — он впервые обратился прямо к Звениславке, смутив ее до крайности.

— Благодарю, княже, — затрепетав ресницами, шепнула она. Губы дрожали и не слушались, и Звениславка была рада, что смогла выдать хоть пару слов. Еще пуще она обрадовалась, когда из сеней на крыльцо вышла знахарка. Едва посмотрев на князя Ярослава, она повернулась к Доброгневе Желановне:

— Мне подсобить требуется.

Только тогда Звениславка заметила, что рукава на рубахе знахарки были закатаны по локоть, ладони испачканы в крови.

— Славка? — требовательно позвала княгиня, и она вскинула голову. — Ступай с Зимой Ингваровной, подсобишь ей.

Незнакомое, чужое имя резануло вслух. Оно звучало грубо, резко — как и сама знахарка. Нынче она впервые услышала, как величают знахарку по имени отца. В городище ее называли обычно госпожой. Обо всем этом Звениславка успела подумать, пока бежала за женщиной по сеням. А после они оказались в людской с ранеными, и времени на рассуждения уже не было.

Знахарке подсобляли и теремные девки, и два холопа, но рук все равно не хватало. Нужно было срезать вокруг ран одежду, таскать воду, греть ее, промывать раны, смешивать целебные отвары, стирать повязки, которых не хватало, уносить грязное тряпье... Сшивать раны знахарка не доверяла никому, даже теремному лекарю, который ходил за ней по пятам, не ведая, куда себя пристроить.

Кто-то из раненых стонал, кто-то сносил все молча, а кто-то и вовсе был не в себе. Знахарка велела Звениславке запаривать кипятком целебные травы и разливать отвар по глиняным горшочкам. Показала, как следует отмерять травы, и велела крепко запомнить, оплошаешь, мол, худо будет. И нынче Звениславка дрожавшей рукой насыпала щепоть за щепотью и отчаянно боялась перепутать.

Она и не заметила, как в клеть вошел князь с воеводой. Навестить раненых — первейшее для князя дело — так потом скажет госпожа Зима, довольная, что Ярослав Мстиславич не оплошал.

— ...потеряли четверых... — негромко говорил воевода князю на ухо.

Вот он показался Звениславке старым: волосы да борода почти уж все с сединой, лицо изрезано морщинами, выточено прожитыми зимами в камень. Княжий воевода поправил застежку плаща на груди, и под плащом Звениславка разглядела совсем простую рубаху без узоров али красивой вышивки. Увидела бы она его в городище, никогда бы не помыслила, что близкий князю человек. Токмо разве что воинский пояс его выдавал: широкий, из крепкой, потрепанной временем кожи, с мечом да двумя кинжалами в ножнах.

Притаившись в своем уголке, Звениславка нынче могла разглядеть и князя. Тогда на крыльце она от испуга забыла, как дышать, какой там что-нибудь рассмотреть! Да и страшилась, что тетка Доброгнева осердится на нее за праздное любопытство. Запомнила лишь, что глаза у князя серые. Непривычные. И такие же холодные, как у госпожи Зимы.

Князь и воевода ходили меж раненых, коих набралось с полторы дюжины. С кем-то говорили — кто мог; на кого-то просто смотрели.

— Вот тебе и молодшая дружина, князь, — пробубнил один раз воевода.

— Оставь, Крут. Не бери, — нахмурился Ярослав Мстиславич и огладил короткую, густую бороду, в которой пока не угадывалась седина.

Он не снял еще кольчуги, и она негромко звенела в такт его шагам. Рубаху он носил отчего-то темную, а воинский пояс был вполтину тоньше воеводиного, да и висел на нем токмо меч. Волосы — русые, нынче Звениславка смогла их разглядеть — он перетянул на лбу кожаным ремешком, чтобы не лезли в глаза.

— Благодарю, что позаботилась о моих людях, — князь, наконец, остановился возле знахарки. Та закончила стежок, прежде чем поднять на мужчину цепкий, строгий взгляд.

— Они совсем еще мальчишки.

— Не забывайся, госпожа. Не тебе меня учить, — Ярослав Мстиславич покачал головой. — А что лечишь их — благодарю. У тебя не здешний говор, — добавил он вдруг, удивив самого себя.

— Когда-то давно я жила на землях, где ты нынче княжишь, — отозвалась знахарка. Отчего-то она выглядела довольной.

Князь кивнул ей и стремительно вышел из клетки, а его воевода прежде одарил знахарку пронзительным, грозным взглядом и лишь после ушел за своим князем.

Звениславка вернулась к отварам, а знахарка — к шитью. Госпожа Зима улыбалась.

* стрый - дядя по отцу, брат отца

* кметь - В древнерусских литературных памятниках («Слово о полку Игореве» и др.) кмет — лучший, опытный, искусный воин, витязь

Княжий отрок I

Князь Ярослав едва не уснул, пока шел праздничный пир. Сидел во главе длинного дубового стола на самом почетном месте, поднимал кубки вместе с князем Некрасом, и никто не смог бы уразуметь, что творилось у него на душе.

Светловолосый мальчишка, Горазд, наблюдал за князем с другого конца стола — туда посадили отроков да молодшую гридь.

— Дырку на нем не протри, — его приятель, Вышата, поддел Горазда локтем меж ребер. — Жив-живехонек наш князь.

Горазд не шибко его слушал, все корил себя. Нынче во время сечи он упустил князя из вида, потерял в налетевшей на них толчее. А должен был — глаз с него не сводить, быть подле, смотреть, чтоб со спины никто не напал! Когда парились в бане перед пиром, Горазд увидел длинный глубокий порез у Ярослава Мстиславича под ребрами. Князя ранили, а его рядом не было...

Князь отмахнулся, когда он подступился к нему со свежими повязками: мол, рану обработать, перевязать. «Где рану ты увидел? — сказал. — То лишь царапина».

— Глядя, гляди, — Вышата вновь пихнул его в бок, зашептал горячо в ухо. — Княжна идет.

Княжна Рогнеда была красива: высокая, под стать взрослому мужчине, темнокосяя и темноокая, гордая, с толстым венцом из серебра, в богато расшитых одеждах; она не шла, а величественно плыла по горнице, высоко держала голову и не опускала ни перед кем глаз. Влачился на два шага позади подол ее нарядного платья, шелестели длинные рукава, что лебяжьи крылья!

— Не про тебя честь, — усмехнулся Горазд, наблюдая, как Вышата едва не свернул голову, провожая взглядом княжну, идущую в женский угол. Многие на нее смотрели, а вот Горазду Рогнеда Некрасовна по нраву не пришлась, только кто ж его, отрока, спрашивал? Он и знай себе, помалкивал. Учился у князя; тот много не болтал.

Княжна прошла мимо отроков и села за женский стол подле матери. Горазд краем глаза увидел, как она скривилась и недовольно дернула плечом, когда княгиня принялась ей что-то шептать на ухо.

Он потянулся и отпил из чаши хмельного меда. На пиру было и вполонину не так весело, как на пирах в княжеском тереме у них на Ладоге. Да и что нынче праздновать? Как угодили в западню? Как напали на них и едва не изрубили?

Горазд слышал, что говорили старшие кмети: мол, устроил это младший брат князя, Святополк Мстиславич. Кто еще в своем уме решится напасть на княжескую дружину? Уж разбойники не совсем потеряли разум, такое творить! Кмети говорили тихо; так, чтобы не услышал князь. Он такие разговоры не терпел и строго спрашивал за лживые наветы, но Горазд тоже мыслил, что, кроме Святополка Мстиславича, некому такое учинить. О своих раздумьях он, правда, помалкивал. Никто его и не спрашивал — отрок речей не ведет.

... отправленные вперед войска дозорные уже видели крепость князя Некраса, когда вдалеке послышался топот лошадей. Почти тотчас поднялась степная пыль, и они, идя против ветра, едва от нее не ослепли. Видно было — на пару шагов вперед! Князь велел им сомкнуть строй, лишь токмо заслышав вдалеке лошадей, и те, кто замешкались, так и остались на том поле. Налетевший на них отряд был небольшим, и они смогли отбиться, хоть и застали их врасплох, да и пыль с песком застилали глаза...

-... за хлеб и соль! — он услышал голос Ярослава Мстиславича и восторжеск. Его князь стоял с поднятым кубком и смотрел на здешнего князя. Верно, благодарил за пир да кров. Горазд заметил, что князь едва пригубил свое питье, оставив кубок почти нетронутым.

— ... честь принимать таких гостей! — Некрас Володимирович также встал с лавки и вскинул кубок, расплескав на стол хмельной мед. — Верю, сможем скрепить наш союз!

Только слепой не заметил бы взгляд, который мужчина бросил на свою дочку. Княжна на отца не смотрела.

— Гордая... — протянул Вышата.

«Строптивая», — подумал Горазд. Он оторвал от каравая на столе кусок и принялся жевать. Хлеб в Ладоге пекли вкуснее.

— Что ты хмуришься, как старая бабка, — попенял ему Вышата. — Гляди, как девки смотрят, хоть бы улыбнулся.

— Я не невеста на выданье, чтоб всякому улыбаться, — огрызнулся Горазд.

А девки и впрямь глазели на чужих кметей да отроков из-под опущенных ресниц, да перебирали тугие косы, да улыбались лукаво. Девки, что с них взять!

Хозяин пира не поскупился ни на выпивку, ни на угощение. Хмельной мед лился рекой, и холопы едва успевали прикатывать новые бочонки. Пили много и ели много, как и бывает всегда после битвы, в которой ты не погиб. Когда кмети совсем захмелели и начали хватать за руки пригожих девок, княгиня Доброгнева встала, уводя дочь и женщин с девушками из-за стола. Горазд тоже встал. Ему стало душно и жарко в хмельной, громкой горнице, и он выбрался из терема на воздух. Вышата пытался его удержать, но он лишь отмахнулся.

Во двор почти не доносился шум голосов и громкий смех. Горазд глубоко вздохнул и шумно выдохнул. Свежий, прохладный воздух остудил захмелевшую от духоты и меда голову. Во дворе было тихо, лишь иногда из темных углов доносился приглушенный смех или голоса. Горазд отошел от терема, разглядывая дозорных на стене. Они, верно, с завистью смотрели на терем, где шел веселый пир, и не могли уразуметь, что он, дурень, забыл во дворе. А он бы поменялся с ними местами без раздумий. Нынче совсем не хотелось веселиться.

Он ополоснул голову из ковши с прохладной водой и жадно напился. Ночи здесь, в степи, были душными и жаркими, не то, что в Ладоге... Там даже летом ночь дарила прохладу и свежесть, и ветер не приносил из степи пыль, скрипевшую на зубах, и солнце не светило так зло, не обжигало.

«Плачусь словно старая бабка», — мысленно попенял Горазд себе. Чтобы не бродить без дела да не вздыхать, он пошел в конюшню проведать лошадей. Княжеская Выюга приветливо заржала, учуяв его шаги, потянулась к рукам, ища вкусное яблочко или хлебушек.

— Ничего я тебе не принес, — покаянно пробормотал Горазд, поглаживая кобылу между глаз.

Он долил ей воды и подбросил сена, и поискал взглядом своего жеребца. Ветер обеспокоенно перебирал копытами и шевелил ушами в дальнем конце конюшни. Нынче в битве стрела чиркнула ему по крупу, сняв полоску кожи. Рана была неглубокой, и местный конюх сказал, что волноваться не о чем. Но Горазд все же переживал. Ветер был его первым боевым конем, и он еще ни разу не терял лошадь в битве. Старшие кмети говорили, что тяжело в первые разы, а после — привыкаешь. Горазд пока не хотел привыкать.

Закончив свой обход, он поднялся в терем. К тому времени пир почти закончился, и за столами сидело не больше дюжины дружинников. Горазд проскользнул мимо них и поднялся по всходу. Из-под двери горницы, где ночевал Ярослав Мстиславич, была тонкая полоска света от лучины, и Горазд, потоптавшись на пороге, вошел.

Князь без рубахи стоял подле светца и, подняв руку, рассматривал кровавый порез над ребрами. В пылу сечи он даже и не заметил его, увидел уже, когда парились в бане. Ярослав мыслил, затянется само, но порез кровил при каждом движении и пачкал рубахи.

— Где ты был? — спросил князь, обернувшись на шум.

— Проверял лошадей, — ответил Горазд, проходя вглубь горницы и осматриваясь. — Княже... — начал он, но Ярослав перебил.

— Принеси тряпок перевязать.

Кивнув, Горазд выскочил за дверь. В незнакомом тереме он не знал, куда идти, но на удачу ему попалась в коридоре девка-холопка в сером платье. Схватив ее за запястье и изрядно тем напугав, он хрипло попросил.

— Князю повязки нужны. Сбегай.

Та уставилась на него, словно не понимала язык, на котором он говорил, и потому Горазд прикрикнул.

— Ну!

Девка вздрогнула, отскочила на шаг и сбежала от него, как от прокаженного, едва не стегнув по лицу длинными светлыми косами.

«С нее станется и вовсе ничего не исполнить! — раздражаясь, рассудил Горазд. — Обожду маленько, и сам пойду».

Девчонка все же вернулась, чем немало его удивила. Принесла и чистые повязки, и миску с водой. Он открыл плечом тяжелую дверь, пропуская холопку вперед, да еще слегка подтолкнул в спину: экая нерасторопная, замешкалась на пороге!

— Княжна?..

Горазд вошел в горницу следом за девкой и поднял на князя изумленный взгляд. А после посмотрел повнимательнее на служанку. Нынче при свете лучины он смог разглядеть, что платье у девчонки вовсе не холопское, хоть и простое совсем. Да и лицо показалось ему знакомым... кажется, сидела в женском углу позади княгини и иных женщин.

— Ты пошто княжну привел, дурень — князь смотрел на него требовательно и сердито. Он потянулся за рубахой, чтобы накинуть на себя да не смущать еще пуще девку, которая и так уже не знала, куда деть глаза.

— Я вовсе не княжна, — девчонка умудрилась мотнуть головой, продолжая рассматривать пол у себя под ногами. — Тут вода вот и повязки... — она повернулась и сунула миску в руки Горазда. — Я бы еще отвар принесла, но все на раненых истратили нынче.

Бросив на князя быстрый взгляд и увидев, что тот надел рубаху, она наконец выпрямилась и подняла голову. Несмотря на алеющие румянцем щеки, ее голос звучал твердо.

— Ты прости меня, княжна... не уразумел в темноте, кто ты... за холопку принял, — отмер Горазд. Под взглядом князя хотелось провалиться сквозь землю.

— Я не княжна, — терпеливо повторила девчонка. — Нечего мне тебе прощать, — она посмотрела на Горазда, и он почувствовал, что краснеет под ее взглядом. Даже в тусклом свете лучин он приметил веснушки и ссадину у нее на щеках, и что глаза у нее светлые — не то синие, не то зеленые, толком не разобрать.

— К-как же тебя тогда звать? — голос подвел его, и Горазд запнулся. Он говорил отчего-то хрипло, и в горле пересохло.

Девчонка прыснула, еще пуще смутив его. Так и не ответив, она выскользнула из горницы — токмо и сверкнули в свете лучины яркие ленты в косах. Отрок стоял, словно вкопанный, да глядел ей вослед.

— Добро, не старшую княжну спутал, Рогнеду Некрасовну. Коли рожиного ума нет... — из оцепенения Горазда вырвал голос князя. Он чуть не подпрыгнул на месте, разворачиваясь к нему.

Ярослав Мстиславич вновь стянул рубаху и, намочив в миске с водой тряпицу, приложил ее к порезу на ребрах.

— Господине, дозвожь... — Горазд поспешно подошел к нему, забрал из рук мокрую повязку, сам занялся раной.

Мужчина тяжело опустился на лавку. Заметив это, мальчишка прикусил язык и не задал вопрос, который намеревался. Он все чаял спросить, как зовут ту княжну.

Когда в горницу вошел воевода Крут, Горазд как раз закончил с повязкой. Он поднялся с колен, отряхивая руки, и князь велел ему:

— Подай рубаху да кваса нам.

Воевода прошел за длинный дубовый стол и сел напротив князя, отбросил с изрезанного морщинами лица седые волосы.

— Что делать станем, княже? — спросил он, отхлебнув кваса из поданной отроком чаши.

— Погостим седмицу, как намеревались, — Ярослав Мстиславич поглядел через плечо: Горазд нарочито медленно убирал испачканные повязки, поднимал с пола пропитанную кровью рубаху... Князь хмыкнул, но не стал прогонять из горницы развесившего уши отрока.

— Ведаешь же, что я не про то, — сказал Крут и тяжело посмотрел на Ярослава Мстиславича. В свете лучины морщины на его лице казались ещё глубже, еще грубее.

— А про что?

— Про Святополка! — скрипнув от злости зубами, воевода ударил по столу. — Про то, что он учинил!

Князь не повел и бровью.

— Я не стану проливать родную кровь по навету, воевода, — отрезал Ярослав. — Ты его видел там? Вот и я что-то не видал.

Горазд против воли втянул голову в плечи. Когда у князя голос делался таким... добра не жди.

— Ты шибче меня знаешь, что некому, окромя Святополка, князь, — но воевода Крут учил Ярослава держать деревянный меч, когда тому едва минуло три зимы. Он его не боялся. — Как связался со своей степной девкой, так совсем пропал!.. Кто еще ведал, каким путем мы поедем?

— Добрая половина моего терема, — мужчина усмехнулся и покатал меж ладоней чашу. Он обернулся через плечо, нашел взглядом притихшего подле двери Горазда. — Ты никак уши греешь, отрок?

Мальчишка вылетел из горницы и успел услышать, как смеется воевода Крут, прежде чем захлопнул позади себя дверь. Терем спал. В темноте и тишине он прокрался по всходу вниз, и, на счастье, в горнице, где был пир, еще не догорели все лучины. Он увидел, что два кмета заснули прямо за столом, и хмыкнул. Коли узнает князь, им несдобровать. Горазд притащил со двора ведро воды и замочил в нем княжеские рубахи, оставив в сенях на ночь. Утром он сам их выстирает.

Когда он вернулся в горницу, воевода Крут уже ушел, и в светце горела лишь одна лучина. Князь спал на широкой лавке, укрывшись своим плащом и подложив под голову седельную сумку. Горазд задул лучину и устроился на куче сена на полу подле двери. Точно также завернулся в плащ и устроил голову на седельной сумке. В нос ударил сладкий медовый запах. Мать напекла ему в дальнюю дорогу пряников...

По утру, едва проснувшись, князь погнал его во двор, упражняться на деревянных мечях.

— Давай-ка нынче не на боевых. Еще поранишь меня ненароком, чай, — князю все было смеяться над бессловесным отроком. Горазд отдал бы руку на отсечение, лишь бы так и продолжалось.

Закатав рукава рубахи по локоть и портки до колен, Ярослав Мстиславич перебросил из руки в руку меч, принаравливаясь к весу, и поправил на лбу ремешок, что стягивал волосы.

Поглядеть на князя собралась половина терема, коли не больше. Горазд приметил в толпе и княгиню, и гордую княжну, и девку, которую спутал нынче ночью с холопкой. Подальше от семьи и слуг князя Некраса столпились кмети из дружины Ярослава Мстиславича. Их князь редко брался за деревянный меч, редко сам возился с отроками, потому-то они и пришли поглазеть на такую диковинку. Коли князь будет воинскому умению учить!..

Ярослав Мстиславич щадил его, и потому Горазд продержался против него дольше, чем загадывал. Лишь один раз он отвлекся на девку, и этого уже князь ему не спустил. Пропустив болезненный, обидный удар, Горазд уронил себе под ноги меч, и его правая рука повисла вдоль тела словно плеть.

— Добро, — сказал Ярослав Мстиславич. Рубаха на нем промокла от пота насквозь; солнце здесь начинало жечь, едва показавшись на небе.

— Благодарю за науку, княже, — Горазд поклонился ему в пояс и пошел убирать деревянные мечи, когда посреди двора прозвучал голос:

— А со мной померяешься силой, Ярослав Мстиславич? — к ним шел один из кметей князя Некраса. Судя по его богато расшитой рубахе и воинскому поясу из добротной, крепкой кожи, служил он в дружине воеводой али десятником. Был он хорош собой: высокий и темноволосый, с широкой ясной улыбкой. Девки оборачивались ему вслед, и Горазд кривился... правду сказывают старшие мужи: никто этих девок не разберет!

— Как зовут-то тебя? — прищурившись, спросил Ярослав Мстиславич.

— Ладимиром величают. Я Некрасу Володимировичу десятником служу. Много о тебе слышал, князь. Говорят, воин ты великий...

— Люди многое говорят, — мужчина хмыкнул.

Сопровождаемый взглядом толпы зевак, он подошел к десятнику, остановившемуся ровно посередине двора.

— Некогда мне нынче силой мериться. Ты уже не взыщи, — глядя ему в глаза, негромко произнес Ярослав Мстиславич, но люди слышали каждое его слово.

Задетый за живое, Ладимир вспыхнул ярким румянцем гнева и обиды.

— Может, и вправду люди лишь болтают, — слова сорвались с языка, прежде чем он успел хорошенько их обдумать.

Князь нахмурился, отступил назад и, заложив пальцы за пояс, окинул Ладимира долгим, пристальным взглядом.

— Последил бы ты за языком, десятник, — произнес он, покачав головой. Потом обернулся к Горазду, так и застывшему в паре шагов от них. — Принеси меч.

Отрок узнал этот голос и понял, что чужому десятнику несдобровать. По толпе пронесся сдержанный гомон, и один из кметей Некраса Володимировича подозвал к себе мальчишек, глазевших на происходящее. Велел им что-то, и те разбежались по двору в разные стороны.

«Послал за князем», — подумал Горазд, спеша в терем. Или десятник Ладимир лишился разума, или он и впрямь намеренно князя оскорбил. А коли так, то десятник точно был не в своем уме!

Меч князя лежал в горнице поверх седельных сумок, и Горазд порадовался, что накануне отполировал его и почистил. Толпа заметно поредела, когда он вернулся. Кто-то прогнал и теремных девок, и холопов, и даже отроков. Ушла и здешняя княгиня с княжнами. Правда, княжна Рогнеда все же подсматривала за тем, что творилось во дворе, сквозь небольшую щелку в приоткрытой двери.

Горазд с поклоном передал меч князю, и тот с усмешкой поглядел на десятника: мол, не передумал еще? Ладимир вскинул гордый подбородок и поудобнее перехватил рукоять своего меча.

... потом станут рассказывать, что, мол, десятник Ладимир поскользнулся, споткнувшись о притаившийся в пыли камень. Что его ослепило солнце, и потому он промахнулся. Что князь Ярослав исподтишка кинул песком ему в глаза, и потому бой нельзя назвать честным. Многие станут потом рассказывать.

А правда состояла в том, что, когда на двор прибежал Некрас Володимирович, князь Ярослав как раз третий раз хорошенько окунал десятника Ладимира головой в бочку с ледяной

колодезной водой. Он держал его за шею и что-то негромко приговаривал, и слов было не разобрать, но Горазду показалось, что Ярослав Мстиславич учил его уму-разуму.

Во время утренней трапезы за столом, где собрались оба князя с воеводами да ближними мужами, прислуживали две молоденьких княжны. Расспросив теремного холопа, Горазд узнал, что вторую зовут Звенислава, и приходится она князю Некрасу братоучадом.

Сам отрок, как полагалось, топтался в дверях — коли понадобится князю али воеводе Круту. Ярославу Мстиславичу подливала квас княжна Рогнеда, не иначе как по приказанию строгого батюшки. Не чета себе на пиру, нынче княжна смотрела в пол и вовсе не улыбалась.

Горазд подглядел, как она ласково разговаривала с десятником Ладимиром, когда все ушли со двора, и украдкой сжала его руку.

— Что мыслишь, Мстиславич? Кто на тебя напал? — первым заговорил о делах Некрас Володимирович.

Со своего места Горазд видел, как дернулся воевода Крут, сидевший одесную Ярослава Мстиславича. Князь же отломил кусок от большого карая, не переменявшись в лице.

— Не ведаю, кто на землях твоих безобразничает. Может, люди лихие? Может, проучить их следует? — он тяжело, исподлобья посмотрел на Некраса.

Горазд стоял прямо напротив своего князя и потому хорошо его видел. А вот Некрас Володимирович и его мужи сидели к нему спинами, и он мог токмо догадываться, что слова Ярослава Мстиславича не пришлись им по нраву. Сам Горазд и не мыслил о таком! Мол, есть вина и людей князя Некраса, что на них напали.

— Тихо у нас было все время, — себе под нос пробормотал ближайший княжеский советник. Он носил богато расшитый кафтан, приметил Горазд, а рубаха его была гладкой и блестящей. Он таких досель и не видывал.

— Покуда я погостить не приехал? — Ярослав усмехнулся. — Стало быть, так вы гостей привечаете...

— Не гневайся раньше срока, княже, — Некрас Володимирович поспешил вмешаться. Он отвлекся, пока пытался одним лишь взглядом приказать Рогнеде смотреть любезнее да привечать улыбочивее чужого князя. — Уж коли кто на моих землях безобразничает, мы непременно отыщем. А если уж пришлые люди...

— То я сам отыщу и накажу, — перебил Ярослав, пока не прозвучало имя брата. — Я о другом потолковать с тобой хочу. Непокойно нынче в степи.

Он оглянулся по сторонам: старшая княжна как раз вошла в горницу со свежим кувшином холодного кваса. Рогнеда наполнила кубок, ни разу не взглянув на него самого, и не потому, что была застенчива али смущена донельзя. Мужчина кивнул, благодаря, и княжна двинулась к отцу, даже не обернувшись. Вторая, Звенислава, подливала квас воеводам.

Ярослав разумел, почему Некрас Володимирович велел прислуживать за столом дочери и племяннице, но ему то было не по нраву. Наслушаются лишнего, еще сболтнут чего... У него в гридницах за столами прислуживали отроки, им веры было больше.

— Непокойно, — кивнул меж тем Некрас.

Уже не раз и не два нападали на его купцов и на богатые обозы, убивали мужей и воровали пригожих девок. Торговать стало труднее и дольше, не всякий решался отправить свои товары в столь далекий, опасный путь. И нынче его княжество недополучало от купцов подати, да и кмети роптали. Привыкли они стричь торговцев...

Несмотря на смурные мысли, Некрас едва сдерживал довольную улыбку. Вот нынче уж заговорит ладожский князь о сватовстве да о союзе, попросит отдать за себя старшую дочку, Рогнедушку... Свершится то, чего он столь сильно чаял последние седмицы!

— И нам неспокойно, — Ярослав отодвинул в сторону чашу. — Что булгары крепчают, что растет хазарский каганат.

«Что сеет смуту мой младший брат», — подумал он про себя.

— Куда клонишь ты, княже? — вновь заговорил княжеский советник в богатой одежде.

— К союзу клоню, боярин, — прямо и просто ответил Ярослав, смотря то на него, то на Некраса Володимировича. — Меж нашими княжествами.

С оглушительным звоном из рук Рогнеды выскользнул и разбился полный кваса кувшин. Осколки и брызги разлетелись по всей горнице, и к княжне разом повернулись сидевшие за столом мужчины.

— Прощения прошу, — вымолвила Рогнеда побелевшими губами. Она смотрела на отца, не отводя взгляда, не опуская головы; так, словно чаяла что-то ему сказать. Некрас же, напрочь, в ее сторону и вовсе не глядел.

Прибежали девки с тряпками — собирать осколки и разлитый квас. Ярослав хмурился, но сдерживал себя, ничего не говорил. Строптивая дочка — не его забота. Злился, что договорить не смог, что при несмысленных княжнах важные дела обсуждали. Хорошо хоть вторая ничего не роняла нарочно да лица не кривила.

Он подумал о своих дочерях, оставшихся в Ладоге с мамками да няньками. Коли хоть на чуть вели бы они себя с гостем, как княжна Рогнеда...

— После договорим, князь, — сказал Ярослав, когда в горнице, наконец, убрали сор. — Потолковать бы нам с тобой наедине.

Некрас Володимирович все уразумел, хоть и не сказал ни о чем Ярослав напрямую. Оглянулся на Рогнеду и едва приметно качнул головой, запустил ладонь в волосы на затылке, уже припорошенные сединой.

— Любо, Мстиславич, — он улыбнулся гостю, чтобы сгладить поступок стропливой дочери. — После вечера и потолкуем, ты да я.

Железный меч I

Затея Ярослава не пришлась ему по душе с самого начала, и нынче он лишь убедился в своей правоте. Девка была строптивая, чужой князь — слаб, терем — беден, а земля из песка и пыли почти не приносила плодов.

— Нашто союза ищешь с ними, князь? — спрашивал воевода Крут и ни разу не услышал разумного ответа.

В мелких княжествах подле Ладоги каждый род счел бы великой честью породниться с князем. Девки выстроились бы рядом аж до терема! Взял бы себе оттуда жену и вместе с ней в приданое получил бы землю, а коли нет в роду сыновей — и вовсе мелкое княжество целиком. Воевода все до последнего надеялся, что князь одумается, прислушается к нему, к разумному мужу!

Все пустое!

И вот нынче Крут смотрел, как строптивая княжна разбивает кувшин, стоило Ярославу заговорить о союзе меж княжествами. Токмо круглый дурак поверил бы, что она не чаяла! Характер у девки был дрянной; одно ладно, что не пропадет на женской половине княжьего терема в Ладоге. Наложницы у князя были под стать Рогнеде.

Воевода выругался в мыслях, жалея, что не может сплюнуть в горнице. Вот вроде он и учил маленького Ярослава уму-разуму, воспитывал. Куда все подевалось, когда княжич вырос? А уж как князем стал, так и вовсе никто ему не указ! Нынче хоть остепенился малость, о водимой жене задумался, о сыне. Может, хоть выгонит из терема в Ладоге девок своих, мнящих себя, самое малое, княгинями! Довольно уж покуролесил, будет.

Воевода мыслил, нужна князю одна из их ладожских славниц; тихая и мягкая, с круглым светлым лицом и светлыми косами. Чтob сидела в горнице да детишек рожала, не перечила ни мужу, ни кому. Вот, как у него самого, одна водимая жена уж сколько зим! Но князь же...

Закряхтев недовольно, Крут покосился в сторону Ярослава. А тому что? Все как с гуся вода! Тут девка кувшины роняет, а он сидит себе и бровью не ведет, с князем Некрасом беседует. А вот того, знамо дело, дочкина выходка рассердила. Сперва побледнел, после побагровел, а нынче же прожигает тяжелым, злым взглядом молоденькую княжну. А та на грозного батюшку и не смотрит.

«Распустил терем, тьфу! Глядеть противно», — воевода скривился и отодвинул от себя опустевшую миску. На глаза ему ненароком попался заставший подле стены мальчишка-отрок. Ярослав пригрел его на исходе зимы, приблизил; позволял делить с собой одну горницу да брал в походы, когда ходил с молодой дружиной.

«Глупая забава, — думал воевода. — Нашто ему сдался этот мальчишка».

Задумавшись об отроке, Крут вспомнил еще одну занозу. Той же зимой в терем на Ладоге пришла проситься в дружину девка! И князь ее принял! Боги светлые, что тот творил...

— Благодарю за угощение, — следом за воеводой отодвинул в сторону миску и Ярослав. Он пристально поглядел на Рогнеду, и та, вспыхнув румянцем, все же потупила взгляд.

«Это тебе не с мягкосердечным батюшкой забавляться», — Крут, довольно усмехнувшись, огладил бороду. Видать, вышло у его князя всяческое терпение для стропливой девки.

Воевода вышел из горницы в сени за князем, и тот положил руку ему на плечо, остановившись на пороге.

— На капище пойду, с богами надобно потолковать, — сказал Ярослав. Он снял с воинского пояса ножны с мечом и отдал их стоявшему поодаль отроку. Себе оставил лишь нож, который получил от старого князя Мстислава в день посвящения, когда в нем умер мальчишка, и родился мужчина.

Крут проводил Мстиславича взглядом. Он не пошёл вместе с ним, ведь у князя с богами особый разговор. Вместо того, воевода деловито осмотрел земляной вал и стены, окружавшие терем; забрался к стоявшим в дозоре лучникам и поглядел на голую степь да пыль. С трудом сдержался, чтоб не сплюнуть.

И вот эти земли его князь хочет получить в приданое?! Да у них на Ладоге щепоть с ладонь плодороднее будет, чем все княжество Некраса! Сухой степной ветер трепал полы его старого, изношенного плаща, пока воевода расхаживал туда-сюда по стене. Этот же ветер неприятно щипал лицо и оставлял песок скрипеть на зубах. Воевода хмурился, щурясь на солнце. Где-то там раскинулся хазарский каганат. Истинная причина, приведшая сюда Яро-слава.

Токмо вот знавал воевода Крут и более простые пути. Знамо, негоже родную кровь проливать, но коли замышляют против тебя недоброе... Раздосадованный, он махнул рукой и полез со стены вниз. Что уж тут говорить; князь упрям невероятно, еще хуже старого князя Мстислава, хотя вот уж тот упрямцем был, каких свет еще не видывал!

«Пока не подрос да не вошел в силу его сын».

Со стены воевода пошел к здешнему кузнецу. Тот еще накануне показался ему толковым, когда они осматривали попорченные в налете кольчуги. Кузнец обещался все исправить да поплотнее посадить пластины. Так они делали здесь, чтобы стреле было сложнее пробить броню, и Крут нашел это разумным. В Ладоге ковали, чтобы кольчуга защищала от копья и меча; здесь же местные мастера приспособились к иному из-за хазарских стрел. Воеводе кузнец понравился, и он порешил, что не худо и перенять у соседей неплохую задумку.

На подходе к кузне Крут услышал звонкий, девичий голос. Нынче кузнец работал не один.

— ... как описываешь ты... то торквес, редкая вещица.

Заглянув в открытую дверь, воевода увидел деву, что прислуживала им за трапезой. Братоучадо князя Некраса. Та, что со светлыми косами да ссадинами на щеке, да в платье служанки. Немудрено, что Круту не пришлось по нраву ни сам князь, ни его домочадцы. Родная кровь все же, а держат как будто бы за теремную холопку.

— А расскажи еще, дяденька Могута, — попросила тем временем девчонка, теребя кончик косы. Она стояла к воеводе спиной и не слышала его тихих шагов.

А вот кузнец вскинул голову и прищурился, разглядывая Крута против света.

— Здрав будь, воевода, — кивнул он и вновь склонился над кольчугой, растянутой перед ним на четырех опорах.

Испуганно вздрогнув, девчонка ойкнула и повернулась к воеводе, вскинув ладонь к глазам.

— И ты будь здоров. Подсобляй Сварог, — отозвался Крут.

— Вот тебе нынче воевода и расскажет про торквес, милая, — заговорил Могута, чиркнув ногтем по погнутым звеньям. — У них в Ладоге про такую диковинку больше слышали.

— Почему так? — от любопытства девка — ее имя начисто стерлось из памяти Крута — даже забыла бояться. Напрочь, подалась к воеводе, ступила вперед и подняла на него ясный взгляд.

— Такие обручья больше в ходу у варягов. А мы с ними соседствуем, — с неохотой отозвался мужчина. Не было ему удовольствия беседы с девками вести. — Где ты прознала про торквес?

— Нигде, — она еще осмелилась бесстыже лгать ему прямо в глаза! — Я пойду, дяденька Могута. А то меня княгиня хватится, — и девчонка бочком выскользнула из кузни, прежде чем Крут опомнился и пристыдил ее за ложь.

— Смотри, боярин, как я мыслю кольчугу твою подправить, — заговорил кузнец, проводив взглядом нежданную гостью. Он посильнее растянул на опорах кольчугу, чтобы показать свою задумку.

— Я не боярин. Я княжий воевода, — сварливо поправил его Крут. Боярин — вот еще выдумал! Бояр да советников Мстиславичу и в тереме хватает, все лавки в гриднице занимают, когда князь суд творит али походы с ними обсуждает.

— Добро, воевода. Гляди сюда, — кузнец добродушно усмехнулся. — Стало быть, тут звенья поближе скрепим...

Добрую часть дня Крут провел в кузне. Сперва спорил с Могутой до хрипоты, усомнившись в его задумке, но после все же ударили по рукам и сговорились, что за седмицу кузнец починит им на пробу пару кольчуг, а уж дальше поглядят, как пойдет в бою.

Когда воевода закрыл за собой дверь кузни, жгучее степное солнце клонилось к закату. Он всласть потянулся, разминая занемевшие руки и спину, и огляделся. Увидел мальчишку-отрока, без дела ошивавшегося на заднем дворе, и подозвал его кивком головы. Горазд отложил в сторону наконечники для стрел, которые старательно острил, и поспешил к воеводе. Он ведал, что тот сразу же его невзлюбил, и не хотел сердить его понапрасну.

— Где князь? — спросил Крут, разглядывая мальчишку. Он искал, к чему бы придраться, и выругался сквозь зубы, ничего не найдя.

— В клеть пошел, где раненые лежат.

— Токмо ж накануне вечером к ним заходил, — воевода покачал головой.

Но потому дружина и любила Ярослава. Потому старый князь Мстислав и доверил ему княжеский стол. Ни одного похода не помнил Крут, чтобы Мстиславич не позаботился о своих людях. Он делил с ними и дождь, и холод, и снег, и ветер. Ел, что они; спал, как они — под открытым небом, посреди голого поля на одних плащах; жил вместе с ними. Дружина, особливо младшие кмети, его боготворила.

— Добро, — воевода махнул рукой. — Оседлай-ка мне да себе лошадей.

Если и хотел Горазд открыть рот да спросить что-то, то, поглядев на дядьку Крута, передумал. Молча кивнул и побежал в конюшню.

Воевода дождался его подле ворот. Заведя пальцы за пояс, он измерял двор шагами, и дозорные со стены украдкой бросали на него косые взгляды. Горазд быстро обернулся с лошадьми и уже вскоре скакал следом за воеводой, оставляя позади себя облако пыли. Он так и не решился спросить, куда они, и потому лишь пониже припал к шее жеребца, оберегая лицо и глаза от песка.

Спустя совсем немного воевода впереди него вскинул вверх правую руку, приказывая остановиться, и с легкостью соскочил на землю. Они совсем недалеко отъехали от терема князя Некраса, к месту, где накануне кто-то напал на их небольшой отряд. Склонив голову, Крут принялся ходить по земле кругами, время от времени поддевая носком сапога пыль. Он словно искал что-то.

Отрок молча наблюдал за ним, придерживая под узды лошадей. По шее и спине неприятно струился пот, солнце обжигало непривычную к такому кожу. Здесь, в степи, под палящим, пыльным солнцем рубахи недолго оставались чистыми.

— Подсобить чем может, воевода? — Горазд не привык стоять без дела и решил уж, что лучше дядька Крут его обругает, как бывало обычно, чем он будет попусту на месте топтаться.

— Ищи приметное что, — через плечо отозвался воевода, продолжая рыскать взглядом по земле.

Под ногами у них валялись сломанные стрелы и наконечники; пара ремней от седельных сумок, щепки и разрубленное пополам копьё; россыпь кольчужных звеньев. Горазд смотрел во все глаза, размышляя, что чаял отыскать воевода. Все уж прознали в тереме, что на них напали хазары. Отрок слышал разговоры старших кметей: говорили, в то лето каганат совершал набег за набегом на соседние княжества. Говорили, мол, совсем страх потеряли, бесстыжие. Набирает у них силу каган-бекодин из титулов, который носили поздние хазарские цари. Представляет собой соединение двух элементов: «каган» — высший титул суверена в тюркской иерар-

хии и «бек» — знатный титул, по некоторым данным второй после кагана в военной области., стремясь объединить разрозненные земли под сильной рукой...

Когда внизу в серой пыли что-то тускло блеснуло, Горазд сперва не обратил внимания. Помыслил, звенья от кольчуги. Но на земле угадывалась цепочка, и мальчишка опустился на колени, смахнул ладонью песок. Он и впрямь увидел разорванную цепочку с оберегом. Железный перунов молот. Княжий знак.

— Воевода... погляди, — позвал Горазд охрипшим голосом. Он не смел касаться оберега, как не смел брать меч Ярослава Мстиславича голой рукой, держать его без ножен. Дурной знак.

Позади раздался шум шагов, и Крут склонился над землей подле отрока. Он сдавленно, сквозь губы выругался, расправил закатанный рукав рубахи, натянул его на ладонь и поднял цепочку с земли. Она тускло блестела на солнце, а перунов молот медленно раскачивался из стороны в сторону.

Горазд прикусил губу. Их князь, Ярослав Мстиславич, носил перуново колесо, Громовое колесо, на выцветшем толстом шнурке.

— Никому ни слова, — Крут зашагал к лошадям, чтобы спрятать оберег в карман седельной сумки. — Особливо — князю! Уразумел? — он повернулся к Горазду, шедшему за ним по пятам, и сжал тому плечо железной хваткой.

— Да, да, — отрок кивнул пару раз и облизал пересохшие губы. Воздух вокруг них звенел от исходящей от Крута ярости. — Да, воевода.

Находка разозлила того чрезвычайно, и Горазд разумел, почему. Но держал свои догадки при себе.

В терем они возвращались в тяжелом молчании. Солнце медленно клонилось к земле, удлинялись их тени, и теплый ветер вместо песка и пыли приносил, наконец, прохладу. Горазд смотрел прямо перед собой, встревоженный и нахохлившийся, словно птенец. Воевода же то и дело искал рукой седельную сумку позади себя, нащупывал спрятанный внутри оберег.

Когда каждому из сыновей старого князя Мстислава минуло семь зим, он велел кузнецу выковать для них перуновы знаки. Младшему, Святополку, достался молот, старшему, Ярославу — колесо. Сперва мальчишки носили их на кожаных шнурках; позже Святополк, вернувшись с добычей из своего первого похода, истратил ее на цепочку для оберега...

Воевода столь сильно погрузился в мрачные раздумья, что не замечал ничего вокруг себя. Спешился с коня, будто слепой, не глядя сунул Горазду поводья и скрылся в тереме. Князь Ярослав пристально смотрел на Крута с крыльца, но тот даже не увидел.

— Где вы были? — спросил князь, подозвав отрока.

Мальчишка тяжело сглотнул. Нынче по приказу воеводы он намеревался солгать своему князю. Будет справедливо, коли Перун поразит его за обман в тот же миг, али земля разойдется прямо у него под ногами.

— Воевода чаял поглядеть на место, где хазары на нас налетели, — полуправда не совсем ложь, порешил Горазд.

Ярослав нахмурился. Впервые на его памяти мальчишка не смел поднять взгляда.

— Вот как? — князь насмешливо приподнял бровь, и Горазд вздрогнул.

«Он ведает, — уразумел отрок. — Ведает, что я лгу».

— Добро. Ступай, — Ярослав Мстиславич отвернулся от него и махнул рукой. Мальчишка заметил на ней свежую повязку; по утру князь ходил на капище окропить идолы своей кровью.

Вздохнув, Горазд склонил голову. Воевода велел ему молчать, и он молчал, не рассказал князю об их находке. Солгал ему. Диво, что язык тотчас не отнялся. Он едва заставил себя не броситься следом за Ярославом Мстиславичем, не признаться во всем. Но дядька Крут не напрасно остерег его болтать, и потому мальчишке не оставалось иного, как закусить щеку

и проводить князя тоскливым взглядом. Вновь вздохнув, он нашел оставленное занятие — наконечники для стрел — и принялся их острить. Начатое следовало закончить.

Воевода сидел на лавке в клету, где разместили раненых, и держал в руках найденный оберег. Он пришел сюда подальше от чужих глаз, чтобы обдумать все в тишине. Много зим назад, когда он служил старому князю Мстиславу десятником в дружине, тот привел ему сопливого мальчишку. Своего бастрюкавнебрачный (побочный) сын от теремной девки. Велел обучить владеть мечом и копьем, стрелять из лука. Обучить всему, что положено знать княжичу.

Крут сперва оскорбился: воспитывать бастрюка, пусть даже и княжьего?! Но старому Мстиславу уже тогда было много зим, и он не имел сыновей, кроме Ярослава, Яркого, как стали звать его в тереме. Не имел наследника, чтобы продолжить род. Потому и признал сына от какой-то девки. И все же когда спустя зиму родился Святополк — законный сын от водимой жены, князь своего приказа обучать бастрюка не отменил.

Так и повелось.

Довольно скоро Крут привязался к молчаливому ребятенку, хотя и тяготился тем, что стал пестуном бастрюка. Нынче же воевода главенствовал над его дружиной — и старшей, и младшей, и не раз становился между вражеским мечом и князем. Он помнил, как старый Мстислав вручал сыновьям перуновы обереги. Как подросший Святополк велел выковать цепь для своего молота...

Крут как раз держал в руках ту цепь с молотом-оберегом. Он говорил Ярославу, что его младший брат замышляет недоброе. Что зреет заговор в княжьем тереме... давно уж предали огню умершего князя Мстислава, а тяжесть его решений все еще звенит в воздухе.

Из глубокой задумчивости воеводу вывел шум во дворе. Он вышел из клету, чтобы поглядеть, как теремные девки да холопы бегают между людской частью терема да княжескими горницами. Верно, вновь затевался большой пир. Крут нахмурился. Стало быть, сговорился князь.

Мимо него, тая за поводья жеребца, пронесся десятник Ладимир. Он спешил убраться прочь со двора, да побыстрее, и нетерпеливо покрикивал на нерасторопных отроков, пока те отпирали тяжелые ворота. Да, мало охоты ему было торчать у людей на глазах, после того, как утром князь пару раз купал его в бочке.

— Легко на помине, — пробормотал воевода, когда Мстиславич показался во дворе. Точно сговорился с Некрасом Володимировичем, коли рубаху сменил на праздничную, богато расшитую. Ну, коли так, не видать терему на Ладоге мира; привезет в него князь гордую, строптивую княжну.

Может, оно и к лучшему. Ярославу нужны союзники, нужна поддержка степного княжества. Ведь коли Святополк спутался с хазарами... После пира завтра расскажу, порешил Крут. Все же любил Мстиславич беспутного младшего брата. Нужно обождать с худыми вестями малость.

— Невесел ты что-то, дядька Крут, — князь подошел к нему, прислонился лопатками к деревянному срубу клету.

Воевода искоса посмотрел на Ярослава. Вроде бы тот и улыбался насмешливо, но глаза смотрели цепко, строго.

— Сговорился обо всем с Некрасом Володимировичем?

Услыхав вопрос, князь рассмеялся. Искренно, от души.

— Сговорился. Через седмицу, как поправятся кмети, увезу Рогнеду Некрасовну в терем на Ладоге. Любаву будущей весной сюда отправлю, Доброгневе Желановне на воспитание. Как войдет в лета — станет женой старшего княжича.

— Вот как, — отозвался воевода.

Скор, ох, скор был князь. Коли удумал что, коли засела в голове какая задумка — мало кому было под силу его остановить.

— Вече недовольно будет. Что княжну сам просватал, — воевода покачал головой, разглядывая Ярослава.

Тот все прислонился спиной к срубам и смотрел прямо перед собой, запрокинув голову. Нахмурился в ответ на слова воеводы и скривился в усмешке.

— Моя дочка — мне и сватать. А вече... что вече?.. Недовольные всегда найдутся.

— Спешешь ты, Мстиславич, — попенял ему Крут, не сдержавшись. — Больно лихо со всем управляешься, как бы не оплошать.

— Хочешь сказать, дядька Крут, так скажи прямо, — Ярослав повернулся к нему и посмотрел в глаза. — А коли нет — то и нет.

Воевода тихо, недовольно закричал. А после звонко хлопнул по раскрытой ладони кулаком.

— А и хочу, Мстиславич! Никак все не уразумею, нашто тебе девку отсюда брать, со степью родниться. Где Ладога, а где — князь Некрас!

— А где пути торговые, болгары да хазары, — князь коротко вздохнул и откинул со лба волосы. — Мне нужно это маленькое, неприметное княжество, воевода.

Сказал — как отрезал. По голосу ясно было, что Ярослав устал, и впредь со своим воеводой обсуждать ничего не намерен. Крут, досадуя, покачал головой.

— Укреплял бы ты лучше, княже, свой стол на Ладоге. Почаще б в тереме бывал...

«... может, вовремя заметил бы, когда младший брат к хазарам утек, тебя предать вознамерился».

— Еще посоветуешь, что, воевода? Правда, запомнил я, когда ты князем сделался, чтоб решать, как мне поступить следовало.

Такого Крут не стерпел. Вскинулся, стиснул тяжелые кулаки, смотря на Мстиславича и видя в нем мальчишку, что вечно заглядывал ему в рот. Тяжело покачал головой и зашагал прочь, так ничего и не сказав. Ярослав разозлился, то было видно. Потемнели светлые глаза, заходили под скулами желваки. Сорвутся еще, наговорят друг другу злых, обидных слов — ищи после примирения!

«Уж нет, — яростно думал воевода, широкими шагами пересекая двор. — Уйду. Пушай устыдится! Я ж добра ему, сопляку, желаю».

Была б его воля, ни за что не пошел бы Крут на праздничный пир, не стал бы поднимать кубки за союз двух княжеств. Но перечить князю в открытую никто не смел, и потому воевода весь пир просидел за столом со столь смурным и мрачным видом, что никто не решался с ним заговорить, вовлечь в беседу.

После смеялись, что мрачнее дядьки Крута на пиру была лишь невестушка, княжна Рогнеда Некрасовна. Никто не ведал, что сказал ей грозный батюшка, какими словами заставил усмирить гордыню, но ныне стояла она и покорно подавала руки, чтобы захлопнул князь Ярослав ей на запястьях тяжелые обручья, скрепляя сватовство.

Она не улыбалась и кусала изнутри щеки: того и гляди, расплечется! В тереме шептались почти открыто: да что это, али разума княжна лишилась, может, приключилось с ней что? Где прежний гордый вид, задранный нос? Тем паче, идет ведь не за косого, не за хромого, не за старика! Сам князь ладожский сватает, землями и военной добычей богат! Лицом не обижен!

Княгиня Доброгнева сидела с застывшим взглядом и на дочь не смотрела. Равно как и на мужа. Избаловал девку, все его вина. Напрасно воспрещал ругать да за косы таскать. Холил, лелеял! Теперь вот что творит, вот какова ее благодарность батюшке и матушке! Будь воля княгини, отстегала бы дочку при всем честном народе, чтоб неповадно было лицо кривить. Глядишь, тотчас и улыбаться бы начала жениху, и глядела бы ласковее. Да уж что нынче говорить...

Воевода на том пиру не пил. Сидел одеснуюпо правую руку, справа Мстиславича, но меж собой они не говорили. Ошуюпо левую сторону чего-либо, слева замерла княжна Рогнеда. Как вцепилась ладонями в лавку, как вытянулась тугой тетивой, так и пробыла весь пир. Ни к еде, ни к питью не притронулась. Ни на кого не глядела, на жениха — и вовсе, даже головы в его сторону не повернула. Сидела, словно палку проглотила.

Ярослав мрачнел на глазах. Не всякий смог бы увидеть, но воевода, знавший князя всю жизнь, видел. Его кубок с хмельным медом не пустел весь пир, потому что Мстиславич постоянно приказывал его наполнять. Он слушал рассказы кметей, говорил что-то сам, смеялся в ответ на чьи-то слова, но было ему ох как невесело нынче. Пир в честь сватовства не шел ни в какое сравнении с теми, что закатывали они обычно на Ладоге.

Уже под самый конец, когда начали пустеть лавки, Крут увидел, как Ярослав склонился к невесте, что-то негромко ей сказал. Рогнеда услышала — не могла не услышать. Нахмурилась мимолетно, сжала губы в узкую полоску, но промолчала в ответ. Мол, и не слышала вовсе. Ярослав повторил и больно стиснул ей локоть, когда княжна промолчала и во второй раз. Девка ойкнула, дернула к себе руку, вырывая из хватки жениха, и тот ее отпустил.

— Все же не глухая ты и не немая, — усмехнулся Мстиславич, наблюдая, как княжна вспыхивает ярким румянцем.

Крут едва заметно покачал головой. Дурное дело затеял Ярослав, дурное.

* каган-бек - один из титулов, который носили поздние хазарские цари. Представляет собой соединение двух элементов: «каган» — высший титул суверена в тюркской иерархии и «бек» — знатный титул, по некоторым данным второй после кагана в военной области

* бастрюк - внебрачный (побочный) сын

* одесную - по правую руку, справа

* ошуюю - по левую сторону чего-либо, слева

Колокольчики в волосах I

Она спала в палатке под толстой шкурой, когда снаружи раздался шум. Заржали лошади, и громко заговорили мужчины. Она приподнялась на локте, сонно оглядываясь и моргая, откинула с лица длинные черные волосы, растрепанные после сна. На запястьях, вторя движению рук, негромко зазвенели браслеты, которые она никогда не снимала. Снаружи послышался смех и приветственные выкрики, и женщина довольно улыбнулась. Обнаженная, она вылезла из-под шкуры и легла сверху, лениво потянулась всем телом.

В тот момент зашуршала плотная ткань, прикрывавшая вход в палатку, и внутрь завалялся ее каган-бек — в заляпанной кровью кольчуге, держа в одной руке меч, а в другой — шлем. Он принес с собой запах пота, битвы и кислого лошадиного молока. Он окинул ее обнаженное тело голодным взглядом и разжал руки, позволив шлему и мечу упасть на покрытый шкурами пол.

— Ох, и славно мы повеселились, — бормотал каган-бек, стаскивая кольчугу и рубаху.

Он смотрел на лежавшую перед ним женщину, на ее черные волосы, разметававшиеся по обнаженной спине и бедрам цвета расплавленной бронзы. Мужчина, пошатываясь, упал перед ней на колени и лег сверху, придавив к шкуре. Огромными руками он обнял ее, подмяв под себя.

— Ох, Иштар... — пробормотал князь в затылок и жадно вдохнул ее запах.

Иштар почувствовала, как его напряженное естество уперлось ей в спину, и вильнула бедрами. Каган-бек овладел ею парой грубых, резких движений, еще сильнее вдавив в шкуру. Его руки грубо мяти ее грудь и плечи, жестко держали за волосы, пока князь, опьяненный битвой и кислым молоком, толкался внутри. Сстиснув зубы, Иштар зажмурилась. Наконец, он шумно излился в нее и слез, перекатившись на спину и хрипло дыша. Одной рукой он все еще крепко держал ее за волосы.

— Видела бы ты лицо моего братца, — заговорил мужчина чуть погодя. — Я уж и не припомню, когда эта снулая рыба так удивлялась.

— Братца?.. — Иштар вскинула голову, выбираясь из-под его руки.

— Братца, братца, — довольно кивнул мужчина. — Попугал его слегка с моими витязями, — он улыбнулся.

— Попугал?.. — она облизала враз пересохшие губы. Она не помнила, чтобы каган-бек и ее отец говорили об этом.

— Да что ты заладила переспрашивать?! — воскликнул он и недовольно ударил рукой по шкуре. — Взбодрил братца и его сопляков, чтоб зевали меньше, дороги в степи нынче опасные. Невелика беда! Потрепал слегка перед сватовством.

Иштар закусил изнутри щеки, чтобы больше ничего не спрашивать. Она перекатилась к нему поближе, легла на плечо и положила руку на грудь, принялась перебирать жесткие волосы на ней. Каган-бек перехватил ее тонкие длинные пальцы, унизанные кольцами, и переплел со своими.

— Это лишь начало, — сказал он умиротворенно.

— Так и есть, Саркел, — Иштар произносила имя Святополка на хазарский манер.

Брат князя Ярослава Мстиславича повернулся к ней лицом.

— Твой отец не зря поверил мне, — жарко произнес он, вглядываясь в скуластое, худое лицо Иштар, в ее раскосые, темные глаза. — Когда я займу место брата, я заключу с каганатом такой мир, которого никто прежде не видывал.

«Мой отец не зря подложил под тебя меня, Саркел», — подумала Иштар.

Каковы мужчины, Иштар поняла еще в свою двенадцатую весну. Дай им то, что они хотят больше всего на свете — твое тело, и взамен они отдадут свою душу. В ту весну отец подарил ее невинность своему врагу и сразил его к исходу года. Каган-бек русов не был их врагом... пока.

— Так и будет, Саркел, — сказала Иштар, потому что мужчинам не нужно ничего, кроме того, чтобы с ними соглашались. — Так и будет.

О, она многое могла бы ему сказать! Что он напрасно нарушил договоренности с ее отцом, напрасно напал нынче на отряд старшего брата! Напрасно и глупо, таковы уж мужчины, таков уж каган-бек русов Саркел. Зря он раззадорил своего брата, теперь тот будет настороже и не позволит больше застать себя врасплох...

Иштар прикусила губу. О, как же глуп был Саркел!.. Она должна поскорее отправить весть отцу. Ведь покинув накануне хазарский лагерь, тот ни о чем не ведал.

— ... сделаю тебя своей княгиней. Каково, а? Княгиня Иштар, — Святополк лежал на мягкой шкуре, разглядывая палатку над головой и позволяя своим мыслям лениво течь.

Она его опьянила, и, ох, Иштар очень, очень хорошо это знала. Совсем не такая, как жены русов — смуглая, поджарая, жилистая. С жесткими сухими волосами и обветренными степью губами; она не так одевалась, не так говорила, не так двигалась. Не мягкая, с плоским твердым животом, без больших грудей; но она позволяла Саркелу владеть ею так, как он хочет. Она была и покорной ему рабой, и яркой вспышкой пламени, и неуловимым степным ветром. Она играла с мужчиной, а он и не ведал.

— ... родишь мне сына...

Задумавшись, Иштар отвлеклась от грез своего князя. Он говорил нынче о сыне, и она закусила сухие обветренные губы. Ничто в мире не дается просто так, и у всякой власти есть своя цена. Она дорого заплатила за то, чтобы опьянять мужчин, подчинять их своей воле.

«Я подарю тебе лишь ветер в степи», — подумала Иштар. Мать матери, которая звала ее в детстве птичкой — такой маленькой и хрупкой она была, сделала ее пустоцветом. Иштар никогда и никому не родит ни сына, ни дочь. Она не роптала. Ни один муж не сможет превратить ее в племенную кобылу, поселить в доме за тысячей замков и закутать в покрывало. У всего есть своя цена, и Иштар платит свою.

— Я должен вернуться в Ладогу, — Саркел стиснул ее в объятиях и недовольно выдохнул. — Должен быть там, чтобы очиститься от наветов.

Браслеты на запястьях Иштар тихонько зазвенели, когда она выбралась из его рук и гибко поднялась со шкуры. Черные волосы окутали ее плотным покрывалом, закрывая бедра. Она двигалась нарочито медленно и плавно, зная, что мужчина неотрывно смотрит на нее и тяжелым взглядом провожает каждое движение.

— Тогда тебе стоит поспешить, Саркел. Весть о нападении на Яр-Тархана разойдется очень быстро, — ровным голосом произнесла Иштар, натягивая темно-багровое платье и завязывая на нем бесчисленные ремешки.

Когда она принялась заплетать косы, Святополк нехотя поднялся. Со звучным выдохом он потянулся, раскинув в стороны руки, и оглядел палатку.

— Ты будто бы недовольна, — сказал он, пристально глядя в ее лицо.

— Вовсе нет, — она тряхнула головой.

— Где твой отец? — спросил Святополк.

Он нагнулся и, подняв с пола кувшин, принялся с жадностью пить вино.

— Не знаю, — Иштар пожала плечами, продолжая монотонно плести косы.

Она знала. Ее отец уехал потому, что не желал пока ни о чем договариваться с Саркелом. А тот все торопил его. Он вообще был слишком горяч, этот каган-бек русов. Горяч и скор на расправу, и не обуздан. Отцу Иштар было с ним тяжело, он не желал слушать никого, кроме себя. И совета испрашивать также ни у кого не желал.

— Ой ли? — словно уловив ее ложь, Саркел вдруг нахмурился и подошел к ней. Он стиснул пальцами ее подбородок и заставил смотреть на себя снизу вверх.

Иштар была маленькой и худой; она едва-едва доставала мужчине до груди. И все же она не дрогнула под его взглядом и еще сильнее запрокинула голову.

— Я не лгу тебе, Саркел, — сказала Иштар.

— Гляди мне. Ложь я не терплю, — Святополк чуть сильнее напоследок сжал ее подбородок и отпустил.

Он натянул штаны, рубаху, взял в руки широкий воинский пояс с ножнами и вышел из палатки.

«Ты ее не видишь», — подумала Иштар ему вслед, смотря на колеблющийся полог. Не торопясь, она доплела свои косы, надела ожерелья с мелкими монетками, что звенели при каждом ее движении, поправила браслеты на тонких запястьях и закрепила на голове золотистое обручье.

Когда она вышла из палатки на воздух, то увидела, что Саркел приказал своим людям готовиться к отъезду, и нынче они собирали седельные сумки, поили и кормили лошадей. В лагере каждое третье лицо было лицом руса, и они, светлокожие, перемешались с соплеменниками Иштар — с такой же бронзовой кожей, как и у нее.

Непривычно было всем, и ссоры вспыхивали, словно пожар в степи: хватало лишь самой малой искры, чтобы сухая трава принималась гореть. Отец Иштар обычно умело гасил все склоки в самом зародыше, до того, как воины хватались за мечи или сжимали кулаки. Но нынче он уехал, и Иштар было беспокойно. Она радовалась, что Саркел и его люди покидают небольшой хазарский лагерь. Она не будет скучать ни по нему, ни по его воинам, которые косились и шептались за его спиной.

Не все они понимали своего господина — что он нашел в темной худосочной девке с лицом хищной куницы? Что он видит в ее раскосых черных глазах? Иштар знала: они страшлись, что она околдовала, приворожила их каган-бека. То немудрено. Кто-то из русов подглядел однажды, как она молилась великому Тенгри — Богу Неба и Солнца. Обнаженная, разрисованная кровью, опьяненная кислым молоком, растрепанная... Иштар исполняла ритуальный танец, но русы помыслили, что она ворожит.

Уж даже Саркел, замысливший братоубийство, изменился в лице, выслушав рассказ своего витязя. Иштар хрипловато смеялась, ведь несколько дней после князь остерегался с ней возлежать. И с того дня он ни разу не ударил ее, лишь привычно замахивался да сжимал до синяков руки. Но бить — страшился. Коли б Иштар знала, она показала бы русам, как молится великому Тенгри ее народ, задолго до того дня.

Она шла за Саркелом по лагерю и ловила неприязненные, насупленные взгляды русов.

«Нужно поговорить с отцом, — думала Иштар. — Саркелу нужны не только русы. С ним должны быть верные хазары, пока его не прирезали свои же люди».

Каган-бек был глуп и потому не понимал, что не всем в его дружине пришелся по нраву набег на небольшой отряд Яр-Тархана. Они не любили его за то, что он был прижит от рабыни, но и уподобляться нечестивым разбойникам они также не желали. Иштар знала это, ее отец знал. Но ненависть порой застилала Саркелу глаза, не позволяла разумно, складно мыслить, и, опьяненный, он ошибался.

Иштар подошла к мужчине, уже вскочившему в седло, и он, склонившись, потрепал ее по голове.

— Смотри тут мне, — велел князь, прижав ее щеку к голенищу своего сапога. — Узнаю что-убью!

Он отпустил ее, оттолкнув в сторону, и потянул поводья, и лишь тогда Иштар подняла на него тяжелый, непокорный взгляд.

«Ничего-то ты не узнаешь, каган-бек».

— Уходим! — велел Саркел-Святополк.

Он махнул рукой, созывая своих людей, и пятками ударил коня. Им предстоял долгий, обходной путь в Белоозеро, и нужно было спешить. Он и так задержался здесь... но как было не задержаться, когда в палатке его ждала покорная, молчаливая, тихая Иштар. Не чета водимой жене!

Святополк хмурился, оставляя позади хазарский лагерь. Навязанную братом жену он едва терпел. Хуже того, глупая баба никак не могла родить ему сына, одни лишь девки! Что у него, что у Ярко. Но так лучше.

Святополк хищно улыбнулся. Не придется душить мелких сопливец; он убьет старшего брата, на том и закончит. Станет после него князем... с настоящей землей и властью, а не как нынче!

Ненависть начинала душить его всякий раз, когда он думал о Ярославе. Ненависть и злоба. Ярко — отцовский бастрюк, сын рабыни! Он не должен был наследовать отцовский стол, княжий удел. Но отец признал его, когда разочаровался в нем, Святополке, законном сыне от старшей жены, княжеской дочери. Признал немытого мальчишку, робичича!..

Святополк плевался этим словом даже в мыслях. Отец поставил выше него робичича, уму непостижимо! Он помнил, как голосила мать, узнав. Старому князю Мстиславу возразили даже его собственные воеводы — те, кто еще не лишился рассудка. Но князю никто не указ, и потому отец принял робичича в род, смешал кровь с кровью, скрепил ручником и велел Святополку звать робичича братом. Старшим братом.

Сколько же раз он был порот после старым князем за непослушание! Сколько же между ними с робичичем было драк! Пока мать не вразумила его, не заставила покориться — с виду. Чтоб перестал гневаться отец, чтоб не выгнал их из терема прочь на окраину княжества. Видят Боги, ему было нелегко!

Мать долго билась с ним, и Святополк все же смирился. Послушался отца. Назвал бастрюка братом. Перестал задирать его и колотить. Он смирился и затаился, зная, что однажды отец помрет, и тогда он поквитается с Ярославом за все.

Но отец умер, а он все еще не поквитался.

— Скоро, брат. Скоро. Дай токмо срок, — шептал Святополк сквозь плотно сжатые зубы.

Сперва он расправится с братниным воеводой, с ворчливым стариком. Порой ему чудилось, что Крут видит его насквозь — до того пристальный, пронизывающий был у него взгляд! Старый пестун робичича, он возился с ним с детских сопливых лет. Его первый защитник и помощник.

Голос Крута много весил в княжьем тереме на Ладоге. Воеводам старого князя Мстислава было столько же зим, сколько ему самому. Они умирали, и им на смену приходили новые. Забывался день, когда сопливый бастрюк появился в тереме. Среди отроков и кметей появлялось все больше тех, кто знал Ярослава как воспитанника старого князя, а после — как принятого в род княжича, привечаемого отцом.

И потому немногие поддержали притязания Святополка, когда пришел срок. Немногие застали то время, когда был Ярослав нагулянным бастрюком. За его плечом стоял Крут: при старом князе служил он лишь десятником; нынче же возвысился, первый воевода в дружине у брата... Недолго ему осталось.

Как же они с робичичем дрались! Он, Святополк, хоть и был младше, да пошел в мать статью. Быстро догнал Ярослава по росту и бил его на равных. Тот же вечно уклонялся, на удары отвечал через раз. Мать говорила, мол, мелкий сопливец знает себя виноватым, потому и не бьет его в полную силу.

Вот уж кто не видел за собой никакой вины, так это их отец. Старый князь порол его за драки нещадно, и Святополк возненавидел его еще пуще, еще хлеще. Ярославу тоже доставалось, но все больше от его пестуна, Крута. Князь Мстислав хоть и признавал бастрюка, а все

же не шибко приближал его к себе, держал поодаль, в конце длинного княжеского стола. И только после, спустя зимы, почти перед самой своей смертью посадил одесную, выделил перед воеводами и дружиной...

Пока Святополк тонул в мрачных воспоминаниях, захлебываясь ненавистью, его небольшой отряд верных людей гнал по степи под палящим солнцем, оставляя за собой долгий след из поднятой в воздух пыли.

Их могли заметить, но Святополк надеялся, что плотная завеса мелкого песка и пыли надежно их укроет. Он спешил вернуться в Белоозеро до того, как дойдут до Ладоги вести о засаде и нападении на робичича. Лучше ему в тот момент сидеть в княжеском тереме да пересчитывать дань, которую он нынче собирал — его советники, бояре да нелюбимая жена мыслили, что уехал он в соседние общины, силой забрать то, что данники не отдали доброй волей.

Вот кем его сделал старший брат. Сборщиком податей. Своим посыльным, словно он мальчишка. Поезжай в ту общину, поезжай в эту. Забери меха, забери зерно. Накажи нерадивых.

— Сопливых отроков своих пушай посылает, — Святополк почти рычал.

С той поры, как он повстречал Иштар да сошелся с хазарами, он зверел всякий раз, вспоминая брата. Ништо, ништо. День, когда власть его брата закончится, все ближе.

Весной он по приказу бастрюка отправился к хазарам договариваться о торговом пути, пролежавшем сквозь их земли. С хазарами тогда был мир, нынче же у Ярослава с ними немирье.

В честь Святополка устроили пир — много конины и кислого молока с тонкими, сухими лепешками. А вечером между пламенем и искрами многочисленных костров вышли танцевать девушки. И среди них — Иштар. Тогда-то он и потерял голову.

Он до сих пор помнит ее багряное платье — таких не носят девки у него дома. Багряное платье с длинными рукавами и подолом с разрезом, а под ним — широкие красные портки (шаровары, как Святополк узнает после).

Блестящие, звенящие браслеты и цепочки с монетками в ее волосах; кольца с алыми камнями, что вспыхивали в пламени костров; две длинных косищи, обвивавшие ее тонкий стан, и черные, бездонные, раскосые глаза.

Музыка и танец опьянили его, и Святополк помнит, как вскоре он принялся покачиваться из стороны в стороны, следуя звукам домбры, и похлопывать раскрытыми ладонями себя по бедрам.

Иштар танцевала прямо напротив него, танцевала для него и не отводила взгляда. Она его не боялась, она бросала ему вызов. Вспыхивало пламя, и она крутилась, и летели следом ее косы, и звенели браслеты на руках и монетки на груди. Одурманивающая свобода, вот что почувствовал в тот вечер Святополк.

Тогда он понял, что должен немедленно действовать, а иначе проведет остаток жизни в услужении у робичича. Иштар танцевала, и он смотрел на нее, а после она увлекла его в палатку, и Святополк пропал. Все у хазаров было ино, не так, как дома...

Он прогонит прочь постылую жену, когда убьет бастрюка. Возьмет себе в наложницы его новую девку, за которой он поехал на поклон к мелкому князьку... Святополк даже не помнил его имени! Он привезет в терем Иштар. Так и быть, отдаст кусок земли, о которой просят хазары, ее отцу. Он станет торговать с хазарами — так куда выгоднее, чем с норманнами, и он давно уже твердит об этом своему братцу, но тот слишком глуп, чтобы его послушать.

— ... Святополк! — его окликнул кто-то из дружины. — Дозорные видели людей Ярослава. Рыщут по степи...

— Сколько их? — недовольно заскрежетал зубами мужчина. Они и без того делали порядочный крюк, чтобы незамеченными пройти по хазарской степи.

— Двое, — отозвался кметь и жадно отпил из бурдюка воду. Закончив, он вылил остатки себе за шиворот — солнце палило неумолимо. Капли воды на лице превратились в грязные потеки и разводы, смешавшись с пылью и песком.

Святополк выругался себе под нос.

— Уходим восточнее, — приказал он и потянул за поводья.

Пропажу он обнаружил уже поздним вечером, когда снимал кольчугу да рубаху, чтобы обмыться в мелком, диво что не пересохшем ручье. Привычно развязал кожаные ремешки, сбросил одежду и почесал запотевшую шею. Сперва Святополк не уразумел, что его зацепило, отчего так и замер с задранной рукой. Мудрое тело помнит все лучше разума, потому он и застыл, когда пальцы не нащупали на шее цепочку с перуновым оберегом.

Он перетряхнул рубаху и кольчугу, седельные сумки, заглянул в сапоги и портки. Витязи из отряда провожали его ошеломленными взглядами, но никто не решался спросить, что произошло. Святополк ходил багровый от гнева.

Оберег нигде не нашелся. Была дюжина дюжин мест, где он мог бы его потерять. Да взять хоть нынче утром, когда также снимал кольчугу да рубаху в шатре Иштар. Запросто мог утянуть вслед за одежей оберег. Да мало ли где!..

«Во время сечи, — билась в голос единственная шальная мысль. — Во время сечи».

Святополк подозвал к себе младшего из кметей — тот подошел не без опаски. Князю под злую руку попадаться не хотелось. Отрок молча выслушал его сбивчивый шепот, все шибче и шибче удивляясь. Он так таращил глаза, что Святополк с трудом сдерживался, чтобы не ударить его прямо промеж них.

— Ты все уразумел? — прорычал он, схватив кметя за рубаху и притянув вплотную к себе.

— Д-д-да, княже, — с трудом выговорил тот. — Еду нынче же.

— И чтоб ни звука, ни полслова! Ни с кем! — пригрозил ему напоследок Святополк и оттолкнул мальчишку в сторону.

Тот отскочил от него и поспешил убратся с глаз, пока князь на прощание не отвесил еще пару тумачков. Глядя ему в спину, Святополк закрипел зубами. Коли не найдется перунов молот у Иштар в палатке — быть беде. Он приказал отроку ничего не объяснять хазарской девке и сказать, что князь, мол, велел, поискать внутри шатра одну дорожку ему вещицу. Не бывать тому, что хазары узнают об его потере. Отправить бы кого поискать на месте, где они налетели на дружинников Ярослава, но уж больно то будет приметно.

«Утонул в пыли, вот и все», — порешил Святополк.

Небольшой оберег мог запросто затеряться в земле, затоптанный людьми и лошадьми. Это коли он взаправду потерял его там, а не в ином месте.

«Невелика беда».

Но беда была столь велика, что полночи Святополк не сомкнул глаз. Он мало ел и все больше пил кислое молоко, и едва говорил с кем-то из кметей, сквозь зубы отзываясь на их редкие вопросы. Он обдумывал, во что ему выйдет, коли найдут оберег там, где он больше всего страшился. Обдумывал, как скрыть пропажу в своем тереме. Где найти кузнеца, который выкует ему новый заместо утерянного и никому при том не разболтает. Хоть сразу язык вырывай, али после руби кузнецу голову.

Ни долгожданная ночная прохлада, ни свежий ветер не радовали князя. Никакая мысль не приносила утешения. Он лежал на земле на плаще и смотрел на бесконечное небо прямо над собой, на дюжины ярких звезд. Такая оплошность... Коли пришел бы да признался ему в таком кметь, Святополк, самое малое, убил бы его. Но с самим собой что уж тут поделывать. Нужно как-то исправлять.

— Потерял, когда на обоз напали разбойники, — прошептал он, устраивая под головой поудобнее седельную сумку.

Вымышленным нападением разбойников он уже чаял объяснить смерть двух своих витязей: их убили люди Ярослава, и когда его отряд уходил, Святополк велел забрать мертвых с собой и похоронить недалеко от хазарского становища. Нельзя было оставлять следов, говорил он. И вот сам же оставил.

— Стало быть, два кмета и один оберег. Цена моего набега.

Святополк вздохнул и закрыл уставшие, налившиеся кровью глаза. Как вернется в Белоозеро, испросит у Перуна прощения. Принесет ему великую, богатую жертву. Окропит своей кровью священных идолов. Князь не боялся, что грозный бог отвернется от него, что осердится за нерадивость — потерять перунов оберег, знак своей воинской принадлежности и силы! Отчего-то был уверен, что все обойдется, сможет откупиться от божьего гнева жертвенной кровью. Куда сильнее мысли Святополка занимал старший брат. Коли тот прознает раньше срока...

Еще тянет со стовором отец Иштар. Святополк предложил ему убить Ярослава в степи — куда уж проще, чем в тереме на Ладоге. Но хитрый хазарин не хотел наносить первый удар в надвигавшейся войне, и потому Святополк решил ему подсобить. Не токмо проучить брата, напав на его людей почти у самых ворот терема мелкого князька, но и ударить первым от лица степняков. Станет ли кто-то разбираться, кто налетел на княжескую дружину посреди степени? Кому в голову придет кто-то, окромя хазар?

Святополк был собой очень доволен. Все вышло, как он и задумывал. Коли клюнет брат, то непременно проучит в ответ хазар, а такого уж они ни за что не стерпят. Все шло гладко, пока нынче он не обнаружил, что пропал его перунов молот.

Но Святополк велел себе не тужить. Все равно случится так, как он задумал. Нужно токмо подождать самую малость, пока робичич заглотит наживку и развяжет с каганатом войну.

Девка в тереме II

Рогнеда угодила в опалу к матери да отцу, и на памяти Звениславки то был первый раз. Заканчивалась вторая седмица, как в тереме гостил князь Ярослав Мстиславич, и все минувшие дни Рогнеда провела взаперти в своей горнице. Доброгнева Желановна приставила к дверям пару холопов и велела ни за что не выпускать строптивую княжну. Звениславка допрежь не слышала, чтоб княгиня так говорила о дочери.

Разбитый кувшин, застывшее лицо, поджатые губы, кривая усмешка на пиру, когда просватали княжну, истощили терпение отца, который многое прощал единственной дочке. Уязвленный, рассерженный, Некрас Володимирович махнул рукой, и княгиня Доброгнева взялась за Рогнеду по-своему.

Раньше муж воспрещал ей строжить дочь, и вот куда его потакания привели! Нынче все будет ино. Доброгнева Желановна намеревалась добиться от дочки смирения и послушания в те последние седмицы, что Рогнеда проводила в родимом доме.

Знамо, Звениславку никто не спрашивал, она и помалкивала. Но думала, что плохо отец с матерью знают дочку свою, коли мыслят, что смирится она за пару седмиц, что глядеть на князя станет ласковее. У Рогнеды порою так сверкали глаза, что Звениславке делалось страшно. Гордая, своенравная у нее двухродная сестра. Не привыкла взгляд в пол опускать, прощения просить.

Меж тем, в тереме болтали всякое. Мол, после такого-то сватовства запрет князь Ярослав княжну Рогнеду в горницах в тереме на Ладоге и не выпустит до конца жизни. Ползли слухи про его крутой, лютый норов, да что строжил он своих домочадцев. А еще болтали, что видели в степи его молодшего брата...

Шептались еще люди, что страшные вещи творились в тереме князя Некраса, как приехал к ним на сватовство чужой князь. На второй день после пира, где Ярослав Мстиславич зашелкнул на запястьях княжны Рогнеды тяжелые обручья, отравили его воеводу.

Кто, как, нашто — досель неведомо. Много ночей провела знахарка госпожа Зима подле скамьи, где в беспамятстве лежал воевода Крут. Все говорили, что ходил тот за Кромку, бродил вдоль Смородины-реки да ступал одной ногой на Калинов мост.

Лицо у чужого князя было жутким, черным, пока не сказала госпожа Зима, что будет жить его воевода. Еще бы князю не потемнеть лицом, ведь так и не сыскали отравителя. Приехал он в терем к Некрасу Володимировичу заключить союз да договориться о браке, а вышло все совсем не так, как задумывалось.

Седмицу спустя, утром прошлого дня воевода Крут открыл глаза да попросил испить молочка. Похудел он шибко, осунулся лицом — ввалились щеки, прибавилось седины в волосах. Но Звениславка все равно радовалась, словно поборола немощу ее родной батюшка. Ведь немало ночей просидела подле его лавки и она сама, подсобляя госпоже Зиме. По правде сказать, помощи от нее было мало: что она могла сделать для многомудрой знахарки, окромя как травы потолочь да воды согреть? Ворожила госпожа Зима сама да всякий раз Звениславку из горницы выгоняла, чтоб та не видела и не слышала.

Пожалела ее знахарка и дозволила остаться подле себя. Пожалела перепуганную девку, которая сперва и слова вымолвить не могла. Ведь это Звениславка нашла тогда воеводу на пороге клетки...

Как стало ясно, что выживет воевода Крут, Доброгнева Желановна воспретила Звениславке крутиться подле знахарки да платье на лавке просиживать. Нынче в тереме прибавилось едоков и работы. Приставила ее княгиня следить за снедью, чтоб вдоволь было хлеба и мяса на вечерних трапезах, когда за столами в горнице собиралась дружина чужого князя, чтоб хватало всем питья, но и чтоб дядькины запасы не оскудели, не опустели кладовые и подполы. Звени-

славка сбивалась с ног, чая все успеть. Доброгнева Желановна цеплялась к ней нещадно и пару раз оттащила за косы, когда на столах не оказалось кваса, али не успели напечь караваев.

Вот и нынче Звениславка спешила. Слетела с крыльца и, придерживая подол платья, торопливо шла через задний двор к хлеву. Едва-едва рассвело, и мягкий золотистый свет окутал терем. Солнце еще не припекало, и свежий воздух приятно охлаждал лицо.

Звениславка почти добежала до хлева, когда услышала сдавленные, глухие голоса, ругань и какую-то возню. Остановившись, она обернулась в сторону клетей — пристроек к терему, где нынче жили дружинники князя Ярослава. Напротив одной из них княжий отрок, Горазд, катался по земле, сцепившись с кем-то из дружины ее дядьки. Мальчишки колотили друг друга отчаянно. У обоих уже были разбиты носы и шла кровь, разорваны и испачканы в пыли рубахи. Они свирепо рычали, но в основном молча орудовали кулаками.

Звениславка тихо вскрикнула и тут же крепко зажала рот руками, попятилась назад и заозиралась по сторонам.

— Вы что творите... — шепотом закричала она. — Увидит кто! — она подбежала к ним, пытаясь разнять, и наконец узнала второго отрока — Бажена, сын дядькиного воеводы.

Кто-то из мальчишек неудачно взмахнул кулаком и ударил Звениславку в плечо, и та, пошатнувшись, упала в пыль рядом с ними. А тем временем во дворе сталолюдно, слуги кликнули дружинников, кто-то помог ей подняться и отряхнуть испачканное платье, и вскоре на заднем дворе показался сам князь Ярослав — он шел в конюшню проведать лошадей.

Мужики как раз растащили отроков порознь, крепко держа за плечи и руки. У обоих по лицу сочилась кровь, в кровь же были разбиты кулаки и носы. У Бажена заплыл синевой глаз, а Горазд морщился всякий раз, когда кто-то касался левого плеча.

— Так, — только и сказал князь, поглядев сперва на одного да на другого отрока. Он завел пальцы за воинский пояс на спине и недовольно нахмурился.

Люди обступили их тесным кругом, внутри которого оказался князь, двое провинившихся мальчишек и почему-то Звениславка. Верно, вид у нее был такой, что мыслили, будто она в драке замешана али причастна как-то. Она поспешно провела ладонями по подолу, отряхивая пыль, и тыльной стороной запястья стерла кровь, сочившуюся из уголка губ. Когда токмо успела?..

Горазд разглядывал пыль у себя под ногами и на князя не смотрел. Мало кто решился бы обвинить его в трусости, и уж точно не Звениславка. Каким был князь, когда отравили его воеводу — вспоминать страшно. Она, девка чужая, над которой он не имел власти, и то не отваживалась поднять на Ярослава Мстиславича взгляд. Горячее сочувствие к отроку зародилось в ней.

— Что, стыд лицо жжет? — князь хмыкнул, но в голосе веселье не звучало.

— Отчего столпились здесь? — к ним шагал дядькин воевода, отец Бажена. Увидев сына, отрока из чужой дружины и, наконец, чужого князя, мужчина застыл на пару мгновений.

— А ну пошли отсюда, делом займитесь! — гаркнул он на слуг и холопов, когда прошла первая оторопь.

Праздных зевак как водой смыло.

— Ты-то подожди, — велел воевода Храбр, придерживая Звениславку за локоть.

Вскоре они остались впятером: князь, воевода, два глупых отрока и девка. Холопы и дворовые слуги поглядывали на них издалека.

«Княгиню позовут», — с тоской вздохнула Звениславка. Она жалела, что оказалась посреди двора в столь неурочный час.

— Что не поделили-то? — спросил Храбр. — Неужто девку? — фыркнул он и покосился в сторону Звениславки.

Насупленный Горазд смотрел в землю, Бажена — наискосок на терем, старательно избегая отца.

— Она мимо шла, — буркнул кто-то из них сквозь зубы.

— А что тогда? — продолжал допытываться воевода.

Звениславка покосилась на князя: скрестив руки на груди, тот молчал и неотрывно, пристально смотрел на своего отрока.

— Говори, Горазд, — велел он наконец. — Да не смей лгать в этот раз.

Мальчишка мотнул головой, и Ярослав Мстиславич свел на переносице брови.

— Тебе приказывает твой князь.

— Нет, господине, — отрок выпрямился и поднял голову, отбросив с лица слипшиеся от пота русые волосы. — Лгать не стану. Но и сказать — не скажу.

— Вот как, — ледяным голосом произнес князь. — Ступай за мной.

Он развернулся и пошел в сторону конюшни, и Горазд послушно зашагал следом. Воевода с сыном и Звениславка смотрели им в спины, пока оба не скрылись внутри. Когда из конюшни послышался свист рассеченного воздуха и звуки ударов, Звениславка вздрогнула и зажмурилась. Втянув голову в плечи, она поспешно ушла со двора, слыша, как позади сердитый воевода бранил Бажена. Мимо конюшни она даже пробежала, старательно отворачивая в сторону лицо.

К полудню о драке двух дурных отроков позабыли все, кроме Звениславки да них самих. У нее хоть и было дел не счесть, но нет-нет да и лезли в голову дурные мысли: что, да почему, да отчего драку затеяли, коли князю не смог признаться. Уж точно не из-за девки какой сцепились. Тут-то нет стыда ответить.

Из-за охватившего ее смятения да дурных, спутанных мыслей Звениславка отговорила замешивать тесто на караваи. Не получится вкусный хлеб, коли душа тревожится.

Заместо она подрядилась таскать из погреба кувшины для вечери. Она как раз шла с одним из них в руках, когда ее остановила Забава. Доброгнева Желановна приставила ее стеречь Рогнеду в горнице.

— Княжна тебя кличет, — сказала ей девка.

Звениславка подула на лоб, чтобы смахнуть выбившуюся из косы прядь, и недоверчиво посмотрела на нее в ответ.

— Меня?

Она удивилась. Прежде Рогнеда нечасто звала ее к себе в горницу.

— Скучно ей там, — Забава нетерпеливо пожала плечами в ответ.

Растерянно кивнув, Звениславка отнесла кувшин и покорно поднялась по входу в горницу княжны. У дверей и впрямь стояли холопы, знать, правду говорили девки. Забава же неотступно следовала за ней по пятам.

— Шибко уж ты стараешься, — не сдержалась Звениславка. — Здесь княгини нет.

Острая на язык девка дернулась, но смолчала. Любимая али нет, да все же принадлежала Звенислава роду князя Некраса; была княжной, хоть никто ее так в тереме отродясь не величал. Увезут Рогнедку в чужие земли, и неизвестно, что будет...

Княжна Рогнеда встретила их растрепанная и простоволосая, в одной исподней рубахе, и Звениславка закусила изнутри щеку, чтобы ничего не сказать. Она уж и не помнила, когда видела двухродную сестру такой — может, в далеком-далеком детстве.

Окромя, Рогнеда сняла обручья. Они небрежно валялись на самом краю лавки, того и гляди — упадут на дощатый пол. Так не полагалось. Не ты обручья надевала, не тебе и снимать. Разомкнуть их должен муж уже после свадьбы, в первую ночь, когда жена его разует.

Звениславка решила, что ни на лавку, ни на голые запястья Рогнеды она смотреть не будет.

— Ты звала меня, — вместо этого она посмотрела княжне в глаза и поняла, что та проплакала не одну ночь.

Дрогнуло жалостливое девичье сердечко, и Звениславка едва не бросилась к двухродной сестре, раскрыв руки для объятий. Остановил лишь взгляд княжны да Забава, присевшая на лавку у двери.

— Повышиваешь со мной, сестрица? Скучно, нет мочи уже! — звонко ответила Рогнеда, подводя Звениславку к лавке подле окна, где лежала незаконченная вышивка княжны.

Под тяжелой рукой Рогнеды Звениславка опустила на лавку, и та сама поднесла ей и другую вышивку, и нужные нитки. Она вскинула на княжну изумленный взгляд, когда нащупала в полотне сложенный комок с чем-то острым внутри.

«Молчи, — одними глазами велела ей Рогнеда, нахмутив брови. — Спрячь и молчи».

Под вышивание затянули песню, прося богиню Макошь о милости:

— *Уж ты гой еси, Макошь-матушка!*

Макошь-матушка, всему люду отрадушка!

Освяти ты мою долюшку!

Убери со стези горюшко, всяку беду да маяту!

Нить моя ровным-ровна, а доля счастьем полна!

И в поле и в доме!

Звениславка искоса поглядывала на княжну: та не вышивала, как подобало, рубаху жениху. Пускала по ткани красивый узор, да и все. Она закусила губу: коли прознает, выругает княгиня, что попусту на лавке они юбки просиживают, нитки да полотно переводят.

Темные распущенные волосы лезли Рогнеде в глаза и мешались, и она смахивала их. В косы не заплетала. Так поступали, когда случалось великое горе.

Вздыхнув, Звениславка тихонько покачала головой. Ох, княжна, княжна. Доведешь мать — мало не покажется. Рука у княгини была тяжелой. Рогнеда про то не ведала, росла под защитой батюшки, который не позволял жене строжить единственную дочку. Звениславка же знала.

Когда они допели длинную-длинную песню о Макоши да о нитях судьбы, которые прядет богиня, Звениславка подхватила уходить. Не могла она дольше засиживаться, следовало возвращаться да к вечеру поспешать.

Рогнеда не противилась и не уговаривала ее. Словно и сама ждала, когда уйдет сестрица.

— Спасибо тебе, что пришла ко мне нынче. Скоротала я с тобой денечек, — приговаривала княжна, обнимая Звениславку. — Отдай Усте, — быстро успела шепнуть она ей на ухо и шагнула назад под бдительным взглядом Забавы.

Оказавшись за дверью горницы, Звениславка прислонилась спиной к деревянному срубу и зажмурилась. В кулаке она крепко сжимала то, что подсунула ей вместе с полотнищем Рогнеда. Вздыхнув, она спустилась по всходу, вышла из терема в сени, а после во двор и только там решила поглядеть. Держала она в руке маленькую куколку Макоши. Они мастерили такие, когда были еще совсем девчонками в детских рубашонках.

Звениславка запрятала ее поглубже в свои юбки и огляделась. Неспроста Рогнеда попросила ее отдать куколку Усте. Был между ними какой-то уговор, а куколка — тайным знаком. Она вспомнила, как сильно княжна сжала ей напоследок запястье; почти до боли, до красных пятен от хватки ее пальцев.

От Рогнеды она никогда не видела зла. Княжна не задирала ее и не дразнила. Детьми они играли вместе, а как повзрослели — едва ли говорили друг с другом. У одной свои заботы, у другой — свои.

Так уж повелось. Так было правильно, Звениславка понимала и потому не мыслила обиду какую держать али иное что. Есть единственная любимая дочка князя, а есть — братоучадо, сирота, которую взяли в княжеский терем.

Тряхнув косами, она быстро зашагала в людскую часть терема. Отыскала у очага Устю, поманила за собой в темный уголок клетки и, посмотрев по сторонам, одним движением сунула

той в руки куклу. Девчонка не подала и виду, молча взяла куколку и поскорее вернулась к своему занятию. Так Звениславка уразумела, что была права. Княжна и теремная девка загодя о чем-то сговорились.

Если б ведала она тогда, о чем, то сожгла б куклу и обходила б горницу Рогнеды десятой дорогой.

Стащить сладкого пирожка токмо-токмо с печи в горницу ввалились близнецы Ждан да Желан. Стряпухи замахали на них ручниками: в женском углу на княжичей и прикрикнуть могли, и подзатыльник дать, коли под ногами крутились да мешались. Их мать, княгиня, дозволяла. Все чаяла на сыновей управу сыскать.

От печи да от ухватов, полных румяных, блестящих пирожков, мальчишек отвадили, и те понуро поплелись к двухродной сестрице. Звениславка раскладывала по горшкам кашу, чтоб сподручнее было выносить на столы на вечере.

— Даже не помышляйте, — загодя крикнула она им, чтобы близнецы слышали ее сквозь шум и гул, который обычно стоял в клети, когда стряпали. — Мне и самой через вас достанется.

— Ну, Славка, ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Мальчишки облепили ее с двух сторон, лазя под руки, и Звениславка была сама не прочь отвесить каждому по подзатыльнику. Не хватало еще из-за непослушных негодников кашу рассыпать!

— Сказано вам — нет. Некогда мне, ступайте! На пиру налопаетесь всласть, недолго уж ждать, — сердито отозвалась она, с трудом удерживая тяжелый горшок.

Прозорливые близнецы мигом подставили руки, подсобляя ей.

— Так украдкой вкуснее, — тоскливо вздохнул Ждан.

— А мы тебе расскажем, про что не ведает никто! — предложил Желан и белозубо улыбнулся.

— Это ж про что такое ты мне поведаешь, братец? Что за тайна сия великая? — Звениславка отмахнулась от них: ну вас, мол.

— Через что нынче наш Бажен с тем отроком подрались, — прошептал Желан.

— Больно надо мне, — сказала Звениславка, впрочем, безо всякой убежденности в голосе.

Близнецы терпеливо подождали, пока она разложит кашу по всем горшкам и отнесет пустой котелок к печке. Вернувшись, сестра сунула каждому из них в руки по паре горячих, липких пирожков, и Желан едва не завопил от радости. Закрыв рот рукой под строгим взглядом старшего брата. Не столько хотелось им вкусных пирожков, как Звениславку уломать да поделиться хоть с кем-то тайной, которая так и жгла изнутри. Едва-едва дотерпели до часа, когда сестрицу в укромном месте смогли поймать.

— Ну, рассказывайте, — велела она, когда мальчишки уплели по первому пирожку.

Токмо за щеками трещало!

— Бажен рогнедкиного жениха робиичем назвал, — выпалил поспешно Желан. — Мы слышали, как он дядьке Храбру признался.

— Ох, — вздохнула Звениславка, поднеся ладони к щекам.

Стало быть, вот как все обернулось. Не диво, что отрок пред князем смолчал. Такое-то вслух произнести... уж лучше порку перетерпеть. И как токмо язык у негодника, у Бажена, повернулся сказать!

— А дядька Храбр что? — спросила она, через силу улыбнувшись довольным близнецам.

— А еще пирожок?

— Ну ты и наглец! — она шелкнула по лбу Желана и в притворном возмущении скрестила руки на груди. — Совсем сестрицу заездили!

— Отругал Бажена-то, — Ждан пожал плечами. — И велел помалкивать.

— Знамо дело. Батюшка ваш за такое-то осерчает люто. Союз ведь заключили они нынче, — Звениславка кивнула. Потрепала близнецов по темным, отцовским, волосам и подтолкнула к двери в сени. — Все, ступайте, ступайте. Совсем заболтали меня!

На пиру во всеуслышание молвили, что не далее как через три дня отправится князь Ярослав с невестой своей да дружиной домой. Заждались его в тереме на Ладоге, да и порядочно он загостился уже у славного князя Некраса Володимировича. Пора и честь знать. Увозить княжну Рогнеду в ее новый дом, устраивать там великий свадебный пир. Молодцы его под неустанной заботой госпожи Зимы совсем оправились, и рвется в родную избу едва вставший на ноги воевода Крут.

Так сказал Ярослав Мстиславич, поднимая кубок за здоровье Некраса Володимировича и всей его семьи.

«Кто же объявит о таком Рогнеде», — тотчас помыслила Звениславка, услышав его слова.

По обыкновению, она прислуживала за столом: подносила напитки дядьке и его гостю. Раньше еще сидели подле них воеводы, но один лежал нынче на лавке, борясь с недугом, и перед самой вечерей сказался больным воевода Храбр. Чает не встречаться с князем после утренней драки, решила Звениславка. Тем паче, ведает, из-за чего все случилось промеж его сыном да княжым отроком.

Против воли Звениславка заулыбалась накануне, когда вошел в горницу и сел за стол Горазд. Про Ярослава Мстиславича многое болтали в тереме, и Звениславка отчего-то волновалась за чужого, незнакомаго ей мальчишку... как бы до смерти не прибил свирепый князь.

Но отрок сидел за столом и ел, и улыбался в ответ на рассказы кметей, и у Звениславки теплело на душе. Слишком близко она приняла к сердцу ту драку, которую и увидела-то случайно. Она так пристально всматривалась в отрока, что все же углядела у него на шее у самого ворота рубахи красные полосы от плети.

Меж тем Некрас Володимирович поднял кубок за здоровье князя Ярослава, чествуя его и союз двух княжеств.

Пир, на котором не сидела натянутой тетивой княжна Рогнеда, проходил куда веселее. А может, радовался Ярослав Мстиславич тому, что окреп его воевода, говорил уж почти связно, сам ногами по горнице ступал. Потому и звучно смеялся, потому и беседовал охотно. Потому и сбилась Звениславка с ног, поднося им с дядькой хмельной мед.

Намаявшись за день, она рухнула на лавку словно подкошенная, когда добрела после окончания пира до своей маленькой, тесной горницы. Добрый час убирали теремные девки со столов, а княгиня Доброгнева осматривала оставшуюся снедь и припасы. Она будто бы даже кивнула Звениславке с одобрением и расправила примявшийся ворот рубахи. Считай, приласкала. Видно, успокоилось материнское сердце. Увезет вскоре жених строптивую дочку. Крепко княжеское слово, и никакие рогнедины вычуры его не поколеблют.

Засыпала Звениславка счастливая, хоть и уставшая донельзя. И спала столь крепко, что не разбудили ее ни крики, ни шум за стенами горницы. Не слыхала она ничего, пока с оглушительным грохотом не распахнулась дверь, и на пороге не появился молодец, которого в темноте сразу было и не признать.

Звениславка проснулась, закричала испуганно, разом уползая на лавке в самый дальний угол, поближе к стене. Была она простоволосая со сна и потому попыталась закутаться в покрывало, пока не услышала, что в тереме пожар.

— Живо, живо, княжна, — выломавший дверь кметь торопил ее, озираясь по сторонам. Позади него и впрямь Звениславка разглядела густой, сизый дым.

Она хотела вновь закричать, но окаменело вдруг горло.

— Поднимайся, ну, чего же ты! — прикрикнул он, и Звениславка затряслась, словно лист на ветру.

Но все же послушно вскочила, схватила покрывало — ничего другого кметь ей не позволил взять, подгоняя — и выбежала из горницы. Парень крепко держал ее за руку и заставил низко пригнуться, оберегая от дыма. Он прижал ее лицо к своему поясу и потащил за собой. Звениславка спотыкалась через раз, хоть и бежали они по терему, в котором она выросла и ни разу не оступалась прежде. Раздававшиеся повсюду крики оглушили ее, еще пуще испугав, хоть и казалось, что пуще уже некуда.

По всходу кметь стащил ее на руках и на руках же донес до сеней.

— Не бойся, княжна, — успел шепнуть ей кметь, прежде чем воротился в терем.

Чувствуя себя слепой от едкого дыма, Звениславка, кое-как шаря ладонями по бревенчатым стенам, набрела на дверь и выбежала из сеней прочь. Свежий ночной воздух опьянил ее, и она закашлялась, согнувшись пополам. Все же успела наглотаться дыму...

Сквозь шум она услышала, что кто-то зовет ее по имени, почувствовала успокаивающее поглаживание детской ладони по плечу.

Открыв слезящиеся, покрасневшие глаза, Звениславка увидела подле себя встрепанных близнецов. У младшего, Желана, в черной саже была испачкана щека и ночная рубашонка. Старший, Ждан, все еще легонько поглаживал ее по плечу. Она кивнула мальчишкам и выпрямилась, принялась озираться по сторонам: вот из терема вывели под руки княгиню Доброгневу, а холопы и кмети носились по двору с ведрами и лоханями воды. Большого пламени она не увидела, токмо дюже дымило где-то с людской стороны терема.

— Обошлось, — выдохнула она белыми от страха губами. — Боги светлые, обошлось!

— Матушка, матушка! — наперебой бросились близнецы к матери, и она обняла их, прижала к себе с двух сторон.

Звениславка клацнула зубами и посильнее запахнула на груди покрывало. Она постаралась спрятать под ним и растрепанную косу свою, но вышло плохо. По земле тянуло ночной прохладой; Звениславка переступала босыми ногами, пытаясь согреться.

Следом за княгиней из терема на руках вынесли воеводу Крута. Тот костерил кметей почем свет стоит, чтобы те опустили его на ноги да позволили идти самому, но мОлодцы пропускали его брань мимо ушей. Они снесли воеводу с крыльца, подальше от терема, и лишь тогда поставили на землю.

— Рогнеда, где Рогнеда?! — заволновалась княгиня. — Запор же у нее на двери!

Из терема валил густой, черный дым.

— Угорит же!

Доброгнева Желановна бросилась сама в сени, оставив во дворе близнецов. Толком не подумав, Звениславка побежала следом. Она уже поднималась по крыльцу, когда услышала голос дядьки:

— Куда лезешь ты, вертайся назад!

Некрас Володимирович выволок жену под руки из терема.

— Совсем ополоумела, глупая баба! Ярослав уж пошел за ней! Нет там огня, не станется с ней ничего! — ругал он жену.

У княгини задрожали губы. Она отвернулась от него, сгорбившись. Звениславка тихонько попятилась назад, спустилась по ступенькам с крыльца и, отойдя, поманила к себе поближе близнецов.

— Эй вы, — дядька подозвал кого-то из слуг. Он провел ладонью по лицу, стирая сажу. На правой руке у него — от запястья и до локтя — расцветал огромный ожог, но он словно и не замечал.

Он не успел спросить, что хотел — удалось ли прибить к земле огонь и не дать ему поползти по терему вверх, потому что раздались позади него девичьи вскрики, шум борьбы, чья-то ругань. А после на крыльце показался Ярослав Мстиславич. Сжимал он в одной руке запястье Рогнеды без обручья, а другой держал за шею княжеского десятника Ладимира, на

котором не было и нитки одежды. Позади них в сених виднелись сваленные как попало тюки с добром да наставленные сундуки с приданым — вытаскивали из горниц, чтоб спасти от огня.

Чужой князь толкнул к ногам Некраса Володимировича нагую, ревущую дочку, и та, будто подкошенная, упала на бревенчатый пол. Ярослав поднял тяжелый, немигающий взгляд, и стало вокруг очень-очень тихо.

Токмо дым продолжал валить, но уже не такой густой.

Княжий отрок II

На второй после сватовства день Горазд чистил лошадей в стойлах, когда услышал громкий крик. Когда в тереме так вопит девка — быть беде. На голос Звениславы в людскую часть терема тогда сбежались и челядь, и кмети; и отрок тоже подошел поглазеть. Подошел, да обмер.

Девка сидела на полу и держала на коленях голову дядьки Крута, а у того по губам и подбородку стекала белая жижа. Воевода хрипел, царапая ладонями доски.

Тотчас кликнули лекаря, отправили кого-то в городище за знахаркой. В шесть рук подняли воеводу с бревенчатого пола и перенесли в ближайшую клеть на лавку. Звенислава Вышатовна все поддерживала тому голову, словно боялась отпустить. Какой-то парнишка из местных накрыл ее плечи ладонями, увлек за собой, заставил отвернуться от воеводы. Взял ее за руки, принялся растирать их, согревая, и Звенислава, отойдя от испуга, заревела.

Горазд замечал все вокруг лишь самым краешком разума. Не отрываясь, он смотрел на воеводу. Бледного до синевы, с жижей на подбородке, с запавшими, налившимися кровью глазами, со вздувшимися на висках жилами. Кто-то принес и подставил под лавку ведро, перевернул дядьку Крута на бок, принялся расстёгивать пояс и рубаху. Прибежал встрепанный лекарь, следом за ним в клеть вошла княгиня Доброгнева.

«Князя нет, — отрешенно подумал Горазд. — Уехал поутру с Некрасом Володимировичем».

Лекарь велел снять с воеводы всю одежду, кроме порток, согреть воды, притащить тряпок да ведро поглубже. Пока он заваривал свои травы и вливал снадобья дядьке Круту в рот, из городища привели знахарку.

Она уже врачевала воинов, вспомнил Горазд. Строгая, гордая госпожа Зима. Она выгнала из клетки всех зевак, чтоб не путались под ногами, оставила лекаря, притаившегося в самом углу, Горазда да пару крепких кметей. Ей хватило одного взгляда на воеводу, чтобы уразуметь, что приключилось.

— Держите его. Крепко! За руки и за ноги, — велела она и достала из своей корзины бутылек с чем-то омерзительно пахучим.

Дурнота подкрадывалась к горлу от одного лишь запаха.

— Давайте, — велела она, скручивая крышку бутылка.

Горазд вдавил в лавку плечи воеводы, один парень навалился на грудь, другой — стиснул ноги. Знахарка, подсунув ладонь дядьке Круту под шею, приподняла голову и поднесла бутылёк к губам. Тот закашлялся, подавился, задергался всем телом — лавка заходила ходуном.

— Держите! — прикрикнула на них знахарка. Она настойчиво вливала мерзкую жижу воеводе в рот до тех пор, пока в бутылке не осталось ни капли.

— Переверните его и подставьте ведро, — велела госпожа Зима, отступив от лавки. Она утирала ладонью со лба пот.

Горазд едва успел исполнить, как воеводу вывернуло. Он хрипел и стонал, и отроку уже помстилось, что не выдержит, умрет не от одной отравы, так от другой. Но дядька Крут сдюжил, хоть и обессилел совсем.

— Напоите его, — распорядилась знахарка и достала из корзинки второй пузырек.

Еще три раза они держали воеводу, и госпожа Зима вливала в него снадобье. Еще три раза дядьку Крута выворачивало наизнанку, того и гляди — вылезут наружу кишки.

«Помрет, — всякий раз думал Горазд, кусая губы. — Как есть, помрет».

Когда воевода впал в забытие, знахарка остановилась и спрятала очередной пузырек в корзинку.

— Довольно, — велела она, подойдя к лавке. По-матерински нежно провела ладонью по лицу воеводы, убрала спутанные, мокрые волосы. — Теперь уж ты сам.

Кликнули челядь прибрать, унести грязные ведра да тряпки. Госпожа Зима опустилась на лавку напротив воеводы и подперла ладонью щеку. Дядька Крут едва дышал: тихо, неприятно вздымалась испещренная шрамами грудь. Горазд замер в дверях, глядя на него, будто завороченный.

— Кто нашел его? — спросила негромко знахарка.

— Княжна... — отрок запнулся и прочистил горло, кашлянув. — Звенислава Вышатовна.

— Приведи ее сюда, — велела госпожа Зима, и он послушно кивнул.

Слово знахарки обладало неведомой властью, заставляя беспрекословно подчиняться. Никто в тереме и не помыслил ей перечить: ни он сам, ни кмети, ни здешний лекарь! Даже княгиня Доброгнева вышла из горницы, когда ей велели.

Горазд бежал по двору, разыскивая Звениславу Вышатовну, когда дозорные со стен крикнули, чтобы открыли ворота: мол, возвращаются князья! Где в тот момент стоял, там и замер отрок, поевшись. Не ведает ведь еще ничего Ярослав Мстиславич про ближайшего воеводу своего.

Мальчишка вздохнул и потоптался на месте. Негоже прятаться от трудной участи. Он пошел к ним навстречу, принял у князя поводья и придержал коня, пока тот спешивался. Ярослав Мстиславич сразу почуял неладное. Шибко уж понурый у отрока был вид. Он развязал ремешки дорожного плаща и снял его, дождался, пока конюх уведет лошадей и посмотрел на мавшегося в нерешительности Горазда.

— Что? Говори же!

— Приключилось что? — к ним подошел Некрас Володимирович.

— С воеводой Крутом беда, княже, — выпалил Горазд. — Он жив! — поспешно добавил он, заметив, как переменялся в лице Ярослав Мстиславич.

— Какая беда? — недоверчиво спросил Некрас Володимирович. Он словно не хотел верить, что кто-то мог учинить зло в стенах его терема. Под покровом его дома.

— Отведи к нему, — сквозь зубы велел Горазду Ярослав Мстиславич, и тот кивнул.

Втроем они пересекли теремной двор и вошли в небольшую клеть, где разместили воеводу, как раз когда здешний мальчишка-конюшонок привел к знахарке Звениславу Вышатовну. Горазд чуть не хлопнул себя по лбу от разочарования. Как увидел князя, совсем забывался, по какой нужде посылала его госпожа Зима. Но та молча на них поглядела и ничего не сказала.

Стоя в углу клетки, она тихонько беседовала с княжной, расспрашивая ее, как нашла она воеводу, да что делала, а может воевода что-то успел ей шепнуть?.. Не видала ли подле него снеди какой?

Звенислава Вышатовна отвечала ей коротко и неохотно. А завидев вошедших князей, смутилась еще пуще прежнего и обхватила себя ладонями за плечи.

— Ступай-ка, дитятко. После договорим, — знахарка ласково ей улыбнулась, погладила по щеке и отпустила восояси. Та и рада была выскользнуть из горницы прочь.

— Мой воевода в себе? — Ярослав Мстиславич опустился на одно колено подле лавки, где лежал дядька Крут. Он все пытался уловить его тихое-тихое дыхание. — Что с ним?

— Твой воевода ходит нынче по Кромке, князь, — отозвалась знахарка. — Счастье, что нашли его быстро.

Ярослав Мстиславич поднялся на ноги, потянул за ворот рубаху, словно ему не хватало воздуха.

— Отравили его, — госпожа Зима поглядела на воеводу. — Чем — не ведаю. Но травили крепко, насмерть.

— Его с умыслом отравили? Не сам? — переспросил Ярослав, также поглядывая на лежавшего в беспамятстве воеводу. — Не мог ненароком?

— С умыслом, — знахарка кивнула. — Нечем ему было в тереме самому отравиться, пусть даже и ненароком. Коли б княжна его сразу не увидала, был бы твой воевода уже мертв, князь, — добавила она, посмотрев ему в глаза.

— Я хочу знать, кто, — Ярослав Мстиславич повернулся сперва к Некрасу Володимировичу, а после — к Горазду.

Глаза у него были совершенно жуткие: мертвые, черные; словно разом ушла из них вся жизнь. Еще пуще побелел старый шрам на правой щеке — так бывало всякий раз, когда он гневался.

— Ты с воеводой нынче был? — чужим голосом спросил князь.

— Токмо утром, господине, — Горазд облизал пересохшие губы. — А после дядька Крут сызнова к кузнецу пошел. Они с кольчугами там возятся, уж какой день. Не видел его больше.

— А после что делал?

— Лошадей чистил. А до — из дерева куклы сестрам мастерил.

Князь медленно кивнул и вновь поглядел на Некраса Володимировича.

— Подсобишь мне, родич? Дознайся?

— Непременно дознаемся, кто на воеводу твоего посягнул, — кивнул тот. — Велю собрать кметей и челядь, всех спросим. Может, кто что видал.

— Добро. Благодарю, — Ярослав Мстиславич поднес к груди сложенный кулак и склонил слегка голову. — Не навредим мы воеводе, госпожа, коли перенесем его в мою горницу? Сподручнее так будет, — спросил уже у знахарки.

— И впрямь сподручнее будет, — немного обдумав, отозвалась она и кивнула. — Собери молодец, князь.

Повинуясь его кивку, Горазд позвал нескольких крепких дружинников, и вместе они с великой осторожностью переложили воеводу на носилки из плаща да копий и отнесли по всходу в горницу, где жил князь.

Отрок торопливо убрал с прохода кучу примятого сена, на которой он спал подле двери, да свой плащ и седельные сумки. Воеводу опустили на лавку, подложили под голову сложенную холстину и укрыли княжеским плащом.

Когда кмети вышли из горницы, князь посмотрел на знахарку. Та доставала из корзинки и деловито раскладывала на длинном дубовом столе свои снадобья: горшочки, мешочки, бутылки. Порой госпожа Зима гладила свое обручье, торквес, подносила к губам пальцы и что-то шептала, будто заговаривала.

— Поставь моего воеводу на ноги, госпожа, — не приказал — попросил — Ярослав Мстиславич. — Отблагодарю тебя, как скажешь. Что хочешь — токмо скажи. Исполню.

— Не бросался бы ты такими клятвами, князь. Опасно, — знахарка посмотрела на него, прищурившись, и покачала головой. — Там видно будет. Не в силах я пообещать тебе что-то. Не ведаю, сдюжу ли я...

Госпожа Зима выглядела растерянной. Она будто удивлялась своим же словам. Будто никогда допреж не сталкивалась с тем, что не сдюжит кого-то исцелить.

— Коли понадобится тебе что — скажи! Мне али отроку моему, — князь указал рукой на стоявшего в сторонке Горазда. — Все исполним.

— Отпроси у княгини девочку, Звениславу, мне в подмогу. Пусть сидит здесь при воеводе. Да не вели входить сюда никому без моего дозволения, — знахарка накрыла торквес на груди ладонью. — Больше мне ничего не потребно.

Горазд перенес из горницы свои пожитки и вещи князя в клеть внизу, где ночевали кмети из молодой дружины, и потянулись долгие дни ожидания добрых вестей от знахарки.

Госпожа Зима редко выходила из горницы и оставляла воеводу Крута без своего призора. Днем ей подсобляла Звенислава Вышатовна. Княгиня Доброгнева крайне нехотя исполнила просьбу Ярослава Мстиславича и позволила княжне отвлечься от своих дел в

тереме. Тем паче, прибавилось их нынче, когда Рогнеду Некрасовну, княжескую невесту, в горнице заперли за непослушание да вздорный нрав.

На ночь же знахарка всегда оставалась в горнице одна и строго настрого воспретила отворять дверь после захода солнца и до его первого утреннего луча.

Все в тереме шептались, что она ворожила.

Ярослав Мстиславич ходил черен лицом. Расспросы челяди да воинов ничего не дали; дознаться кто, да когда, да как, да почему отравил воеводу они не смогли. Знамо, князя это не обрадовало.

В тереме на него стали поглядывать с опаской. Горазд слышал шепот слуг, видел, как смотрели ему в спину теремные девки. Не диво, что вскоре кой-какие стали жалеть княжну Рогнеду, запертую строгой матушкой в горнице. Может, не напрасно княжна будто каменная на пиру, где ее просватали, сидела. С таким-то лютым женихом!.. Станешь тут не токмо каменной.

Жалели княжну и среди челяди, и среди дружины Некраса Володимировича. Всё ж любили люди гордую, своенравную княжну. Знали еще с самого детства!..

В один из дней князь сидел на пороге клетки, примыкавшей к задней стороне терема. Он держал перед собой меч, воткнутый остриём в землю, и чистил его сложенной в несколько слоев тканью. Увидав, Горазд аж подпрыгнул и позабыл, зачем искал Ярослава Мстиславича.

— Я не доглядел, княже?.. — с опаской выпалил на выдохе — так спешил к нему!

Где это видано, чтобы господин меч сам чистил!

Князь поднял голову и посмотрел на него, прищурившись. Хоть и сидел он под высокой стеной терема, а жгучее степное солнце слепило глаза даже в тени.

— Нет. Захотелось мне.

Ярослав Мстиславич покачал головой, повыше закатал рукава простой холщовой рубахи и вернулся к прерванному занятию. Горазд остался подле него, неловко переминаясь с ноги на ногу. Чувствовал он себя глупо донельзя. Совсем по иной надобности шел он к князю и не так чаял заговорить с ним!

— Говори уже. Что мнешься, — велел князь недовольно.

— Мне дядька Крут молчать велел... но я помыслил, а вдруг сгодится... — спутанно, сбивчиво заговорил отрок и оборвал сам себя.

Что лопочешь, будто дитя! Он замолчал и набрал в рот воздуха; мыслил, успокоиться так. Князь терпеливо ждал. Правда, меч в сторону отложил. Не посидеть ему нынче в одиночестве, не обдумать все в тишине.

— Господине, — сызнава заговорил Горазд, — когда седмицу назад ты спросил, где мы с воеводой Крутом были, а я ответил, что ездили поглядеть на место...

— Солгал, — перебил отрока князь. — Ты солгал мне. Чаешь в том повиниться? — хлестко, с уловимым раздражением спросил Ярослав Мстиславич.

— Нет, княже... то есть, да, но... — Горазд окончательно запутался и растерялся.

— Ведаешь, что за ложь князю бывает? — дождавшись кивка отрока, он продолжил. — Ну, об этом мы еще потолкуем. Говори, что хотел.

Горазд подавил вздох. Тяжесть княжеской руки он знал не понаслышке.

— Мы не просто тогда ездили поглядеть на место, где хазары напали, — заговорил отрок. Прав князь. Нужно сперва сказать, что намеревался, а уж после себя жалеть.

— Воевода Крут искал что-то и мне велел. И я нашел втоптаный в землю перунов оберег...

Когда князь вскочил на ноги, Горазду потребовалось немало мужества, чтобы не отшатнуться в сторону. Он замолчал и перевел дух.

— Что нашел? — выдавил Ярослав Мстиславич сквозь зубы.

— Перунов оберег. Дядька Крут забрал себе и тебе велел не сказывать.

Не зря эта мысль точила Горазда уж второй день! Нашел он нечто шибко важное и для воеводы, и для князя. По скудомыслию своему он не разумел, отчего да почему. Но не стал бы князь просто так тревожиться.

— Как этот? — Ярослав Мстиславич вытащил из-под рубахи длинный шнурок с Громым колесом.

— Токмо там молот был. И на цепочке, — отроку приходилось задирать голову, чтобы смотреть князю в глаза.

Чтобы найти оберег, князь приказал вывернуть наизнанку седельные сумки и иную поклажу воеводы. Горазд искал даже на конюшне в стойле у лошади дядьки Крута, но все попусту. Мальчишка уж стал терзаться, а вправду ли он видел тот оберег да держал в руках? Уж не помстилось ли ему?

— Ты кому-то говорил об обереге? — спросил его князь, когда перунова молота не оказалось и в последней сумке воеводы.

— Нет, княже.

— И впредь молчи. А как воевода очнется — я с ним потолкую. Коли б он сказал мне сразу, да ты не солгал... все было бы ино.

Когда слышали крики про пожар, Горазд с Вышатой да другими кметями повскакивали с лавок в чем мать родила. Токмо успели портки натянуть да ножны с мечами похватать, прежде чем вывалились из клетки на холодный ночной воздух.

По коже тотчас рассыпались гусиные лапки да красные пятна; правда, мОлодцы их не замечали. Бросились, кто куда — расталкивать слуг, коли кто спал еще, выводить из конюшни лошадей, таскать воду из колодца, будить князей да их домочадцев на другой стороне терема. Горазд побежал туда. Ярослав Мстиславич нынче в клетки с дружиной не ночевал; верно, в горнице с дядькой Крутом остался.

На княжеской стороне терема хватало подмоги. Два кметя стащили по всходу и вынесли в сени сынишек Некраса Володимировича; кто-то звал княгиню Доброгневу. Нужно было пособить и вытащить, покуда можно, из горниц сундуки с добром, и Горазд взялся за один из них. Склонился и почувствовал, как вздулись на спине следы от плети.

Терем заволокло едким дымом; от него слезились глаза, а из груди рвался надсадный кашель. Уж который пожар на памяти Горазда, но досель не видал он такого. Чтоб дым глаза резал так, что нет мочи смотреть!

Непрестанно кашляя, он вытащил кое-как в сени сундук и тяжеленный мешок. Порадовался, заслышав брань дядьки Крута — сразу несколько молодцев снесли его по всходу. Стало быть, все с ним ладно, коли браниться начал. Потом отрок впопыхах и темноте налетел на Ярослава Мстиславича.

— Я за Рогнедой, — сказал он кому-то в сенях и в два широких шага оказался подле всхода.

Едва дыша, Горазд выскочил из терема и отбежал подальше. Согнувшись, он долго и надсадно кашлял, пока в ушах не зашумело, да перед глазами не заплясали белые пятна. Дым едва ли не выжигал ему нутро.

Малость охолонув, он выпрямился и увидел подле себя запыхавшегося, взмыленного Вышату со стесанными в кровь ладонями. Ведер они нынче от колодца перетаскали изрядно. Отрок достал из-за пояса порток рубаху и протянул ее Горазду.

— Кровит у тебя спина, — сказал. — Прикройся.

Тот с благодарностью принял. Он и сам чувствовал, что кровит... За минувшую седмицу был он порот чаще, чем за все время с зимы, когда приняли его в княжий терем на Ладоге отроком.

— Побороли там огонь. Неясно, с чего занялось, — говорил меж тем Вышата.

«Хоть бы князь из дружины не погнал», — едва слыша его, переживал Горазд. Сперва солгал ему, после подрался и смолчал... Пожар мало донимал его нынче.

— Ты погляди-ка! — Вышата стиснул его плечо и потряс. — Погляди, что творится.

Горазд тер глаза, из которых и впрямь пошли слезы. С трудом разлепив их, он посмотрел, куда указывал взбудораженный Вышата. В предрассветных серых сумерках он заметил на крыльце терема яркое светлое пятно и не уразумел сперва, что там. Вышата потянул его за собой поближе, и через пару шагов Горазд узнал в белом пятне княжну Рогнеду Некрасовну без клочка ткани на теле.

Их князь стоял подле нее, держал за шею десятника Некраса Володимировича Ладимира — того самого, которого купал пару седмиц назад в бочонке с водой. Его еще после ласковым прикосновением утешала княжна Рогнеда, и Горазд подглядел ненароком.

Подле крыльца собиралась толпа зевак из челяди и кметей. Черный дым медленно рассеивался вокруг терема. Еще немного, и запоют первые рассветные птицы. В звенящей тишине был отчетливо слышал горестный девичий плач.

Горазду отчего-то захотелось отвернуться, когда княжна Рогнеда проползла прямо по крыльцу и ухватила за штанину отца, Некраса Володимировича, и тот брезгливо отдернул ногу. Взмахом руки он остановил кинувшуюся к дочери княгиню. Доброгнева Желановна схватилась за грудь и зашла в горестных причитаниях.

Сжавшись на крыльце между отцом, матерью, женихом и любимым, княжна Рогнеда тряслась то ли от холода, то ли от страха, и все пыталась прикрыться от чужих взглядов длинными растрепанными волосами. Из-за пожара да спешки ни у кого не было даже плаща, чтоб накинуть ей на плечи. Да кто бы ей его еще дал, кто бы позволил!

«Так ей и надо, так и надо! — сжав кулаки, кипел злобой Горазд. — Такое сотворить! Себя, отца, род... князя Ярослава Мстиславича обесчестить!»

— Заприте... заприте этого вымеса! — дрожащим от злости голосом велел Некрас Володимирович, указав на своего десятника.

Тот все висел тяжелым мешком в руке Ярослава Мстиславича и особо не противился. Когда его уводили, он вскинул в кровь разбитое лицо и скривился.

Люди в толпе отвлеклись на десятника, перешептываясь, и никем не замеченной на крыльцо проскользнула вторая княжна. Звенислава Вышатовна сняла с себя покрывало и, опустившись перед Рогнедой на корточки, накинула его ей на вздрагивающие, трясущиеся плечи. А сама осталась в одной исподней рубаше. Диво, что следом за ней на крыльцо запрыгнули сыновья Некраса Володимировича. Мальчишки стали по обе стороны от сестры и склонили накупленные головы.

Их отец словно отмер.

— А ну-ка в терем все! Живо! — закричал он на домочадцев, схватил дочь за руку и вволок ее в сени. Княгиня Доброгнева поспешила за ним, едва ли не за уши уводя близнецов с крыльца.

Сгорбившись под тяжелым взглядом Ярослава Мстиславича, Звенислава Вышатовна забежала в дверь следом за тетужкой. Князь среди толпы выхватил глазами воеводу Крута, кивнул ему, указывая на терем, развернулся и вошел в сени.

Толпа вокруг Горазда и Вышаты разом заговорила, загомонила. При князьях люди не шибко решались, а как скрылись те в тереме — тотчас принялись чесать языками.

— Безсормона девка, — не выдержал и Вышата.

Он примолк, когда мимо проковылял воевода Крут. Оба дернулись к нему подсобить, и обоих дядька вытянул бранным словом.

— Видать, окреп, — хмыкнул ему вслед Вышата и, глядя на терем, покачал головой. — Что-то будет нынче. Наш князь и забить ее вправе.

— Вправе... — отозвался Горазд. — Эдакую шлѣнду я б не токмо забил! — прошипел он, стиснув кулаки так, что побелели костяшки.

— Тише ты, — шикнул на него Вышата. — А ну услышит кто чужой!

— Уж скоро все княжество прознает, и побежит слава о княжне далеко за его пределы, — с ожесточением возразил Горазд.

Все для него было уже решено и все ясно. Такой срам! Такой позор!

Смотря на него, Вышата поежился. Перед рассветом в степи воздух был самый студеный. Люди неспешно уходили от крыльца, судача. Про пожар уж успели все позабыть: какой там, тут княжна опростоволосилась, опозорила род да отца.

— Идем, — Вышата тронул за руку Горазда. — Что тут попусту глазеть.

Чаял он увести его подальше от терема. Как бы не натворил чего, вон как смотрит, сверкает лютыми глазищами!

— Видал, что она и обручья разомкнула? — Горазд хоть и пошел за ним, но все никак не унимался.

Не укладывалась в голове мысль, что можно эдак с князем поступить! С князем, которого почитают и в Ладогѣ, и в соседних землях! Который снискал великую славу в военных походах!

— Коли приѣдет ее Ярослав Мстиславич, никто и слова супротив не скажет, — бормотал Горазд, пока брел следом за Вышатой к клети.

Слуги убирали валявшиеся всюду на земле ведра и лохани, в которых носили от колодца воду. Ближе к тому месту, где занялось пламя, сухая прежде земля напоминала болотце, а стена терема была черна от огня да вылитой воды. Подле той стены стоял знакомый Горазду воевода Храбр с парой мОлодцев. Благо, что сынка его, Бажена, поблизости не было.

Мужчины разглядывали бревна и дочерна выгоревшее пятно на стене. Они негромко переговаривались и чему-то дивились — даже издали было видно.

— Чего это они, — Вышата замедлил шаг, когда они проходили мимо воеводы и кметей, и едва не свернул голову, разглядывая их. — Смотрят на что-то.

— На обгоревшую стену, — пожал плечами Горазд.

Поступок Рогнеды занимал его куда больше, чем пожар.

— Может, мыслят, поджег кто-то? — Вышата рассеянно запустил пятерню в волосы на затылке. — Эх, недолго нам и спать-то до зари осталось, — вздохнул грустно, разглядывая посветлевшее небо. — Всю ночь напрасно токмо промаялись.

— Дурное здесь место, — невпопад отозвался Горазд. — Столько зла приключилось.

Домой хотелось нестерпимо. К матушке да младшим сестренкам. Как они там без него, хоть обустроились в новой-то избе?..

Железный меч II

Если кто спросит его, что видел он там за Кромкой — ни в жизнь никому не расскажет.

Богиня Морена держала его за руку. Юная и бесконечно красивая, точь-в-точь такая, как рассказывают древние старухи на Севере. С черными, как небо зимней ночью, волосами, развевающимися даже без ветра. С белой, как снег, кожей. С алыми, как кровь, губами. В длинном светлом платье, какие носят токмо юные девки.

Морена улыбалась воеводе и вела за собой вдоль берега реки Смородины, к Калинову мосту. Где-то над ними кружил и каркал ее черный ворон. Вдалеке выл ее волк. На ее поясе воевода заметил маленький, под женскую руку серп — подрезать нити жизни, которые пряла Макошь. Черные распущенные волосы окутывали богиню подобно савану. Бесконечно красивая и бесконечно пугающая. Ему, старому вояке, стало не по себе! Никогда и ничего не боялся воевода Крут: ни боли, ни ранений, ни смерти. А тут вот — и взглянуть на Мару-Морену толком не сдюжил.

Шли они вдоль берега реки Смородины во владения богини: в темную-темную Навь, царство ее лютого мужа. Воздух здесь показался Круту мертвым. Ни запахов, ни ветерка. Ничего не нарушало покоя места, где заканчивался мир живых и начинался мир мертвых.

Морена цепко держала воеводу за запястье: не получалось у него вырваться, уж как он ни старался. Все впустую. Он и пошевелить рукой-то не сумел. Тело было мягким-мягким, словно кисель, словно тесто для каравая.

— Тише, воевода, — Морена обернулась к нему, и на ее бледном лице появилась улыбка. — Уж скоро дойдем.

Текла мимо них огненная раскаленная река. Поднимался над ее берегом пар да разлетались в сторону искры, как из-под кузнечного молота.

«Я знал когда-то кузнеца», — подумал вдруг воевода. Когда-то очень давно. Он не помнил ни его имени, ни лица. Он не помнил ничего. Ведал лишь, что служил он воеводой, да зовут его Крут.

— Куда ты ведешь меня? — спросил воевода, хотя знал ответ.

— Домой, — с довольной улыбкой отозвалась Морена. — Теперь ты принадлежишь мне.

Несмотря на кипящую реку по левую руку, Круту сделалось зябко. В воздухе повеяло лютой зимней стужей, когда мороз пробирает аж до самых костей, и замерзает пар изо рта, и лютый ветер выдувает из тела всю жизнь.

На другом берегу за Калиновым мостом Крут увидел черную луну. По лезвию серпа Морены пробежала искра от Смородины-реки, ослепив воеводу.

Крут мыслил, что после смерти его встретит Громовержец Перун — покровитель воинов и князей. Ведь он был добрым, умелым витязем. Служил в княжеской дружине — не помнил нынче, как звали того князя...

— Ты умер дурной смертью, воевода. Нечистой, — для Морены его мысли были как на ладони. Она заговорила с ним, даже не обернувшись. — Потому тебя и встречаю я.

В голосе богини ему послышалось недовольство.

Дальнейший путь до Калинова моста они проделали в молчании, и, лишь ступив на него одной ногой, воевода засомневался. Ему вдруг почудилось, что он не должен туда идти. Не должен переходить реку Смородину.

Но Морена держала цепко. Она потянула его за собой, словно он ничего не весил. Словно был легче перышка. Нехотя Крут пошел за ней, потому что не было мочи сопротивляться. Он сделал еще один шаг, когда полы длинного белого платья богини подхватил налетевший ветер. Плотная ткань затрепетала, обвилась вокруг ног Морены, и та впервые споткнулась. Оступилась на Калиновом мосту.

Ветер усиливался, и богине пришлось остановиться, вскинуть к лицу руки. Длинные черные волосы развивались у нее за спиной подобно плащу. Громко каркал круживший над мостом черный ворон богини. Тоскливо выл на противоположном берегу одинокий волк.

Воевода никак не мог взять в толк, что приключилось. Он разумел лишь одно: что-то заставило Морену остановиться и разжать ладонь, отпустить его. Могушественная, неведомая сила.

Он медленно пятился к поручням Калинова моста, не смея отвести от богини взгляда. Он вздрогнул, когда Морена тонко вскрикнула и прижала к груди обе руки. Два небольших шага отделяли Крута от берега, когда богиня обернулась к нему, и он увидел ее черные-черные глаза. Алые губы были прокушены, и по подбородку медленно стекала капля такой же алой крови. А после воевода увидел ожог на ее тонких, хрупких запястьях. Такой, словно кто-то схватил их раскаленными ладонями и долго сжимал, опаливая нежную кожу. Лицо Морены искажала мука, и воевода едва не шагнул к ней, чая утешить. Видя ее терзания, Крут разом позабыл, что мыслил сбежать.

— Нет! — Морена вскинула обожженные руки в оберегающем жесте, ладонями к нему. — Уходи, воевода. Уходи прочь! Ты мне не нужен.

Богиня будто бы толкнула Крута в грудь: он почувствовал удар, пошатнулся и провалился в темную пропасть, в нескончаемый вихрь из образов, мелькавших перед глазами. Он не запомнил ни один из них, сколько ни силился. Он все падал и падал, беззвучно крича, пока не открыл глаза, жадно втягивая воздух.

Воевода Крут увидел лицо знахарки, склонившейся над ним. Уставшее, изнеможенное лицо в тусклом свете лучин. Плясали по нему черные тени — такие же темные, как волосы Морены. Двумя яркими искрами выделялись глаза: льдистые, светлые. На груди женщины привычно поблескивал тяжелый торквес. Воеводе поместилось, что украшение отливает красным, словно сильно накалино. Он моргнул, и видение рассеялось.

Знахарка утерла со лба испарину и тяжело опустилась на лавку напротив. Крут, хоть и видел Зиму Ингваровну лишь пару раз, все же приметил, что у нее в волосах заметно прибавилось седины.

— Ну, здравствуй, воевода, — знахарка, прислонившись затылком к деревянному срубу, улыбнулась ему.

— Как... — Крут хотел заговорить, но из горла вырвался лишь сухой хрип. — Как...я...

— Да обожди ты, — госпожа Зима поднялась с лавки и поднесла ему ковш с теплой водой. — Экой нетерпеливый. Попей сперва!

Воевода послушно сделал несколько глотков, отозвавшихся болью в горле. Словно что-то разодрало его изнутри.

— Заживет через седмицу, — сказала проницательная знахарка. — Пришлось тебя помучить, уж не взыщи.

— Как я тут... — со второй попытки получилось лучше, и воевода почти сумел задать вопрос.

Почувствовав усталость, он откинулся обратно на лавку и заскользил взглядом по сторонам. Выходило, что лежал он в горнице князя, а вот его самого было нигде не видеть.

— Где князь? — Крут приподнял голову, чтобы посмотреть на знахарку.

— В клетки с кметями. Отдал тебе горницу, чтоб никто не мешал ворожке.

Госпожа Зима говорила столь обыденно, столь спокойно, и воевода сперва опешил. Ворожей хоть и почитались всяко, но в народе их побаивались, относились с опаской. Потому и селились они, подобно кузнецам, на отшибе, подальше от прочих изб. Потому и редко когда признавались открыто в своем даре.

— Что смотришь так? — весело спросила знахарка. — Мыслишь, богиню Смерти можно одолеть травами да мазями?

Она покачала головой, словно мать, которая удивляется несмысленности малого ребенка, и подошла к двери.

— Нужно князя твоего разбудить. Велел сказать ему, как только ты очнешься, — сказала она и вышла из горницы прежде, чем воевода нашелся с ответом.

По правде, он и не нашелся бы. В голове стоял густой туман, бревенчатый высокий потолок время от времени плыл перед глазами. Крут чувствовал слабость, которой допреж не помнил. Приходилось прикладывать усилия, чтобы просто пошевелить рукой, чтобы повернуть в сторону голову! Не зря знахарка глядела на него как на дитя. Он им и был нынче! Слабый и ни на что не годный.

Когда в горницу следом за Зимой Ингваровной вошел его князь, воевода сжал края лавки ладонями и попытался приподняться, хотя бы сесть, чтоб не лежать пред князем размазанной квашней!

Куда там! Все пустое! Разом на него зашикала знахарка, да подвели ослабшие руки, и он без сил опустился обратно. Сумел он приподняться, самое большое, на полпальца. Ярослав Мстиславич махнул рукой. Знахарка и впрямь подняла его прямо с лавки в клетки, разбудив среди ночи. Токмо и успел, что рубаху поверх порток набросить.

— Лежи, воевода! — велел князь.

Он стремительно пересек горницу и подошел к нему, опустился на край лавки, с беспокойством заглянул в глаза.

— Мстиславич... — начал Крут, но голос вновь подвел его, и он закашлялся.

Ковш с водой на сей раз подал ему сам князь.

— Он окрепнет? — спросил Ярослав у госпожи Зимы, пока воевода медленно пил.

— А то куда ему деться, — фыркнула знахарка. — Коли открыл глаза, стало быть, окрепнет.

— Мстиславич, сказать хочу... — хоть и туманились его мысли, а все же помнил воевода о самом главном. Что не успел сказать тогда, а нынче может быть уж поздно. — Сколько я здесь? — спросил он, похолодев.

Коли провалялся он нынче больше пары дней...

— С седмицу уже, — отозвалась Зима Ингваровна. — Отравили тебя.

— Что сказать хочешь? — спросил князь, наблюдая, как от и без того белого лица воеводы еще пуще отлила кровь. — Про оберег ништо? — проницательно усмехнулся он.

— Ведаешь уже? Отрок разболтал...

Ярослав свел на переносице брови, нахмурившись. Закатал повыше рукава рубахи, как делал всегда, когда размышлял о чем-то. Потер старый, витой шрам на предплечье.

— Отрок оказался мудрее тебя, воевода, — князь заговорил тихо, тщательно подбирая слова. — Но и он сказал, уж когда было поздно. А коли б ты сразу ко мне пошел...

Он разочарованно покачал головой. Воевода слушал князя, поджав губы. Сил спорить не было; он мог лишь жестами показывать, что не согласен.

— Тебя отравили, а перунов оберег пропал. Мыслью, что один человек сделал и то, и другое. Не промедлил бы ты — может, и не было бы ничего!

Лишь под конец князь не сдержался. Зазвенел его рассерженный, недовольный голос.

— Как — пропал? Он в сумке у меня запрятан. — Да вот так, — Ярослав дернул плечом. — Что я теперь вечу покажу, воевода? — спросил он, медленно разжимая стиснутые кулаки.

— Нашто тебе вече, князь? — кое-как выговорил Крут. — И без него...

— А без него я родную кровь проливать не намерен. Первым — не намерен, — сквозь зубы процедил Ярослав. — Смолчавшего, солгавшего своему князю отрока я выдрал. А с тобой что мне делать велишь, дядька Крут?..

Воевода поправлялся хоть и медленно, но верно. Сперва сумел сесть на лавку, после — спустить на деревянный пол ноги. Нынче же сызнова привыкал стоять на них, не шатаясь. Ведя ладонью по стене, с превеликой осторожностью ступал по горнице. Тело слушалось плохо, неохотно. По-прежнему временами было, как чужое.

Знахарка говорила ему, что так и надо. Мол, а как ты хотел, воевода? Запросто так от Морены вернуться, сразу же на коня взлететь да взять в руку меч?

Крут бурчал, что да, так и хотел. Женщина лишь тихо смеялась в ответ. Смех у нее был, как у молодой девчонки, и порой воевода забывал о водимой жене, с которой прожил полжизни, которая терпеливо дожидалась его из каждого похода. Ругал себя потом нещадно!

— Ты не из этих мест, госпожа, — сказал как-то воевода.

— Не из этих, — кивнула знахарка, усмехнувшись. И больше не сказала ничего.

Князь с ним особо не говорил, хоть и справлялся о здоровье каждый день. Ему уже рассказали и Зима Ингваровна, и несдержанный на язык отрок Горазд, что Ярослав Мстиславич крепко переживал о нем, пока валялся он в беспамятстве на лавке. «Верно, злитесь нынче куда крепче», — хмыкал Крут всякий раз.

Может, и впрямь он был виноват, старый дурак. Пошто тянул, пошто выжидал. Вон оно как все обернулось! И прав был Мстиславич, нужно ему вече, чтоб против брата пойти, нужно спросить людей. Теперь же, когда украли перунов оберег, слово князя будет против слова Святополка. Слово против слова.

Мстиславич мудрее его, старого вояки, заключил воевода после долгих раздумий. Он токмо и умел, что мечом махать. А Ярослав заглядывает далеко вперед. Не все в Ладоге приняты выбор старого князя Мстислава, не все признали робичича истинным князем. Многие желали ему зла и тайно замыслили против. Не избежать недовольства, коли пойдет Мстиславич первым проливать родную кровь против воли веча али вовсе без веча. А где недовольство, там и бунт. Всем неугодным рот не закрыть.

Думая об этом, Крут всякий раз недовольно кряхтел. Признавать правоту Ярослава было трудно.

А еще получалось, что в тереме предатель. Ладно в тереме — а коли у них в дружине? Ведь отравил кто-то его, оберег украл. Как увидел его токмо? Когда?

Крут мыслил на Горазда. В дружине без зимы седмица. Князь его пригрел, к себе напрасно допустил. Да и про перунов оберег тот ведал! Сам нашел. А может и не взаправду нашел, притворился токмо, чтобы украсть потом.

Знахарка сказывала, его, Крута, травили так, чтобы убить. Спасло лишь то, что княжна, Звенислава Вышатовна, наткнулась на него случайно почти тотчас, да еще ворожба госпожи Зимы. Иначе быть ему нынче в царстве Мары-Морены, в черном-черном царстве.

Кто еще про оберег-то мог узнать? Ведь никому Крут его не показывал, спрятал поглубже в седельную сумку. А мальчишка — тот ведал! Другое дело, что из его рук воевода ни питья, ни снеди в тот день не брал. Он так и не сдюжил вспомнить, ел ли али пил ли после утренней трапезы.

В ночь, когда случился пожар, Крут не спал. Все лежал на лавке с открытыми глазами, пялился на деревянный сруб и размышлял. И так, и эдак вертел, а приходил всегда к одному: ничего-то им не ведомо. Нет у них с князем ответов.

Когда во время пожара два здоровенных лба запоздало вломились к нему в горницу, Крут уж сам почти добрал до двери. С эдакими-то помощниками недолго и угореть. Тем паче, едкий дым уж всюю заполнял горницу, проникая сквозь щели.

Пока кмети несли его на руках, словно девку, словно малое дитя, воевода костерил их, на чем свет стоит. Припомнил и отца, и деда, и всю родню до седьмого колена, в кого они могли такими остопами уродиться! Крут еще пуще разъярился, когда увидел на лицах кметей усмешки. Смешно им было, ты погляди!

А после, когда его, наконец, опустили на землю на ноги недалеко от терема, стало уж никому не до веселья. Позабыли про пожар, когда Ярослав выволок на крыльцо княжну с полюбовничком. Князь велел ему идти за ними в терем, и Крут медленно, с трудом добрал до крыльца, кое-как поднялся по ступенькам. К моменту, как он толкнул дверь сеней, воевода весь взмок от испарины, а дышал так, словно долго-долго бежал изо всех сил, рвя легкие.

Через длинные сени он прошел на соседнюю половину терема, в людскую. На княжеской стороне горницы заволок едкий дым. Не было мочи ни дышать, ни смотреть — так резало глаза. Часть терема, где жили слуги, оказалась почти не тронутой ни дымом, ни, тем паче, огнём. Пожар до нее не добрался — горело токмо с княжеской стороны.

Княжеская семья собралась в клети, где обычно стряпали бабы. Некрас Володимирович сидел во главе длинного стола. Перед ним стояла опозоренная княжна — кто-то додумался принести ей плащ взамен покрывала. Лицо Рогнеды закрывали от чужих взглядов длинные распущенные волосы. Она сжалась вся, подняла плечи, склонив пониже голову, и обхватила себя за локти ладонями.

Крут не поверил ей ни на грош. Безсормна девка! Строит не пойми что, потаскуха! Говорил он, говорил Ярославу — не будет тут добра! Не бери отсюда девку, найди в Ладоге — кроткую, послушную, тихую!

Он поискал взглядом князя: тот стоял чуть поодаль от стола, заложив руки за спину. На Рогнеду он не глядел, а в ногах у него валялась какая-то ткань. Воевода не понял сперва, а после — уразумел. И тихо выругался сквозь зубы, увидав на той ткани красное пятно.

— Б-батюшка, — заикаясь, заговорила княжна, но была перебита — матерью.

— Закрой свой рот! — княгиня Доброгнева шагнула к дочери, стиснув кулаки. — Молчи, пока тебе не велят говорить!

В самом углу горницы воевода увидел вторую княжну. Кутаясь в покрывало, она едва дышала и не отводила взгляда от дядьки и двухродной сестрицы.

— Порченный товар я не возьму, — повисшую тишину нарушил Ярослав Мстиславич.

Он говорил со всеми и ни с кем: ни на кого не смотрел, тем паче — на княжну. Скользил взглядом по стенам горницы, по лавкам, по длинному столу.

Рогнеда вздрогнула и сжалась еще пуще.

«Дрожать надо было, когда ноги раздвигала», — с отвращением подумал воевода.

— Чужие бастрюки мне не нужны, — князь дернул уголком губ.

— Ярослав Мстиславич, ты погоди, не горячись. Сядем с тобой, потолкуем, как быть, — поспешно заговорил Некрас Володимирович, повернувшись к нему. — Союз наш выгоден и нам, и тебе.

— Выгоден, — тот кивнул и пнул в сторону ткань с пятном крови порченной княжны. — Но толковать нам с тобой не о чем, князь. Ты уж не взыщи, — он вновь криво усмехнулся, и Крут нахмурился.

Он лучше прочих знал своего князя. Ведал, что за такой усмешкой следует. Осекшись, Некрас Володимирович согласно кивнул. Он и сам так мыслил. Он запустил пятерню в волосы на затылке и сжал там кулак.

«Лучше бы косы дочери так сжимал», — Крут сделал небольшой шаг и прислонился к стене. Он порядком устал и едва уж стоял на ногах. Пора было кончать этот бессмысленный разговор. А по утру можно сразу и в Ладогу отправиться. Довольно они тут задержались, довольно! А невесту для князя они еще подыщут другую, самую лучшую девку найдут!

— Какую виру хочешь, Ярослав Мстиславич? — спросил князь Некрас чуть погодя.

— Виру, говоришь, — его глаза нехорошо блеснули. — Нашто мне вира... она позора не смает.

В горнице стало очень, очень тихо.

Всхлипнув, княжна Рогнеда упала подле отца на колени и вцепилась в него руками.

— Батюшка, нет! Прошу, не надо... — она тихо зарыдала.

Отец сперва хотел оттолкнуть ее, но не смог. Уронил поднятую руку и тяжело взглянул на Ярослава из-под насупленных бровей.

— Не нужно... Возьми виру, князь. Какую хочешь. Вдвое больше дам, чем приданое обещал. Союз все едино заключим, слово мое — крепко, — быстро, будто бы лихорадочно заговорил Некрас Володимирович.

Он поднялся, не в силах больше сидеть, принялся ходить по горнице. В какой-то момент наткнулся взглядом на притихшую в углу Звениславу и замер, а после хлопнул ладонью об ладонь и повернулся к молчавшему Ярославу.

— Заместо Рогнеды... братоучадо мое, Звениславка. Возьми ее! Княжна, как и дочка моя. Второе дам приданого за нее.

Взгляды всех в горнице обратились к застывшей, ошеломленной девке. Приоткрыв рот, она во все глаза смотрела на дядьку и силилась что-то вымолвить. Она почти заговорила, но княгиня Доброгнева не позволила: отвесила ей звонкую оплеуху — такую, что поворотилась в сторону голова, да метнулись следом волосы.

— А ну молчи, дура! Ни звука, пока дядька не велит!

Прижав ладонь к покрасневшей щеке, Звениславка кивнула сквозь слезы.

Глядя на все это, воевода покачал головой и посмотрел на своего князя.

Некрас Володимирович чаял оберечь единственную дочку, потому и предлагал и приданого втрое больше, и вторую княжну как княжескую невесту. Ведь коли не возьмет Ярослав виру, вправе будет он убить Рогнеду Некрасовну за причиненное ему бесчестье. Княжна быстро уразумела, потому и поползла на коленках к доброму батюшке...

Крут все ждал, пока Ярослав усмехнется, откажет Некрасу Володимировичу, да и покончат они на этом. Нашто ему княжну убивать, право слово. Девка дурная! Ни стыда, ни совести, ни чести. Возблагодарить Богов нужно, что отвели от такой-то невестушки, что не случилось промеж ними свадьбы.

Так мыслил воевода: следует взять с князя Некраса богатую виру да вертаться поскорее в Ладогу, оставить позади уже все.

— Добро, — сказал князь, и воевода окаменел. — Добро, Некрас Володимирович. Возьму вирой втрое больше приданого и вторую княжну. Не станем рушить наш союз из-за твоей беспутной дочки, — припечатал Ярослав Мстиславич.

Княжна Рогнеда, сидевшая на полу подле лавки, не подняла и головы.

Крут глядел на князя, словно тот лишился рассудка. А вот Некрас Володимирович, напротив, даже сдюжил улыбнуться. Хлопнул себя ладонями по бокам и подошел к Ярославу Мстиславичу, протягивая руку.

— Не держи на меня зла, князь. Не мыслил я, что так все обернуться может... никогда я не хотел, чтоб была промеж нами обида какая, али иное что.

— Я разумею, — отозвался Ярослав Мстиславич.

Они скрепили новую договоренность рукопожатием, и князь вновь заговорил.

— Скрепить сватовство мне нечем. Обручи, которые дочка твоя сняла, я назад не возьму. Пусть их переплавят, сослужат кому-то добрую службу.

— Что-нибудь да придумаем! — Некрас Володимирович махнул рукой.

От облегчения, что удалось сохранить союз да дочкину жизнь, ему все нынче казалось по плечу.

Поймав наконец взгляд своего князя, воевода медленно покачал головой. Ярослав не повел и бровью. Лишь дернул резко плечом: злился. Крут подавил вздох и переступил с ноги на ногу.

— Завтра поутру уедем в Ладогу, — сказал Ярослав, дождался кивка Некраса Володимировича и вышел из горницы прочь.

Сидевшую на полу княжну Рогнеду он обошел далекой стороной, словно чурался не то, что ее коснуться — рядом оказаться. На вторую княжну, свою невесту, даже не взглянул. Крут медленно заковылял следом за князем. Он едва переступил порог горницы, как у него за спиной разом заговорили. Казалось, княгиня спорит о чем-то с мужем. Воевода мотнул головой, чтобы не слышать. Довольно с него княжеской семьи.

Крут вышел во двор и увидел, что уже рассвело. Занимавшаяся заря окрасила небо светло-розовыми мазками. Он пошел к клети, намереваясь крепко потолковать с князем, но не успел: тот как раз выводил из конюшни неоседланную Выюгу. Воевода и моргнуть глазом не успел, как Мстиславич пересек двор, выехал сквозь ворота, спешно распахнутые слугами, и был таков.

Проводив его взглядом, Крут выругался сквозь зубы. Ведет себя словно мальчишка! Хотя бы отрока своего сопливого взял, всяко надежнее. В клети дружинники встретили его радостным, сдержанным гулом. Кто-то принялся хлопать его по плечу, но был остановлен подзатыльником старшего кметя.

— Уморишь воеводу, остолоп!

В глазах парней помимо радости проглядывались невысказанные вопросы. Про Рогнеду ведали уже все. А кто не ведал — так ему рассказали.

— Князь сказал, что завтра поутру едем в Ладогу, — помедлив, заговорил воевода.

Довольный ропот облетел тесную клеть, куда набилась дюжина парней. По дому тосковали все. Никто не спросил, да и Крут не стал бы говорить, что порешили со сватовством да с союзом между княжествами. То не их дело. Надо будет — князь сам все расскажет.

— Вымеска этого связали да бросили в клеть, — рассказал ему кто-то из кметей, на том и покончили.

Крут не вернулся в княжеский терем, в горницу, в которой провел минувшие седмицы. Остался в клети с дружинниками. Ноги его больше не будет в том тереме, так порешил. Любо князю — пущай. А он здесь будет.

Ярослава ему пришлось дожидаться долго. Уж прошла утренняя трапеза, когда вернулся князь на взмыленной Выюге.

«Где только был», — воевода глядел на него, стоя в дверях клети в тени. Он посмотрел, как Ярослав увел кобылу в стойло, не отдав поводья конюшонку, и на неверных ногах медленно побрел к конюшне.

Князь поил уставшую Выюгу и, услышав чужие шаги, обернулся.

— Гляжу ты в добром здравии, воевода.

Крут не успел ответить. Не только он поджидал нынче возвращения Ярослава, потому как в конюшню вошла новая княжья невеста. Звенислава не чаяла увидеть воеводу и не смогла сдержать удивления. Переводя взгляд с одного на другого, она медленно пятилась назад, так ничего и не сказав.

— Постой, — окликнул ее Ярослав. Он отложил в сторону щетку, которой вычесывал Выюгу, и поправил ворот рубахи. — Чего тебе?

— Поговорить, — разом выпалила та.

Услышав, Крут хмыкнул и огладил седую бороду. Круто девка берет.

— Так говори, — безжалостно сказал князь, хотя даже тугодумный слепой олух уразумел бы, что та чает поговорить с ним без видаков.

Воевода видел, как княжна все косилась на него и сминала в ладонях подол серого платья. Приметил он также, что не баловал Некрас Володимирович братоучадо украшениями: не носила та ни венца красивого, ни височных колец из серебра. Да и в косу вплетены были самые простенькие ленты.

— Я обожду во дворе, — Крут решил подсобить смущенной девке.

Не она позор такой роду своему учинила! И достало ведь храбрости прийти сюда нынче, от князя разговора требовать.

— Погоди, воевода, — князь остановил его. — Не дело мне с невестой один на один оставаться. Да и от тебя у меня секретов нет.

«Ой ли?! — Крут с укором посмотрел на князя, встретившись с ним взглядом. — Нашто девку смущаешь, дурень?».

Звенислава Вышатовна вздохнула и еще крепче вцепилась в подол платья.

— Не наказывай Рогнеду, князь, — попросила она, рассматривая землю у себя под ногами.

Крут подавился воздухом. Ну, девка!..

Ее слова изумили и Ярослава. Он вскинул брови и молча скрестил на груди руки, пристальнее вглядываясь в стоявшую напротив невесту. Та заметно нервничала: кусала губы, комкала в руках подол платья. Верно, смотреть ему в глаза она попросту не смела.

— В тереме болтают, ты волен убить ее, — заговорила княжна, не выдержав его молчания.

Она мало смыслила в том, как откупаются вирой, понял Крут. Потому и не знала, что Ярослав не мог убить Рогнеду, коли согласился на новое сватовство да на приданое, что вдвое больше прошлого. Не смыслила, потому и пришла нынче просить за двухродную сестру.

— Она опозорила меня, — жестко сказал князь.

Он не спешил разуверить княжну в ее заблуждении.

— Обесчестила себя и отца. Ваш род.

Смущенная донельзя, испуганная его ледяным голосом, девка еще ниже опустила голову.

— И нынче ты приходишь и просишь не наказывать ее. Оставить как есть, княжна? Пусть знают люди, что князь Ярослав из Ладоги и не такое оскорбление спустить может?

Звенислава Вышатовна вздрагивала, чувствуя его недовольство и раздражение. Ярослав Мстиславич не говорил с ней, он стегал словами.

— И что потом будет? Каждый помыслит, что всяко может меня оскорблять, что слаб я, что земли свои не обороню?

Пока говорил, князь подошел к ней вплотную. Девка была готова сквозь землю провалиться — Крут видел, как та маялась, сдерживала слезы. Норова Ярослава и взрослые мужи, многомудрые бояре из ладожского терема остерегались. Не всякий с ним спорить решался, пока бывал тот раздражен. Слухи о нем неспроста взялись.

— Стало быть, должен я Рогнеду простить и всякого, кто бесчестит меня? Что молчишь, княжна? Поговорить же хотела.

Против воли Круту стало жаль глупую девку, повинную лишь в том, что попала под руку князю в неурочный час. Откуда б у нее таким мыслям взяться, коих требует князь? Девка, она девка и есть!

Звенислава медленно подняла голову. Ярослав стоял в шаге от нее; руку протяни — и коснешься. Смотрел пристально, не отводя тяжелого, строгого взгляда, под которым хотелось сжаться и исчезнуть.

— Я... — она замаялась, не находя слов.

Злость в голосе князя начисто сбила ее с толку, и она растерялась. Столько всего надумала перед тем, как заговорить с ним, а нынче все позабыла. Трудно было не позабыть тут. Ярослав Мстиславич ее не шадил.

— Ты будешь княгиней в тереме на Ладоге, — сказал князь уже спокойнее, но в голосе явственно угадывалось разочарование. — А глупая княгиня мне не нужна.

Не диво, что девка всхлипнула и сбежала. Крут поглядел ей вдогонку и повернулся к князю.

— Молчи, дядька Крут, — велел Ярослав.

Он тоже смотрел вслед убежавшей девке.

Удельный княжич I

Святополк скрипел зубами. Пришли от робичича вести: встречайте, мол, с невестой еду. Готовьте великий пир, заключил я для Ладоги добрый, крепкий союз!

У Святополка сводило зубы всякий раз, когда слышал он такие беседы. Выходило, нужно ехать в Ладогу, к братцу на поклон. Крепче чем по приказу робичича ездить собирать дань, Святополк ненавидел покидать свои крохотные владения, терем на Белоозере. Была б его воля — никуда бы отсюда не уезжал. Коли б еще ненавистную жену Предиславу можно было в дальнюю деревню отправить, он был бы почти счастлив.

Но заместо предстоит Святополку вскоре сидеть за длинными дубовыми столами, слушать чествования робичича, поднимать за его здоровье кубки с боярами да дружинниками, которые предали его и приняли Ярko князем. Не пошли против воли лишившегося разума старика Мстислава, его отца.

— Сынок?

Мать всегда чувствовала, когда ему было худо. Так и нынче. Разыскала его сидящего в одиночестве в просторной гриднице и только поглядела на лицо — сразу же все поняла.

Святополк залпом допил из кубка вино и откинулся на спинку престола. Велел он его вырезать из дуба так, чтоб был богаче, больше, чем у робичича на Ладоге. Слыхал потом, что осердился братец, да токмо в глаза ему сказать ничего не сподобился.

Он погладил деревянные подлокотники и вздохнул.

— Что, матушка?

Княгиня Мальфрида медленно шла к нему по гриднице мимо расставленных вдоль стен лавок. Подол тяжелого, богато расшитого платья, украшенного драгоценными камнями, степенно влачился позади нее. Голову украшала рогатая жемчужная кика, с золотыми кисточками, а руки — тяжелые широкие обручья. На груди лежал несменный торквес. Каждый шаг княгини гулким эхом отражался в безлюдной, пустой гриднице.

Она остановилась напротив престола, на котором сидел ее сын, скрестила на груди руки и приподняла голову. Нахмурилась, увидев в его руках пустой кубок да опрокинутый пустой же кувшин, что валялся возле его ног.

— Невесел ты, как вернулся со сбора дани. Предислава тревожится, мол, на женской стороне терема и вовсе не показываешься. Так она тебе сына не родит.

Святополк вскинул недовольный, захмелевший взгляд. Мать смотрела на него с укором и осуждением, поджав губы. Он не рассказывал княгине про Иштар. Коли та прознает — отравит хазарскую девку непременно.

— Предислава ни на что не годна, — раздраженный, он дернул плечом. — Пустую жену вы мне с дядькой Брячиславом подсунули.

— Не пустую, коли родила мне внучек, — княгиня едва заметно вскинула брови. Не впервой они вели этот разговор. — И принесла тебе приданым земли к северу.

— Я устал, — Святополк махнул рукой и вновь откинулся на престол, развалившись на нем. — И не желаю спорить. Говори, что хотела.

— Ярослав привезет в терем молодую жену, — прежде чем заговорить, княгиня Мальфрида молчала до тех пор, пока не выпрямилась, не соскреб с деревянного сиденья себя ее сын. Дождавшись, она удовлетворенно кивнула и продолжила.

— Девка молодая, княжеский терем на Ладоге уж давно не видал женской руки. Предложу Ярославу, чтоб я осталась там, пожила, подсобила новой княгинюшке. Мне он не откажет. Это было правдой. Своей мачехе Ярослав не сможет отказать.

— Но нашто? — спросил Святополк, размышляя. — Да и кто здесь будет со всем управлять?

— Жена твоя водимая, — без тени улыбки отозвалась мать. — Давно ей пора перестать за моими юбками прятаться.

Святополк закатил глаза. Он избавится от ненавистной Предиславы как токмо сможет и возьмет вместо нее Иштар.

— Нам не повредят глаза и уши в тереме на Ладогe, сын. А тут добрый повод.

Мать говорила верно, и Святополк даже чуть рассердился. Ему следовало самому додуматься прежде нее. Он князь же! Впрочем, он быстро остыл. Никто не способен тягаться с княгиней Мальфридой в замыслах и хитросплетениях.

Она сжила со свету всех отцовых жен, которых он брал, чтоб родили сына. Не допустила, чтоб ее отослали, избавились от нее, когда в тереме уразумели, что она пустоцвет. Не говоря уже о том, на что пошла его мать, чтобы старый Мстислав взял ее в жены. И хоть с опозданием, но княгиня Мальфрида своего добилась. Стала матерью княжеского сына, единственной водимой женой князя.

Правда, какой нынче с того толк?..

— Верно говоришь, матушка, — пересилив себя, Святополк кивнул. — Слышал я, правда, что невесту робиич себе сыскал — палец в рот не клади. Гордячка и строптивница. Рогнедой зовут.

Княгиня Мальфрида снисходительно ему улыбнулась.

— Уж сколько задиравших нос гордячек я повидала за свои зимы, сынок. Где они ныне?..

Она поглядела на него, поправила нитку из драгоценных камней и торквес на груди и медленно пошла прочь из грядницы. Уже подле двери обернулась к нему и приказала.

— А к Предиславе чтоб нынче же заглянул. Мне внук нужен.

Ей перечить духа у Святополка не хватало никогда.

Он заскрипел зубами, разъяренный и уязвленный, потому что ведал: послушаться мать он не посмеет и нынче. Тотчас вспомнилась маленькая и горячая Иштар. Уезжая, он пригрозил, что убьет, коли она ляжет с кем-то, пока его нет. Она пыталась скрыть, как сверкнули непочтством бесстыжие глаза, но слишком поздно опустила голову. Святополк увидал.

Ништо, в другой раз сперва он выбьет из нее всю дурь.

Надо бы договориться с ее отцом да забрать Иштар себе, побудет покамест наложницей. Поселит ее недалеко от терема, но чтоб мать не прознала. Иначе не проживет Иштар и пары седмиц. Княгиня Мальфрида не потерпит, чтоб он княжью кровь разбавлял да ее племянницу бесчестил. И внука от хазарской девки не потерпит. Да и дядька Брячислав рот свой откроет так, что никакой управы не получится сыскать.

Пока не получится.

Коли сложится все, как Святополк задумал, управу и на мать, и на дядьку он найдет. Нынче же... Он откинул в сторону деревянный кубок, поднялся на ноги и нетвердой походкой направился к двери. Пол расплывался перед глазами: все же порядком захмелел, осушив в одного целый кувшин хмельного питья.

Святополк вышел из грядницы и пересек длинные-длинные сени. Он шел на женскую половину терема: там жила его глупая, нелюбимая жена, их сопливые дочери да мамки-няньки. Как-то он решил, что там же стоит поселить девок, что грели ему постель, но княгиня Мальфрида весьма скоро показала ему, что затея была глупой. Больше он на женскую половину девок своих не водил.

Толкнув дверь в горницу жены, он увидел, что Предислава вышивает в окружении мамушек-нянюшек. На полу подле ног жены играли с куделями их дочери. Святополк мазнул по ним равнодушным взглядом, посмотрел на вскочившую на ноги жену и махнул рукой, указывая на дверь.

— Все вон пошли, живо! И соплух этих заберите!

Как и всякий раз, глупые бабы подняли шум: пока собирали свои тряпки, пока поднимались с лавок, пока уносили разом занывших дочерей. Святополк так и стоял на проходе, провожая каждую раздраженным взглядом. Когда последняя, наконец, убралась из горницы прочь, закрыл дверь и опустил тяжелый засов. Повернулся к жене — Предислава прижималась спиной к деревянному срубу и следила за ним испуганным взглядом, теребила светлые косы. Она не надевала кикю на женской стороне терема.

Святополк шагнул к ней, и она прижалась к стене еще пуще. Предислава часто дышала, и ее полная грудь высоко вздымалась, туго натягивая ткань рубахи.

«Затетёха», — брезгливо подумал Святополк и едва не сплюнул прямо в горнице.

— Стало быть, матери моей нажалилась, что муж к тебе не заходит? — он недобро улыбнулся и принялся расстегивать воинский пояс.

— Я не жалилась, — слабым, дрогнувшим голосом возразила Предислава. — Твоя матушка и без моих слов обо всем ведает.

— Нашто мне сюда приходить, коли ты ни к чему не годна, — Святополк медленно покачал головой и окинул жену злым взглядом. — Что стоишь, ложись на постель.

Подперев ладонью щеку, княгиня Мальфрида совсем не по-княжески вздохнула. Сидевший напротив мужчина поднял на нее взгляд. Женщина постукивала пальцами по деревянной столешнице, и ее кольца тускло поблескивали в свете лучин.

— Зачем ему убивать кузнеца? — Мальфрида вновь вздохнула и, взявшись за два рожка, сняла с головы тяжелую кикю.

Ее волосы были убраны в высокую прическу на затылке, и она вытащила из нее заколки. Две тяжелых, побитых сединой косы скатились по ее плечам аж до лавки.

Ее брат, которого когда-то звали Бёдваром, а ныне величали Брячиславом, поглядел на нее со сдержанным удивлением. Совсем худо дело.

— Не ведаю. Но мне об том шепнул надежный человек. Я ему верю.

— Боги светлые, хоть бы из удела своего уехал, прежде чем такое творить, — Мальфрида покачала головой и прикрыла ладонью глаза. — Ведаешь ли, прошел он обряд очищения перед Перуном-то?

Брячислав сдержанно помотал головой.

— Ох ну и туес, — простонала Мальфрида.

По всему выходило, вернулся Святополк из той деревни и тотчас сел за общий стол в гриднице, преломил со всеми хлеб; лег ночью с какой-то девкой.

Брячислав скривился. Денно и ночью бесчестит Предиславу, его дочку, ее муж. Его, Брячислава, племянник. Курощуп клятый! И слово матери давно для него уж не указ. Разбаловала его она страшно, и вот что вышло. Да что уж нынче об том говорить да жалеть. Пороть следовало, пока попереk лавки лежал.

Нынче уж поздно.

И он ничем не лучше, старый дурень! Повелся на сладкие речи, отдал за него дочь, хотя и ведал уже тогда все про гнилое святополковское нутро...

— Что делать станем? Община кузнеца лишилась. Один он там был на много изб. Коли до Ярослава слух дойдет, коли пойдут княжьей Правды искать...

— Поезжай сам, — попросила брата княгиня. — Возьми из шкатулки моей перстень. Привези им мехов и меда.

— А коли не выйдет откупиться? — Брячислав поглядел на сестру из-под густых, насупленных бровей, и та рассерженно стукнула ладонью по столу.

— Ты поезжай сперва, а уж потом рассудим!

— Общине кузнец потребен, а не цацки твои, — огрызнулся он.

Прошли времена, когда сестра была во власти помыкать им, как ее душеньке угодно. Нынче она без него никуда. Правда, и он без нее тоже. Крепко-накрепко связаны они, посильнее родственных уз.

— Знаю, — Мальфрида вздохнула, и Брячислав устыдился своей злости.

Что уж тут. Не токмо она повинна в том, как все вышло. Девочек травить небось он ей подсоблял.

— Поискать нужно. Может, найдем хоть того, кто в кузне подсоблял да ведает, с какой стороны молот держать, — размышляя, княгиня встала и принялась мерить шагами просторную горницу. Лучшую горницу во всем тереме; даже у сына ее, удельного князя, поменьше была.

— Погоди-ка! — Мальфрида резко остановилась и повернулась к брату, отчего подол ее темного вдовьего платья обмотался вокруг ног. — А родня у того кузнеца есть?

— Нету, — Брячислав пожал плечами. — Бирюк он.

— Поезжай нынче же по утру, — сестра приложила руку к груди. — Непокойно мне что-то. Скоро уж и Ярослав возвратится на Ладугу. Как бы дурное что не приключилось.

Одернув рубаху под воинским поясом, Брячислав с прищуром поглядел на сестру. Правду говорят, слепо материнское сердце. Мыслит, что приключится с ее сыном дурное, когда уж давно оно приключилось! А княгиня и рада на все глаза закрывать. Спросила бы Святополка, где тот шляется седмицы напролет. Уж последнему полудурку ясно, что не потребно столько времени, чтоб по ближайшим общинам проехаться да обоз дани собрать. Где шляется, с кем — неведомо никому!

А возвратился хоть и злющий, но рожа так и светилась довольством. Брячислав аж сплюнул на землю, когда увидел, как Святополк спрыгивает с коня да к матери идет кланяться. А та пожурела малость, что припозднился так сильно, да и токмо! Хоть бы спросила, отчего припозднился, где был!

Брячислав нутром чуял: сотворил недоброе али намеревается сотворить, клятый змее-ныш! Не зря ведь сказывают люди: не жди от ворожбы добра... Так и они. Не дождались.

— Брат?

Видать, крепко он задумался. Не заметил, как подошла к нему сестра да положила на плечо руку, легонько сжав.

— Поеду, — буркнул Брячислав. — Куда я денусь. Ты уж тут без меня гляди в оба.

Мальфрида притворилась, что не понимает, о чем он. Ничего не спросила, кивнула нетерпеливо: мол, знаю-знаю, не гунди, не бабка!

— Припугни общину, коли нужда будет, — помедлив, добавила сестра.

Дойдут до Ярослава слухи, придут люди просить княжеского суда — несладко придется Святополку. Подозревала княгиня, что в дурном деле замешан ее сын. Неспроста он убил кузнеца, не из-за дурной головы. Коли решился на такое, стало быть, что-то его заставило. Что-то, что поставил он выше жизни кузнеца — а ведь их даже в битвах страшились убивать. Все же говорили они с богами.

— Сына б твоего кто припугнул, — тихо сказал Брячислав. — Святополк нас погубит.

— Нет, — Мальфрида поджала губы. — Я все сделаю по уму.

— Как? — брат недоверчиво на нее поглядел. — Поздно уж по уму делать. Коли рожиного ума у него нет...

— У меня зато с избытком, — она скривилась и отошла от брата, вернувшись на лавку через стол от него.

— Никак ты за старое взялась? Фрида, ты ей кровью тогда клялась!

— И что она сотворила в ответ? Нет у той клятвы силы, нет! — княгиня изо всех сил ударила по столу двумя ладонями.

Раскрасневшаяся, она тяжело и сердито дышала, смотря на Брячислава взглядом раненого, но смертельно опасного зверя.

— Довольно об этом! Все быльем поросло... Я устала, брат, ступай. Выезжай с рассветом.

— Фрида, — снова начал Брячислав, но княгиня поднялась с лавки и подошла к двери.

Отодвинув засов, Мальфрида широко распахнула дверь. В горницу тотчас заглянул ее верный охранитель: все ли ладно, не случилось ли чего?

— Мой брат уже уходит, — сказала ему княгиня и повернулась к Брячиславу: руки скрещены на груди, губы сжаты в тонкую полоску, глаза недовольно сощурены.

«Пес с ней!» — в сердцах подумал Брячислав и вылетел из горницы, не взглянув на сестру.

Когда за ним закрылась дверь, Мальфрида прислонилась к ней лопатками и устало вздохнула. Брат уж который десяток зим был самым верным и самым преданным ее союзником.

Она не выжила бы без него в тереме у мужа, у Мстислава. Пришлая девка из чужой страны, говорящая на незнакомом языке. Коли б не Брячислав, не жить ей нынче княгиней в светлой горнице, не быть матерью единственного не прижитого на стороне княжьего сына... не больно это подсобило, как видно нынче. Но кто же ведал тогда!..

Мальфрида прошла вглубь горницы, где ждала ее мягкая постель, где лежали на деревянном полу звериные шкуры. К чему она так и не смогла привыкнуть, так это спать на высокой лавке. Там, где она родилась, постелью служили толстые шкуры да накинутые поверх покрывала.

Княгиня сняла кольца, браслеты и подвески с драгоценными камнями, расплела толстые косы. Расчесывая волосы гребнем, она то и дело вздыхала: заметно прибавилось у нее седины. Накидку, платье да исподнюю рубаху бросила прямо на полу возле лавки: девка поутру все уберет. Мальфрида скользнула на постель и укрылась теплой шкурой, закрыла глаза.

Но сон к ней не шел. Вместо него в голову лезли воспоминания о давно минувших днях. Поросли они быльем, но не для нее.

Все глупый младший брат! Разбередил неосторожным словом незажившую рану, всколыхнул в душе у княгини целую бурю! Сколько уж зим она не вспоминала, что когда-то их было трое. Когда-то у них была сестра. Которую она, Мальфрида, предала. Украла у нее то, что самой Мальфриде никогда не принадлежало...

От злости княгиня закрипела зубами. Она не желала вспоминать о том, как едва не убила свою младшую сестру. Ей не оставалось ничего иного. У мужа не заканчивались девки, и она никак не могла родить ему сына.

В какой-то момент она заснула, но ненадолго. Проснулась посреди ночи в кромешной темноте, будто от толчка. Сердце у нее болело, как и тогда; в груди не хватало воздуха, чтобы дышать. Откинув шкуру, которая ее душила, Мальфрида резко села на лавке, царапая себя слева под грудью.

— Тихо, тихо, — зашептала она сама себе.

Она раскраснелась, и к покрывшемуся испариной лицу неприятно липли волосы, лезли прямо в глаза. Впервые за много-много зим ей приснилась сестра с ее холодным взглядом льдисто-голубых глаз, что выворачивал наизнанку все нутро.

— Ты давно умерла, — прошептала княгиня. — Все быльем поросло.

До рассвета она так и не сомкнула глаз. Боялась заснуть и вновь увидеть во сне светлый, строгий взгляд ее доверчивой, глупой и мертвой младшей сестры.

На другое утро Святополк выветривал хмель, сражаясь со своим воеводой на мечях на заднем дворе. Воеводу звали Драганом и был он предан лишь Святополку, а потому — всячески последним обласкан и любим. Удельный княжич подобрал его как-то на торге на Ладого. Тот подрался сгоряча с кем-то да не мог выплатить виру, вот и грозило ему быть проданным

в рабство на ладью к варягам. Святополку же пришлось по нраву дерзкий, непокорный воин и он выкупил его долг. Драган стал сперва служить ему в дружине кметем, после — десятником, а нынче вот — воеводой.

Святополк верил ему как себе. Тот не был ни ставленником матушки, ни соглядатаем дядьки Брячислава. Токмо Драгану он поведал о замысле своем да об Иштар, да о потерянном перуновом обереге. Драган же подсобил ему и с тем на редкость болтливым кузнецом, что надумал с князя своего золота страсти за молчание! Нынче он уже никому ничего не поведает.

— Воевода Брячислав нынче по утру в спешке уехал куда-то, — сквозь зубы шепнул Святополку Драган, когда они сблизались во время очередного обмена ударами. — Сказывают, в общину, где жил кузнец.

Говорить во время схватки было несподручно, но зато никто чужой не мог нагреть уши! Взымленный, встрепанный Святополк недовольно скривился. Убийство кузнеца, да еще единственного на несколько общин скрыть было им не под силу. Он лишь чаял, что слухи расползутся не столь шустро. Но не сбылось. Верно, и матушка, и дядька уж обо всем прознали.

— Довольно, — велел Святополк, опустив меч.

Может статься, не так уж и худо, что дядька Брячислав уехал из терема. Матушка занемогла и не выходила из горниц, и без их присмотра удельный княжич, наконец, ощущал себя подлинным владетелем.

Он велел принести в гридницу вина и увлек за собой Драгана: хотел потолковать без видаков да чужих ушей, но и не таясь особо, раз уж подвернулся такой случай. Едва войдя в гридницу, Святополк рухнул на престол и тотчас протянул руку к кубку с вином, заботливо принесенному расторопной теремной девкой.

— Худо мне, — пожаловался недовольно.

Выпил он накануне лишка. Как вышел от Предиславы, так и направился к себе в горницу, топить скуку и злость в вине. А нынче страдал головой и животом: тошнило до пятен перед глазами, едва сдюжил не проблеваться во время схватки с воеводой.

Хмыкнув, Драган посмотрел на своего княжича. Лицом тот походил больше на мертвого — бледный, синюшный. Воевода плеснул себе вина и, поморщившись, отпил. Его аж передернуло от вкуса. Никакого удовольствия он не находил в этой кислятине, иное дело — старый добрый мед!

— Я весточку получил от друга, — уняв дурноту вином, Святополк заговорил о насущных делах.

Драган вскинул на княжича взгляд голубых глаз и нахмурился.

— По сердцу ему пришлась моя задумка, — Святополк довольно оскалился, поигрывая кубком. — Сделает, как уговорено меж нами было.

Поискать недовольных среди племен и мелких княжеств, граничащих с каганатом, придумал Святополк. Того войска, что мог собрать отец Иштар, хазарский полководец Багатур, не хватало, чтобы одолеть Ярослава. У самого же Святополка верных людей было еще меньше... Впрочем, это он мыслил поправить, как окажется в тереме на Ладоге на свадьбе у робиича.

Багатур-тархан обещал, что приведет еще людей, вдвое приумножит численность своего войска.

— Зачем он помогает тебе? — спросил Драган.

Он не разумел, нашто их княжичу сдался союз с узкоглазыми, желтокожими хазарами. Да еще и та девка!.. Святополк всего раз брал его с собой, когда встречался с ихним полководцем Багатуром, и Драган с трудом не кривил лица, пока сидел вокруг одного костра с хазарами.

Коли уж начистоту говорить, многие в дружине не разумели, отчего Святополк сошелся с хазарами. Узкоглазых степняков крепко не любили, так уж повелось. И хоть и лежали между Ладожским княжеством и хазарской степью долгие дороги да чужие земли, а все одно — не любили их здесь!

— Он просит встречи, — уклонившись от ответа, Святополк задумчиво потер подбородок и посмотрел на Драгана, который под его взглядом расправил плечи, чуть вздернув голову. — Тебя отправлю, — удельный княжич усмехнулся.

Сам он поехать, знамо дело, не мог. Не нынче, когда токмо со сбора дани вернулся да скоро уж ехать на Ладогу. Хотя поехать хотелось — страсть! Повидать Иштар...

Воевода скривился. Хуже нет для него наказания, чем со степняками встречаться.

— Отправь не меня, княжич, — сварливо попросил Драган. — Хотя б вон Гостомысла! Все лучше.

Поглядев на воеводу, Святополк покачал головой.

— Никому у меня веры нет, окромя тебя. Поедешь сам.

Драган выругался себе под нос, но спорить больше не посмел. То правда, что он Святополку обязан жизнью. Коли захочет, не сможет ни предать, ни ослушаться. Правда, мыслил порой, что может и рабом на ладье к варягам не худо было бы... Сказывали, варяги свободу дают тому рабу, что в бою отличился. Уж он бы сдюжил, проявил бы ратную доблесть.

— Что кривишься? — как и всякий хитрец, Святополк видел в людях то, что они старались скрыть. Вот и презрение на лице своего воеводы он не мог не разглядеть.

— Не по сердцу мне хазары, княжич. Сам ведаешь, — огрызнулся Драган.

Сердито скрестив руки на груди, он принялся измерять шагами просторную, пустую гридницу. Святополк поглядывал на воеводу с престола, изредка прикладываясь к чарке с вином.

— И без них управились бы, — Драган остановился напротив княжича, резким жестом откинул с лица русые волосы, выбившиеся из-под тонкого ремешка.

— Не управились бы, — Святополк покачал головой.

Крепко сидел на Ладоге Ярослав.

— Ты князь в своем праве. А он... За тобой бы пошли, — воевода со злостью мотнул головой.

— Чем тебе так хазары не любы? Девку увели когда-то? — Святополк хохотнул и снова глотнул вина. — Шибко уж ты, воевода, ерепенишься.

— Так коли б я один, княжич! — вскинулся уязвленный, рассерженный Драган. — Ты на кметей погляди! Мало кому любы степняки!

Святополк раздраженно заскрипел зубами. Ему перечил его же воевода! В дружине робичича он ведал, что никто и пикнуть не смел против княжьего слова.

— Довольно! — он стукнул чаркой о деревянный подлокотник престола, и на пол выплеснулись остатки вина. — Устал я от твоего квохтанья!

Драган осекся и нахмурился. Побагровевший лицом Святополк поднялся на ноги и подошел к нему, оказавшись лицом к лицу.

— Чтоб впредь я таких речей от тебя не слышал! Да в дружине всем передай. Князь у вас — я! Как порешил, так и будет.

Он откинул в сторону чарку, словно та жгла ему руку, и стремительно вышел из гридницы прочь. Злость пожаром разгоралась внутри Святополка, застилая глаза.

Хазары нужны ему, как не нужна собственная дружина! Без их поддержки не сдюжит против робичича, хоть и переманит на свою сторону десяток ладожских бояр. Дружина крепко стояла за Ярослава, ведь набрал он их из такого же отрепья, каким был сам! Слыхал Святополк, что робичич даже девку пришлую приветил, в тереме остаться дозволил!

Впрочем, тут ему негоже роптать. Чем больше недовольных бояр среди ближников Ярослава, тем лучше. Так что пусть творит робичич, что токмо пожелает. Хоть девок в дружину берет, хоть невесту себе в степном княжестве ищет. Долетали до Святополка слухи, что многих добрых мужей оскорбил Ярослав, отказавшись от их дочерей и сестер.

Что первую водимую жену незнамо откуда вытащил, что вторую...

Все же глуп робиичч несказанно! Шибче всякого меча прокладывает ему, Святополку, путь к княжьему престолу на Ладоге.

Недолго осталось ждать. Вскоре привезет Ярослав молодую жену в княжий терем. Тогда-то Святополк с Багатур-тарханом и сговорится.

Еще Святополк мыслил, что надо бы проучить степного князька. Неча девок своих ладожскому князю подсовывать да союзы заключать...

Княжий отрок III

Слухи, что заместо Рогнеды их князь возьмет в жены Звениславу Вышатовну, расплозлись по терему быстро. Горазд услышал, как шептались о том девки, прислуживающие за столом. Разделить с кметями трапезу не пришел никто из семьи князя Некраса Володимировича. То не мудрено, размышлял Горазд. После такого-то позора. Говорили, что строгая княгиня заперла дочку в тесной, темной клетке, а князь Некрас заперся в горнице с кувшинами хмельного меда.

Ярослав Мстиславич сидел с кметями бок о бок на лавке, и нельзя было сказать по его лицу, что накануне что-то приключилось.

— Уйдем подальше от степи, возьмем западнее, — заговорил князь, когда отложил ложку. — Грузеными ведь будем возвращаться, не хочу с хазарами дороги делить.

Вспомнив, как таскал накануне утренней трапезы тяжелые сундуки с добром, Горазд поежился. Пообещал Некрас Володимирович вдвое больше приданого дать за Звениславу Вышатовну и слово свое держал. Немало богатых обозов увезут они с собой на Ладогу. Вот только маловато у них людей, да воевода Крут не оправился до конца.

Тот, к слову, сидел напротив Горазда и прожигал его пристальным взглядом, и отрок с трудом сдерживался, чтобы не начать ерзать на лавке. Что он, мальчишка какой!

— Княже, — позвал кто-то из кметей, — а не сыскали еще вымеска, который дядьку Крута отравить удумал?

— Не сыскали, — Ярослав Мстиславич покачал головой.

— Они и татя, что терем поджег, не сыщут, — насупившись, пробубнил воевода. — Дурное семя!

Кмети засмеялись, но Горазд приметил, что князь нахмурился.

Когда закончили трапезничать и потянулись из горницы в сени, к отроку подошел воевода и крепко схватил того за плечо.

— Ступай-ка со мной, — велел дядька Крут, и против воли Горазд поежился. Выходит, не просто так воевода его взглядом за столом буравил.

Дядька Крут дотащил его до заднего двора терема, куда ушел князь, чтобы поупражняться с мечами. Заслышав их шаги, Ярослав Мстиславич обернулся, и Горазд был готов поклясться Перуном, что увидел усталость во взгляде князя. Воевода шел на шаг впереди и тянул за собой отрока, который, знамо, не противился. Дядька Крут и так едва на ногах стоял.

Прежде чем князь заговорил с ними, воевода остановился и пихнул вперед себя Горазда.

— Он меня отравил, некому больше!

Отрока словно ударили обухом по голове. Тот аж пошатнулся, вскинул руки, чтобы не упасть, и принялся хватать ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Он вскинул взгляд на князя, который в молчаливом удивлении смотрел на воеводу, и попытался обернуться, когда получил тычок в спину.

— Ты на князя, князя гляди, сосунок! Все сходится, Мстиславич. Окромя него про оберег никто не ведал. Да и не видал, куда я его спрятал. А раз его украли, стало быть, и меня травили с тем же. Чтоб ты никогда уже про находку мою не прознал. Кто-то из дружины отравил меня, свой, не пришлый, не чужой!

Дядька Крут говорил настойчиво и складно, и Горазд похолодел. Князь шагнул назад, скрестив на груди руки, и окинул отрока задумчивым взглядом.

— Я давно уж о том мыслю. Еще накануне сказать тебе чаял, да все пожар сбил!

Воевода, наконец, отпустил отрока, поразмыслив, что тот не сбежит, и обошел его, чтобы стать поближе к князю.

Горазд облизал враз пересохшие губы и отрешенно отметил, что на них издалека начали поглядывать уже слуги да кмети.

— Он, точно он! Еще и прибился на Ладогу незнамо откуда, неведомо, какого рода-племени. Не наш он, не наш!

Отрок зажмурился. Ему словно снился дурной, ужасно дурной сон, и вот-вот он должен проснуться. Ну не могло такое с ним и взаправду приключиться! Что стоит он перед князем, который пригрел его в дружине, дозволил остаться, дал приют его семье... что стоит он перед князем, и лучший княжий воевода обвиняет Горазда, что покушался он на его жизнь. Что предал своего князя.

— А ты что же молчишь? — хмурый пуще обычного Ярослав поглядел на отрока. Меж бровями у него залегла глубокая складка, и черная тень опустилась на лицо.

У Горазда задрожали губы, и потому он не сразу сдюжил отозваться. В глазах стояли злые, беспомощные слезы, и он страшился моргать. Токмо вот расплакаться не хватало ему ко всему прочему. Но обвинение — такое страшное, такое жуткое, и он не ведал, как оправдаться! Какие найти слова, чтобы князь ему поверил? Ведь и впрямь складно сказывал дядька Крут. По всему выходило, что отравил он...

— Не я это, княже... — кое-как выдавил из себя Горазд, уняв дрожь.

Он мыслил, что все вокруг слышат испуганный стук его сердца, но силился не отводить взгляда и смотреть князю прямо в глаза. Он стоял перед ним, вытянувшись тугой струной, и сжимал и разжимал кулаки.

— Еще б он сознался! — проворчал дядька Крут. — Сам поразмысли, Мстиславич. Никому я про оберег не говорил — даже тебе! Никто прознать не мог, токмо вымесок этот.

— Погоди обзывать, воевода, — велел князь. — Не решил я еще ничего. Как бы прощения просить не пришлось потом.

Выругавшись сквозь зубы, воевода сплюнул себе под ноги. На мальчишку подле себя он не глядел.

— Что хочешь вели мне, господине, все исполню! Хоть железо возьму, хоть режь меня, — забормотал Горазд и судорожно принялся нашаривать завязки рубахи у шеи, чтобы ослабить их, отодвинуть в сторону душивший его ворот.

— Не трогал я воеводу, и помыслить о таком не мог! Не я это!

Он замолчал, оборвав себя на полуслове, понимая, как жалко звучит его лепет. Заладил одно, не я да не я! Этим он князя не убедит. А что еще сказать — Горазд не ведал. Как тут оправдаться-то?

— Железо, говоришь, возьмешь? — сощурившись, спросил Ярослав Мстиславич, который слушал отрока не перебивая.

— Возьму, господине, — кивнул Горазд, опустив голову.

— А кровью и Перуном поклянешься?

— Поклянусь, господине.

Над его головой князь обменялся взглядами с воеводой.

— Скажи-ка мне, дядька Крут, когда ты оберег спрятал?

— Да сразу, как в крепость мы возвратились! — горячась, воскликнул тот. — Потому и толкую, что некому было о нем проведать, окромя щенка твоего!

— Хватит, — оборвал его князь. — Прям сразу, как с коня спустился, посреди двора?

— Знамо, нет! В сумку я его убрал еще в поле, когда нашел! А после уж сумку в клеть отнес.

Ярослав Мстиславич огладил короткую светлую бороду. Он хмурился, размышляя. История у дядьки Крута и впрямь выходила славной. Токмо и оставалось, что схватить отрока да убить за то, что посягнул на жизнь воеводы.

Но потому и хмурился князь, что чуял нутром: не был мальчишка отравителем. Не был. Припомнил, как зимой Горазд пришел на княжеский двор проситься в дружину. Старшие кмети да и он сам токмо рассмеялись тогда. Щуплый, худющий мальчишка в обносках с чужого плеча с огромными глазищами на скуластом лице. Кому там отроком становиться? Силенок хоть хватит ножичек для ребятишек удержать?

Но Горазд вытащил из поношенных старых ножен добрый меч, а после вытерпел, пока валяли его по снегу и грязи княжьи гридни. У кого-то из десятников дрогнуло сердце, и он вступился за мальчишку, сказал, мол, добрый отрок из него выйдет, коли взять в дружину. Того десятника убили весной, когда ходили они за данью, а Горазд потихоньку обжился на княжьем дворе.

И вот нынче Ярослав смотрел отроку в глаза — когда у того хватало сил поднять голову, и не верил, что мог он замыслить лихое. Уж сколько вымесков повидал за свои зимы Ярослав! Мыслил, может он судить, кто повинен, а кто — нет.

— И больше ты из сумки оберег не доставал?

Дядька Крут насупился, припоминая.

По правде сказать, хоть и оправился он чутка после отравления, а вот былая память к нему не до конца возвратилась. Порой мысли туманились, когда он силился что-то вспомнить, и крепко начинала болеть голова. Вот и нынче. Не мог он поклясться, что не доставал из седельной сумки оберег. И князю солгать тоже не мог.

— Может, и доставал, — буркнул дядька Крут.

Ярослав подавил вздох, пристегнул к воинскому поясу ножны с мечом и кинжалом, которые он снял, намереваясь поупражняться, и велел стоявшим в стороне воеводе и отроку:

— Ступайте за мной.

Они шли на капище Перуна, на котором пару седмиц назад Ярослав проливал свою кровь, благодаря за удачу в битве. Было оно здесь совсем скромным — не чета ладожскому — да небольшим. Они прошли через теремной двор да все городище, провожаемые взглядами многочисленных зевак, прошли стоявшую в отдалении избу знахарки и вышли за частокол. Вдалеке на небольшом холме возвышался деревянный идол, и Ярослав повернул к нему. Позади него тяжело дышал дядька Крут. Столь долгий путь дался ему нелегко. В какой-то момент, когда они поднимались на холм, воевода оступился, запутавшись в ногах, и едва не упал. Горазд кинулся его подхватить, и то не укрылось от взгляда князя.

В ногах у идола с грозным ликом Бога-Громовержца лежал огромный камень с темно-бурыми потеками. Степные ветра и дожди не смогли вымыть с него яркие потеки крови, часто и обильно проливаемой войнами. Пока воевода, согнувшись и упираясь ладонями в колени, пытался отдышаться, Ярослав вытащил из ножен кинжал и протянул его замершему в нерешительности Горазду.

— Клянешься, что не ты воеводу отравил?

— Клянусь, княже, — отозвался отрок и взял из рук князя кинжал.

Он закатал рукав рубахи и прочертил лезвием длинную глубокую полосу на левой руке: от запястья и до локтя. Из раны тотчас хлынула кровь, и Горазд шагнул поближе к идолу Перуна, крепче сжал кулак и склонился так, чтобы погуще окропить камень. Князь и воевода молча наблюдали за ним. Коли и хотел дядька Крут сказать что против, но, поразмыслив, промолчал.

— Довольно, — в какой-то момент велел Ярослав, и Горазд послушно шагнул назад, зажал рану свободной рукой.

Коли б соврал он князю, то Бог-Громовержец непременно поразил бы его молнией в тот же миг.

— Больше я про вину Горазда в твоём отравлении слышать не желаю, — Ярослав Мстиславич повернулся к дядьке Круту и посмотрел тому в глаза.

Дернув подбородком, воевода встретил его взгляд и не опустил головы.

— Добро, — выдавил он сквозь зубы и повернулся к мальчишке. — Был я не прав... что творишь, дурень, рану-то зажимай как следует!

В два шага преодолев разделявшее их с отроком расстояние, воевода стиснул того за руку и потянул наверх. Кровь все лилась и лилась из раны, не останавливаясь, и уже окрасилась в темный цвет пыль под ногами Горазда. Дядька Крут надкусил подол собственной рубахи и с громким треском оторвал большой кусок. Привычным, умелым движением скрутил жгут и крепко-накрепко перемотал отроку руку.

— Куда токмо глядел, когда резал, кто ж так делает, — костерил его в то же время воевода. — Жилы все себе вспорол, бестолочь! — воскликнул он, обернувшись к князю.

Горазд облизал пересохшие губы и с трудом заставил себя вслушаться в ругань дядьки Крута. Она доносилась до него словно через плотную, плотную ткань — будто бы издалека, будто стоял воевода на соседнем холме.

— Я допрежь кровью никогда не клялся, — пробормотал он и пошатнулся.

— Бестолочь! — повторил воевода и оторвал от рубахи второй кусок, чтобы перевязать поверх первого. — Как токмо руку себе не оттыпал, ума не приложу!

Ярослав усмехнулся едва заметно. По всему выходило, что Горазд ныне в надежных руках. Но в одном был прав его воевода: отравил его кто-то из своих. А стало быть, завелся в его дружине предатель. Может, и не один. Знать бы еще, кому тот служит...

На обратной дороге к терему они повстречали знахарку. Как раз проходили мимо ее избы, когда госпожа Зима вышла во двор с топориком. Поднеся к глазам раскрытую ладонь и щурясь против солнца, женщина поглядела на них и чему-то довольно улыбнулась. Они остановились ей поклониться, и от цепкого взгляда знахарки не утаились пропитавшиеся кровью повязки на руке Горазда.

— Где руку-то попортил? — отложив в сторону топор, спросила она, подходя к остановившимся на дороге мужчинам.

Ее изба не была обнесена забором, хоть и стояла на самом дальнем краю городища и казалась покосившейся, изрядно обедневшей.

— Да так, — Горазд махнул здоровой рукой: неважно, мол, не о чем и говорить.

— Гляжу, совсем ты оправился, воевода. Почти уж бегаешь с холма да на холм, — с насмешливой улыбкой протянула госпожа Зима и кивнула в сторону капища, где возвышался идол Перуна.

Она перекинула на грудь темные, посеребренные сединой косы и привычно погладила торквес. Выглядела она получше, чем запомнил Горазд в тот день, когда очнулся дядька Крут, и госпожа Зима объявила, что тот не умрет. Лицо уже не казалось смертельно уставшим, постаревшим на дюжину зим, но седины в волосах и впрямь изрядно прибавилось. Не зря сказывали, что знахарка ворожила. И дураку известно, чем платят за ворожбу, когда возвращают кого-то к жизни.

— Твоими чаяниями, госпожа, — князь Ярослав улыбнулся.

Знахарка ему нравилась. Угадывалось в ее лице и выговоре что-то смутно знакомое. То, как она растягивала некоторые слова, как хмурилась, как гладила свой торквес, как склоняла в сторону голову. Жаль, забот у князя было не счесть, потому и не мог никак понять, кого же напоминает ему знахарка.

— Слыхала, с новой невестой уезжаешь ты завтра, князь, — госпожа Зима уже не улыбалась, когда повернулась к задумавшемуся Ярославу. — Не позабыл еще, что обещал, когда за воеводу своего просил?

— Не позабыл, — тот медленно покачал головой и окинул ее вопросительным взглядом. — Говори, чего хочешь.

— С тобой в Ладогу поехать, — просто сказала знахарка. — Возьми меня в свой обоз, князь. Небось, сгожусь и в пути.

Коли и удивила Ярослава ее странная просьба, он никак этого не показал. Помедлив лишь самую малость, кивнул.

— Добро, госпожа. Мы поутру уезжаем, с восходом, — он договорил и замолчал ненадолго. А после указал на Горазда. — Посмотри отрока моего. Руку он поранил неудачно.

— Не токмо руку, как я погляжу, — она сварливо покачала головой.

Ярослав Мстиславич перекинулся парой тихих слов с воеводой и, развернувшись, быстро зашагал в сторону терема; только и развевался за его спиной длинный подол княжеского плаща. Дядька Крут остался же с Гораздом, и вместе они следом за знахаркой прошли в избу. Оказавшись внутри, отрок токмо и попевал вертеть головой.

Впервые за все время, что они покинули Ладогу, он почувствовал себя дома. Жилище знахарки так сильно отличалось от терема князя Некраса и до боли напоминало ему избу, в которой поселились его мать и сестренки.

Знахарка достала с полки горшочек с медом, положила две полных ложки в чарку и плеснула туда же молока. Подвинула к Горазду чарку и убрала рушник с блюда, на котором лежали куски сладкого пирога.

— Попей и поешь, — велела слегка опешившему отроку.

— Благодарю, госпожа.

— Ты бывала на Севере? — тем временем спросил воевода, оглядываясь. Он хмурился, оглаживая седую бороду. — В Бирке?

— Не бывала, — хмуро отрезала знахарка, достала из сундука чистые повязки и велела Горазду. — Ну, показывай, руку-то.

От избы знахарки до терема шли в задумчивом молчании. Горазд оберегал нещадно разнывшуюся руку, прижимая ее поближе к телу, и чувствовал, как на спине рубаха липнет к свеженанесенной мази. Дядька Крут шел на шаг впереди, и отрок старался лишний раз не попадаться ему на глаза. Не оправился еще до конца от ложного навета, от того, что с ним стало бы, поверь князь своему воеводе...

Впрочем, не больно-то стремился воевода Крут с Гораздом заговорить. Задумчиво нахмурившись, он спешил в терем. Он вообще сделался до изумления молчалив, как токмо вошли они в жилище знахарки. Видать, крепко удивился, как и сам Горазд.

На дворе перед теремом первым делом Горазд увидел несколько здоровенных, груженных приданым обозов. Слуги затагивали на сундуках и бочках потуже веревки, укрывали сверху толстой холстиной — защита от ветра, солнца и дождя. Подле них вертелись близнецы, сыновья Некраса Володимировича. Горазд услышал, как кто-то ответил дядьке Круту, что оба князя пошли потолковать с Ладимиром. Того держали подальше от терема, заперев в какой-то клетки.

Отрок поморщился и сплюнул в пыль. Вымеска казнят нынче вечером с заходом солнца. Мальчишка ждал того всей душой.

— Что с рукой у тебя? — Вышата подошел к нему со спины, слегка толкнув в плечо, и Горазд устыдился. Он совсем не слышал его шагов.

— Да так, на крюк напоролся, — лгать у него всегда выходило плохо, но к чести приятеля, тот смолчал и больше ничего не спрашивал, хоть и вскинул недоверчиво брови.

— Подсобить-то мне сдюжишь? Воевода Крут велел в терем пару сундуков отнести.

— Знамо, сдюжу, — Горазд помахал здоровой рукой, на том они и порешили.

Остаток дня он и Вышата сновали между теремом, кузней, конюшнями, двором да клетями. Все шептались, что уезжает князь в спешке — оно и понятно! Но рук не хватало, и потому отроков подсобляли с мелкими поручениями. Когда они тащили в терем сундуки, то повстре-

чали княгиню Доброгневу и княжну. Звениславу Вышатовну, не Рогнеду. Горазд слышал, как слуги, привыкшие не смотреть на братоучадо как на княжну, ныне частенько оговаривались.

Княгиня и княжна осматривали в горнице отрезки ткани, разложив их на широком столе и скамьях. Запыхавшиеся, взмокшие отроки не чаяли встретить кого-то в тереме и потому, слегка растерявшись, застыли в дверях словно два столпа, держа вдвоем один тяжеленный сундук. Они простояли так, пока Доброгнева Желановна не шикнула на них строго и недовольно, и Горазд с Вышатай, наконец, отмерли, оттащили сундук вглубь горницы, как им было велено. За все время княжна не подняла на них взгляда, склонив голову над отрезом. Полотно дрожало в ее руках.

Едва они успели перетаскать в терем все сундуки, как Горазда посреди двора остановил князь. Он сунул ему в руку кошель с серебряными монетами и велел поскорее отнести их кузнецу.

— Жив ли хоть тот десятник? — задумчиво потерев вспотевший затылок, спросил Вышата. Он смотрел в спину ушедшему князю. — Видал, рубаха у него в крови запачкана?

— Да хоть бы и помер, — равнодушно скривился Горазд. — Коли приберет его Чернобог, никто печалиться не станет!

— Окромья Рогнеды Некрасовны, — ележно ухмыльнулся Вышата.

Горазд фыркнул в ответ и поспешил в кузню. Там стоял невиданный жар, и, едва заглянув, отрок принялся надсадно, истошно кашлять. Ему помстилось, что горло обожгло изнутри. Кузнец замахал на него рукой, и Горазд послушно отступил, решив обождать поодаль. Ему страсть как было любопытно спросить, пошто князь Ярослав велел отдать увесистый кошель с серебром. Но хмурый кузнец молча забрал у него монеты и вновь скрылся в кузне, спеша продолжить работу, и отрок не решился его окликнуть, хоть и грызло его изнутри любопытство. Но уж больно грозно глядел на него дядька Могута.

На княжеский двор он воротился, уж когда солнце низко-низко опустилось над землею. Едва не пропустил казнь Ладимира! К тому моменту приволокли к задней стороне двора тяжеленную деревянную колоду, и сгрудились вокруг нее праздные зеваки. Вышата помахал ему из густой толпы, и Горазд принялся протискиваться к нему через людей, то и дело охая, когда кто-то задевал его раненую руку.

— Где ты был? — попенял ему приятель, возбужденно сверкая взглядом. — Уже отправили за ним кметей!

Горазд не стал ничего отвечать, да Вышата и не ждал. Он высмотрел в толпе знахарку и подивился. Вот уж не мыслил ее увидеть! Оба князя стояли в самом центре толпы рядом с колодой. Ярослав Мстиславич держал в руках меч, и нынче Горазд и сам разглядел на его рубахе пятна крови. Хмурый пуще некуда Некрас Володимирович смотрел прямо перед собой, заведя руки за спину. В двух шагах позади князей стояли их ближайшие, верные воеводы — Крут и Храбр, отец парнишки, с которым сцепился тогда Горазд.

Никого из домочадцев Некраса Володимировича во дворе не было. Видать, запретил.

— ... что ж дочку не приволок, — будто прочитав мысли Горазда, буркнул кто-то рядом с ним в толпе.

— И то правда, — отозвался женский голос. — Ей самое то было бы, потаскухе.

— А ну цыц, глупая баба. Она чай не ровня тебе, княжья дочь!

— По заслугам ей и честь!

— Да пожалел ее никак...

Люди приглушенно гомонили, не решаясь хулить княжну Рогнеду в полный голос при ее отце. По всему было видно, что хоть и зол Некрас Володимирович, хоть и заплатил втрое больше приданого, хоть и запер нечестивую дочь в подполе, а все же в полной мере наказать ее не может.

Пока ждали, Горазд принялся озираться. Как бы не все городище стянулось хоть издалека поглазеть на казнь. Ему даже помстилось, что где-то скрипела деревянная створка, словно кто-то поглядывал из-за окна или двери. Но со стороны терем выглядел запертым наглухо, и Горазд так и не понял: показалось ему или нет.

Толпа разом замолчала и расступилась, когда двое кметей под руки выволокли в самый центр бывшего княжеского десятника Ладимира. Он шел, то и дело спотыкаясь, в испачканных пылью и землей портках, в разорванной рубахе с темными пятнами и потеками. Когда он вскинул голову, то стали видны ссадины на щеках, в кровь разбитые губы, сломанный на бок нос.

Вокруг прошел сдержанный ропот, кто-то всхлипнул. Горазд посмотрел на своего князя. Тот выглядел спокойным и нарочито отстраненным. На кулаках у него не было свежих ссадин. Стало быть, избил Ладимира не он. А вот Некрас Володимирович, завидев десятника, как раз принялся тереть запястья и хрустеть пальцами.

— Ох Макошь-матушка, — запричитала та же женщина, которая уже жалела Рогнеду. — Бедняжка...

Горазд скривился. Что взять с глупых баб!

Ладимира толкнули прямо под ноги двум князьям, подставив подножку, и бывший десятник упал лицом в пыль. Его руки были туго связаны за спиной.

— Развяжите его, — велел Ярослав, когда Ладимир кое-как поднялся на одно колено, покрытый пылью пуще прежнего.

Повинуясь приказу, кметь из дружины Некраса Володимировича неохотно подошел к десятнику и перерезал веревку у него на запястьях. А еще седмицу назад они сидели за одним столом, делили хлеб, осушали кубки за здоровье князей.

Ладимир медленно поднялся, растирая онемевшие запястья. Зачем, коли он лишится вскоре головы?

— Ладимир сын Будая, ты повинен в измене своему князю и искупишь вину кровью. Скажи, коли есть что тебе сказать этим добрым людям, которые станут свидетелями того, как свершится над тобой суд, — звучным, громким голосом провозгласил воевода Храбр, выступив вперед, чтобы его было хорошо слышно на всем княжеском дворе.

Бывший десятник сплюнул себе под ноги кровь и вскинул злой, гордый взгляд.

— Терем твой, князь, я поджег. Не тронь Рогнедку.

Сказал и мотнул головой. Мол, давайте.

Ропот вновь пронесся по толпе. Даже Горазд с Вышатой поглядели друг на друга изумленно. Уж в чем, а в поджоге терема никто десятника не винил. Когда ему успеть, пока с княжной в постели тешился.

Некрас Володимирович кивнул, и двое кметей подхватили Ладимира под руки, оттащили к деревянной колоде, бросили перед ней на колени и заставили склониться, свесить голову. Воевода Храбр обнажил меч, в два шага подошел к десятнику, и спустя один замах все было кончено. Отрубленная голова Ладимира упала в пыль, откатившись в сторону. Хлынувшая кровь залила землю, окрасив ее в темно-бурый цвет.

В толпе тихонько запричитали сердобольные женщины, где-то испуганно заплакал ребенок.

— Добрый удар, — одобрительно хмыкнул Вышата. — Хватило одного.

Горазд нехотя кивнул. Порой бывало, рубили с двух и даже с трех. Он видел такое раньше и в тереме на Ладоге тоже. Но его князь всегда казнил одним ударом.

— Занятно, ему так князь велел или сам не всхотел? — размышлял Вышата, пока они с Гораздом пробирались поближе к месту казни, чтобы поглазеть на отрубленную голову.

— Сам. Ты князя-то ихнего видел? Его воля — придушил бы вымеска.

За вечерней трапезой сдержанно говорили о казни, словах Ладимира и скором отъезде. Это был последний пир, и кмети Ярослава во главе с князем собрались за длинным дубовым

столом в тереме Некраса Володимировича. Напитки и кушанья подавали слуги да девки. За столом не сидела ни княгиня, ни вторая княжна, ни их ближние девушки.

Коли и дивился кто такому, то молча, про себя. Вслух никого не поминали. Особой радости за столом ни у кого не было, и даже слова за здоровье звучали как-то тускло, скупое. Оба князя обещали, что расстанутся они добрыми друзьями, что скреплен между ними союз удачным сватовством и богатым приданым. Ярослав Мстиславич обещался приехать после зимы, будущей весной. Некрас Володимирович шутил в ответ, мол, погоди, приезжай уж разом с сынком, как народится.

Но Горазду все одно мстилось, что веселились безрадостно. Вышата попенял, что бурчит он как старый, больной дед. Кусок в горло подле него не лезет! Насупившись, Горазд прикусил язык и порешил, что мысли впредь будет держать при себе.

Трапезу закончили рано: вставать им еще до первого луча солнца. Да и дальняя, сложная дорога предстоит. Тут нужна ясная голова, зоркий взгляд. Когда кмети повставали с лавок и потянулись в клеть, вывалившись из душной горницы на прохладный ночной воздух, во дворе им повстречался кузнец. Дядька Могута шагал им наперерез из кузни, держа в руках какой-то сверток. Он направлялся напрямик к князю, и снedaемый любопытством Горазд нарочно замешкался, опустил на одно колено, будто обронил что-то на землю и пытается найти.

Поглядывая снизу наискосок, отрок увидел, как кузнец отдал Ярославу Мстиславичу сверток, и тот, поблагодарив, развернул его. В ярком свете луны блеснули в руках князя два широких серебряных обручья.

Девка в тереме III

Поздним вечером Звениславка пришла в клеть к Рогнеде. Той ночью опальную княжну охранял отрок Бажен, и Звениславке не составило труда уговорить его позволить ей проститься с сестрицей. Прикрыв ладонью лучину, она толкнула дверь. Рогнеда не спала. Сидела на лавке, закутавшись в плащ, и подняла голову, услышав, как заскрипела старая дверь. В ее глазах мелькнуло облегчение, когда княжна поняла, что в клеть вошла двухродная сестрица, а не мать.

Звениславка, прижавшись спиной к двери, принялась осматриваться. Огонек лучины тускло дрожал в ее руке. Клеть была крошечной: два шага в сторону — и упруешься в стену. Стояла в ней одна лишь лавка, на которой и сидела Рогнеда, прижав колени к подбородку и натянув на ноги подол исподней рубахи. Подле лавки — кувшин с водой, а под ней — горшок. Под самым потолком прорублено небольшое оконце, через которое в клеть почти не проникал ни лунный свет, ни свежий воздух.

Накануне вечером казнили десятника Ладимира. Княгиня воспретила ей выходить во двор и смотреть, но Звениславка все же подглядела за казнью из терема, сквозь тонкую щелочку между узорчатыми створками. Она долго собиралась с духом, прежде чем прийти к Рогнеде в клеть. Мыслила, что должна рассказать княжне о том, что стало с Ладимиром. Но едва оказавшись здесь, она растеряла всю свою решимость.

Рогнеда же явственно хмыкнула. Она по-своему восприняла то, как замешкалась Звениславка подле двери.

— Не моя прежняя горница, — желчно сказала старшая княжна.

— Я ее не занимала, — отозвалась Звениславка и вздохнула.

Один шаг ей потребовался, чтобы подойти к лавке и усесться подле Рогнеды. Сперва она вытащила из-под плаща сверток, а после также согнула колени и положила на них подбородок, пониже натянув длинную рубаху. Сверток она протянула Рогнеде.

— Пирог после пира остался. С ревенем, как ты любишь.

Не кривясь ни мгновения, Рогнеда едва не вырвала еду из ее рук и с жадностью набросилась на пирог. Последний раз она ела рано-рано утром, когда мать принесла ей кусок хлеба.

Звениславка еще раз вздохнула и перебросила на плечо длинные распущенные волосы. Как заговорить о Ладимире?..

— Я уезжаю поутру, — вырвалось у нее вместо этого.

— Стало быть, теперь ты у нас княжья невеста, — хмыкнула Рогнеда, облизнув сладкие после пирога губы и пальцы. — Славить тебя не буду, уж не взыщи.

— Довольно. Ведаешь же, что я того не хотела! — огрызнулась Звениславка.

— Как и я.

Какое-то время обе молчали, думая каждая о своем. После утренней трапезы Доброгнева Желановна учинила им дознание, хотя муж ей и воспретил. Она хотела знать, как ее дочь и бывший десятник сговорились о встрече, и расспросила добрую половину теремных девок, выяснив, что девчонка Устинья заходила к Рогнеде в горницу, а перед тем там же побывала и Звениславка, и кто-то видел, как они с Устей шептались о чем-то в уголке.

И когда Доброгнева Желановна набросилась на Рогнеду и Звениславу с вопросами, притащив за волосы в клеть и Устю, им не оставалось ничего, кроме как сознаться, потому что гневить княгиню еще пуще не хотелось никому. Общим княжнам уже и так изрядно от нее перепало.

— Я ведь так и не поблагодарила тебя, — Рогнеда первой нарушила повисшее между ними молчание. Вопреки предыдущим словам, сейчас ее голос звучал смущенно и виновато. — За то, что укрыла меня тогда. Спасибо.

— Не нужно, — тихим голосом возразила Звениславка. — Не за что благодарить.

— Мне виднее, — княжна поджала в кровь разбитые губы. — Ты пожалела меня.

Звениславка кожей ощущала, что Рогнеде так же тяжело об этом говорить, как и ей, и потому промолчала. Лучше им не вспоминать больше о той ночи, иначе княжна непременно спросит у нее про Ладимира, а у Звениславки все же не хватит духу рассказать ей правду.

— Прознал ли князь Ярослав, что ты мне помогала? — чувствуя то же самое смущение, Рогнеда поспешила увести разговор в другое русло.

— Не ведаю. По приказу княгини я в горнице просидела весь день, — Звениславка, едва сдержав вздох облегчения, покачала головой и обхватила себя за плечи ладонями. — Вечеряла там же и на пиру не была.

— Худо тебе будет, коли мать ему расскажет, — обычно гордая Рогнеда прикусила губу. — Скажешь, что я обманом тебя заставила. Или что побить грозилась!

Вопреки своей тревоге, Звениславка посмотрела на старшую княжну и против воли тихонько рассмеялась.

Побить! Хороша задумка.

— Я упростила стрягу забрать Устю с собой на Ладогу. Иначе ей тут не жить.

Рогнеда, хоть и расстроилась изрядно, что лишается верной своей служанки, нехотя кивнула. Все едино, не позволят больше Усте ей прислуживать. А мать может и непосильной работой завалить, и сослать куда подальше, и замуж за глубокого старика выдать. Чем дальше от их терема, тем будет Усте лучше.

Наблюдавшая за ней Звениславка прикусила губу. Уезжать оказалось невыносимо тяжело! Она и помыслить о таком не могла. Со стороны всегда легче судить. Но весь день она едва-едва сдерживала злые слезы, чтобы не расплакаться на глазах у теремных девок или, того хуже, перед княгиней. Она оставляла терем, который был ей домом больше 10 весен — ровно столько минуло со смерти ее матушки. Она покидала место, которое называла родным, в котором знала каждый уголок, каждую скрипящую доску. Больше не будет у нее ни летних посиделок, ни веселых хороводов подле костра, ни дурашливой беготни, ни разноцветных ленточек в длинных косах.

И кос у нее скоро тоже не будет. Незнакомый мужчина отрежет их, и она наденет на голову кичу и скроется в горницах на женской стороне княжьего терема на Ладоге...

Все случилось столь быстро, столь скоро, что Звениславке совсем не дали времени примириться с мыслью о своем сватовстве. О том, что нынче она невеста ладожского князя Ярослава Мстиславича. У Рогнеды были целые седмицы, ей же не дали и пары дней!

Звениславка молчаливо злилась, кипела изнутри. Конечно, она не смела возражать и не смела жаловаться вслух. Все едино, сделанного назад не воротишь, и коли она примется плакать, то лишь еще пуще всех разозлит. А ладожский князь и без того зол на нее неведомо за что. У Звениславки горели щеки и уши всякий раз, как она вспоминала их недолгую беседу в конюшне. Да еще и при его воеводе!

И княгиня Доброгнева злится на нее за то, что помогла Рогнеде свидеться с Ладимиром, пусть и нечаянно, не нарочно.

— Не хочу ехать, — по-детски выпалила Звениславка, все же не сдержавшись.

Рогнеда пожала плечами.

— Не такой уж он и старый, — сказала она и улыбнулась уголком разбитых губ.

— Все равно не хочу, — Звениславка и сама разумела, что канючит словно малое дитя. Но ничего не могла с собой поделать.

Старшая княжна промолчала, вздернув брови. Но не ей нынче учить Звениславку, рассказывать о долге и чести. Свою честь она уже потеряла. Она хотела бы задать множество вопросов, но сжавшая горло гордость не позволяла. Слышно ли, что порешил с ней сделать батюшка? И где нынче Ладимир?..

Рогнеда вздохнула, и Звениславка с опаской на нее покосилась. Она пришла в клеть к сестрице рассказать о казни ее любовника, но поняла, что не может. Не находит в себе ни сил, ни смелости. Все оставшиеся у нее силенки нужны, чтобы примириться с мыслью об утреннем отъезде. О сватовстве, случившемся по вине Рогнеды. Коли б не ее стыд и срам, ничего не было бы!

Зажмурившись, Звениславка крепко сцепила зубы. Непрошенные, злые слова рвались из груди, из самого сердца, крутились на кончике языка.

— Стоило оно того? — спросила, не совладав с собой.

— Стоило, — Рогнеда дерзко тряхнула распущенными волосами. — Каждое мгновение стоило! Потому что я любила и была любима, так жадно и так жарко, — заговорила она прерывисто и замолчала, поддавшись собственным воспоминаниям.

Они долго просидели в тишине после этого, пока Звениславка не сказала:

— Мне пора. Скоро уж рассветет.

Рогнеда неуверенно кивнула, будто бы с сожалением. Нашла на лавке в темноте ладонь двухродной сестры и крепко сжала.

— Скатертью дорога, — сдавленным, надтреснутым голосом пожелала она и поспешно отвернулась в сторону, скрывая лицо.

Звениславка в ответ стиснула ее руку. Что ей пожелать княжне, у которой не осталось ничего?

— Береги себя, — шепнула Звениславка и поспешила уйти, пока не расхныкалась прямо в клетки. Позади нее Рогнеда судорожно втянула носом воздух, чтобы не всхлипнуть.

Звениславка вспоминала последнюю встречу с двухродной сестрой, пока крытая повозка по неровной, бугристой дороге все дальше и дальше увозила ее от терема. Вокруг них простиралась бесконечная, бескрайняя степь. Прежде она и помыслить не могла, каким необъятным простором окружено небольшое княжество Некраса Володимировича. Они провели в пути несколько дней, а степь все не заканчивалась, уходя далеко-далеко за горизонт, туда, куда не достать и взглядом.

Под неодобрительным взглядом Драгомиры Желановны, немужатой сестры княгини Доброгневы, отправленной присматривать за княжной в дороге, как бы чего лихого не произошло, Звениславка постоянно отодвигала в сторону плотную холстину и выглядывала из повозки, чтобы посмотреть по сторонам. Драгомира Желановна лишь пуще поджимала строгие губы. По ее уму, девке следовало носа наружу не казать.

С неповоротливыми, груженными телегами со скарбом и приданым они ехали крайне медленно, из-за чего их небольшой отряд растянулся намного дальше, чем хотел бы князь Ярослав. Звениславка слышала множество раз, как он отправлял кого-то из своих кметей подогнать отстающих.

Как-то сложилось, что вровень с ее повозкой конные или пешие шли отроки — Горазд, Вышата и Бажен. Проводить братоучадо до Ладоги Некрас Володимирович отправил и лучшего своего воеводу Храбра вместе с сыном, а с ними — еще пятерых крепких мОлодцев. Небывалое удивление вызывала у всех госпожа Зима, появившаяся ранним утром на княжеском подворье вместе с небольшим заплечным мешком. Некрас Володимирович едва не дернулся к ней, чтобы попросить остаться — не забыл, как вытащила его знахарка из-за Кромки, но поглядел на нее и отчего-то передумал.

Ярослав Мстиславич отдал ей сменную и смирную кобылку, и госпожа Зима часть пути проводила верхом, а часть — в крытой повозке вместе со Звениславкой, тетужкой Драгомирой и притихшей в самом углу Устей.

Звениславке нравилось, когда знахарка забиралась к ним в повозку. Она знала немало занятных историй и рассказывала их, развлекая слушательниц. Так и коротали длинные дни в

пути. Больше всего Звениславку влекли истории о далекой, незнакомой Ладоге, где она вскоре станет княгиней. Ей больше не у кого было спросить, кроме как у госпожи Зимы. Князю Ярославу она зареклась задавать вопросы после того памятного разговора в конюшне, а подойти к воеводе Круту она пока побаивалась. Оба отрока, что вились подле повозки, прожили в Ладоге совсем недолго, да не особо владели словом, чтобы увлечь своим рассказом. А вот знахарку Звениславка слушала, затаив дыхание.

— Раньше Ладогу называли Старой Ладогой, а на языке варягов — Альдейгьюборг. «Альд» — значит «старый». Старый город, — неторопливо говорила госпожа Зима, пока их повозка покачивалась и подпрыгивала на неровной дороге.

— Еще говорят, что озеро недалеко от Ладоги варяги называли Альдейгья. Вот и получается название — город, построенный вблизи Ладожского озера. Это большой, торговый город. Туда приплывает множество кораблей и купцов с самыми разными товарами.

— Откуда ты все это знаешь? — случилось так, что вровень с повозкой на сей раз ехал воевода Крут.

Услышав их разговор будучи верхом, он слегка пригнулся, чтобы заглянуть в повозку через окошко, которое получилось, когда они сдвинули в сторону холстину, чтобы внутрь попал ветерок.

— Я много чего знаю, воевода, — сварливо отозвалась знахарка.

Она явно жалела, что дядька Крут их подслушал, и не собиралась отвечать на его вопрос. Тот аж цыкнул от досады и слегка поддал пятками жеребца, чтобы обогнать повозку. Госпожа Зима лишь улыбнулась и посмотрела лукаво на Звениславку.

— Ну, про торг я тебе рассказывать не стану, своими глазами поглядишь!

Спустя несколько дней бескрайняя степь все же закончилась, и по пути им начали попадаться первые деревья и пышные кустарники. Их путь пролегал теперь между холмами, петляя из одной стороны в другую. Ехать по такой дороге стало тяжелее, но кмети да и сам князь, казалось, разом выдохнули и помолодели лицами. Разговоры зазвучали громче, веселее стал смех.

Звениславка понимала. Ведь люди князя возвращались домой, и каждое деревцо, каждая травинка, встречавшаяся на их пути, напоминала об этом. Она же тосковала. Закрывала глаза и видела свою крохотную, но родную, уютную горницу в дядькином тереме. Слышала голоса близнецов, Ждана и Желана, выпрашивающих у нее горячие пирожки прямо из печки али со смехом рассказывающих об очередной своей шалости. В груди выросла тяжеленный комочек всякий раз, как Звениславка вспоминала дом, и она старалась вспоминать пореже.

Негоже княжеской невесте плакать. Звениславка неосознанно потерла ладонью запястье. Она не обвыкла еще с обручьями, с их тяжестью на руках.

Она тревожилась за Рогнеду и знала себя виноватой. Что не нашла сил, не сдюжила рассказать той о казни Ладимира. Последний разговор с двухродной сестрой не принес ей облегчения; напротив, на шею тяжестью повис камень лжи и вины.

Княгиня Доброгнева вышла провожать ее со здоровущим синяком на щеке, который не мог спрятать самый праздничный и богатый убор. По всему выходило, что обернулся черным тот вечер, когда войско князя Ярослава въехало на княжеский двор ее дядьки.

На пятый день пути, под вечер незадолго до захода солнца они набрали на ручей, и Ярослав Мстиславич приказал остановиться подле него на ночлег.

Размять ноги после целого дня пути — самое милое дело! Звениславка с неподдельной радостью выпрыгнула из повозки и принялась осматриваться. Позади по дороге еще тянулись отставшие повозки с поклажей, а кмети уже принялись устанавливать навесы и палатки. Услышав, что князь велел развести нынче костер, она обрадовалась еще пуще: все предыдущие дни они вечеряли лепешками и сухим мясом без горячей, наваристой похлебки.

Драгомира Желановна осталась в повозке, и Звениславка бродила по лагерю в одиночестве. За прошедшие дни она свыклась, что люди князя провожают ее взглядами, но редко заго-

варивают напрямую. Она до сих пор мало кого знала из дружины по имени, добро еще, что два отрока подрядились порой развлекать ее беседой. Она мыслила, не приказал ли им князь?..

Будто неприкаянная, Звениславка шла мимо занятых работой кметей: прямо к повозкам они прилаживали навесы, вбивали в землю брусочки для палаток, собирали палки и ветки для большого костра, тащили в огромном котле из ручья воду. Она не привыкла бездельничать, но занятия в отряде князя ей не находилось.

— ... напрасно ты тревожишься, — Звениславка обходила одну из токмо-токмо доехавших повозок со своим приданым, когда услышала голос воеводы Крута. — Еще один дневной переход, и уж никакие степняки нас не достанут.

Она замерла испуганно, затаив дыхание. Еще шаг, и она бы вышла прямо на них.

— Я приказал следить, чтобы повозки не отставали. Если ты не справляешься, завтра в конце отряда поеду я.

Мужчиной, с которым говорил воевода, оказался пребывавший не в духе князь. Звениславка медленно попятилась назад, жалея, что набрела на них ненароком. Услышав позади громкое ржание, она подпрыгнула на месте и резко обернулась. Один из коней встал на дыбы, скинув на землю седельные сумки и иную поклажу. Подле него суетился взъерошенный, светловолосый кметь. Он все пытался натянуть поводья и успокоить испуганное животное, но лишь делал хуже, мельтеша у того перед мордой высоко поднятыми руками.

— Уйди, — на шум из-за повозки, где беседовал с воеводой, вышел князь. — С конем справиться не умеешь, Гостомысл?

Он недовольно отчитал кметя, отодвинул того плечом в сторону и тихим, ласковым голосом заговорил с разгоряченным жеребцом. Смущенный, покрасневший до лопухих ушей отрок принялся собирать с земли разбросанные сумки и прочий скарб.

Понемногу князю удалось успокоить коня. Сперва тот перестал скалиться, вот-вот готовясь укусить, и испуганно пятиться назад. Затем затихло ржание, и вот уже Ярослав Мстиславич поглаживает его по морде, прижав к своему плечу.

— Чего он вообще взъерепенился? — спросил подошедший дядька Крут.

— Да змею увидал, молоденькой ищю он, — отозвался раздосадованный Гостомысл.

Видно, тут уж пришел черед Звениславки пугаться и вопить. Она едва сдержалась, заслышав про змею, и на всякий случай зажала рот ладонью, пятась прочь, словно гадюка притаилась напротив нее. Она ненавидела змей.

— Эй, девонька, ты не пужайся, — позвал ее воевода неожиданно ласково. — Они тут токмо укусить могут. Пустые они, без яда.

Звениславка, у которой вся кровь отлила от лица и зуб не попадал на зуб от страха, неуверенно кивнула. Что с ядом, что без — ей все едино. Змей она боялась до потери сознания.

— Напои его хорошенько, — князь подвел под узды коня к Гостомыслу. — И чтоб я больше не видел, как ты с ним справиться не можешь. А коли не можешь — в дружине моей ты мне не надобен.

— Да, княже, — тот склонил голову, принимая поводья. — Я...

Но Ярослав Мстиславич резко взмахнул рукой, не желая слушать его оправдания. Поглядев на притихшую Звениславку и, как и всякий раз, ничего ей не сказав, он зашагал прочь от них троих.

— Ну ты и дубина стоеросовая, — выругал кметя в свой черед воевода. — Позоришь княгиню, которая за тебя, дурака, просила!

Звениславка отошла от них, не желая подслушивать чужой разговор. Вскоре к своему облечению она наткнулась на знахарку. Госпожа Зима позвала ее подсобить с горячей снедью, раз уж нынче они развели костер, и Звениславка радостно закивала. Руки у нее так и просили работы! А вместе со знахаркой ей не будет так страшно оказаться подле незнакомых княжьих кметей.

В четыре руки они состряпали наваристую, густую похлебку. Запах горячей снеди приманивал в костру кметей со всех сторон их небольшого стана, и под конец даже госпожа Зима устала переругиваться с языкастыми кметями. Каждый норовил раньше прочих залезть ложкой в общий котел, стащить кусок пресной лепешки.

Звениславка повеселела. От жара открытого огня покраснелись щеки, и выбившиеся из тугой косы непослушные волосы так и лезли в глаза, пока она, запыхавшись, мешала и мешала густое варево. Она улыбалась, слушая ругань знахарки.

— Уж брюхо к спине прилипло, — жаловался кто-то из кметей, кружа подле костра.

— А тебе не повредит поголодать маленечко, не то вскоре кобылу свою зашибешь! — отзывался другой.

Вечерять сели, токмо дождавшись князя. Он обходил лагерь, расставлял дозорных, спускался зачем-то к ручью. И хмурился, отчего сперва, рассевшись вокруг котелка с похлебкой, все вечеряли в тишине. По старшинству запускали в котел ложки, закусывая тонкими лепешками, выпеченными еще у Звениславки дома. Знахарка и она сидели поближе к князю, впереди многих кметей и отроков. Драгомира Желановна вместе с Устей вечеряли под пологом палатки. Тетушка с трудом переносила тяготы походной жизни.

— Давненько я такой вкусноты не едал, — когда уже заскребли ложками по самому дну, разговор все же завязался. — Благо, что не Гостомысл кашеварил!

По всему выходило, день у кметя Гостомысла выдался нынче дурным.

— Обожду до другого похода. Тогда и погляжу, как ты запоешь, — недовольно, сварливо отозвался тот.

— Побубни мне тут еще, — воевода Крут строго поглядел на кметя, хаявшего стряпню Гостомысла. — Ты бы за повозками так приглядывал, как ложкой скребешь. Отчего две оси треснуло, тебя спрашиваю, разиня?!

— Да какой там треснуло, дядька Крут, ты чего! Вроде травили тебя, а не ослепили! — тот принялся оправдываться. — Налетели на глыбу какую-то, вот и накренилась маленько.

— Ах ты толоконный лоб, я тебя покажу, маленько! Я тебя покажу, ослепили! — воевода замахнулся на него ложкой, и радостные кмети загоготали. — Не дружина, а ротозеи, один другого дурнее!

— Видать, ты прям совсем оправился, воевода!

Прыснув в ладонь, Звениславка покосилась на князя. Тот слушал перепалку воеводы и кметей, нахмурившись. За все время, проведенное в пути, ее будущий муж не сказал ей и пары слов. Даже ранним утром перед самым их отъездом, когда защелкивал на ее запястьях новенькие серебряные обручья — Звениславка узнала работу дядькиного кузнеца Могуты.

— Расскажи какую-нибудь историю, дядька Крут!

Задумавшись, Звениславка пропустила, как кмети принялись просить воеводу развлечь их любопытной басней о былых походах и свершениях. Тот упирался, будучи не в настроении, и под конец махнул рукой в сторону знахарки:

— Потешь нас ты, госпожа. По всему ясно, многое ты повидала, много, где побывала.

Дюжина лиц повернулась в сторону Зимы Ингваровны. Она хмыкнула, проницательно поглядев на воеводу.

— Басней потешить, говоришь? Знаю одну такую, да. На севере, в далекой стране норманнов, жил удачливый конунг. Из каждого похода он возвращался живым и с богатой добычей. Он выстроил на земле крепкий Длинный дом, а по фьордам мимо ледников его мчал огромный драккар. Многие завидовали его удаче и его дому: жена родила ему красавиц-дочерей и сына, которого конунг с пеленок брал с собой на драккар, и на шаткой палубе мальчишка держался увереннее, чем на твердой земле. В один из дней те, кто завидовали ему, вероломно напали на него дома, нарушив и поправ все законы гостеприимства. Клятвопреступники вырезали всех до единого в Длинном доме и подожгли его, и дети конунга, которых отец отпустил на

зимнюю рыбалку, вернувшись домой на другой день, нашли лишь черное пепелище на белоснежном берегу подле залива.

Все, кто слушал знахарку, затаили дыхание. Тишину нарушал лишь ее голос и тихий треск костра. Даже князь смотрел на нее, не отводя взгляда.

— Осиротевшие, лишившиеся дома брат и сестры подались, куда глядели глаза, — медленно продолжала госпожа Зима. — Много всего пришлось им испытать и пережить, пока не приютили их в небольшом городище. Они забыли свои прежние имена и взяли новые. Выучились говорить на чужом языке. Ничего не напоминало в них тех детей, что стояли на пепелище собственного дома, взявшись за руки и глотая горячие слезы, и смотрели на обгоревшие бревна и кости. А потом старшая сестра предала младшую, уподобившись тем клятвопреступникам, что убили ее отца, мать и всю родню. Отныне с того дня она не знала ни покоя, ни отдыха, потому что еще никогда боги не прощали убийц. Говорят, ее дух в белых одеяниях так и бродит где-то на Севере, пугая путников на лесных дорогах.

— Да... — протянул воевода Храбр, разрубив воцарившуюся тишину. — Вот так баснь ты рассказала нам, знахарка.

— Позабавила вас?

— Никогда ее не слышал прежде, хоть вырос там неподалеку, — сказал кто-то из кметей.

— Страна норманнов — суровый край, — госпожа Зима пожала плечами. — И не такое случилось.

— Довольно на сегодня, — князь оборвал ее на полуслове. — Довольно басен, изрядно засиделись мы нынче. Выдвигаемся с восходом солнца, — он встал, одернув полы плаща, и кмети поднялись ему вслед.

Но они не спешили расходиться и, дождавшись, пока князь отойдет от костра, расселись вновь, разом заговорили. Токмо отрок Горазд пошел за своим господином.

— Нам тоже пора уже, — Звениславка осторожно тронула знахарку за плечо. Ей казалось неправильным засиживаться у костра, если князь уже ушел.

— Идем, дитятко, — кивнула та.

Палатку для женщин поставили в самом центре лагеря, окружив ее менее пышными и громоздкими палатками кметей. Даже у князя была меньше, а ведь он делил ее со своим воеводой да отроком, спавшим у входа.

Драгомира Желановна уже спала, укрывшись плащом с головой, а вот чуткая Устя проснулась, слышав их шаги. Она развязала Звениславке шнуровку на платье и помогла умыться принесенной из ручья водой.

— Князю твоя баснь пришлась не по нраву, госпожа, — сказала Звениславка, когда они улеглись.

— Он князь, — судя по голосу, знахарка улыбалась. — Ему нет дела до басен чужой женщины.

— И все же он осерчал.

Звениславка натянула повыше плащ и закрыла глаза. Чем дальше они уезжали на север, тем прохладнее становились ночи. Вот-вот они покинут степь и выедут на широкий трактат, название которого она не запомнила. Их путь будет пролегать сквозь густой лес, а после они обойдут дальней дорогой гиблые болота. Каждый новый день будет холоднее минувшего, и через пару седмиц в Ладогe они встретят осень, и деревья окрасятся в золотисто-багряные цвета.

Сквозь неплотные стены палатки до Звениславки доносились звуки ночного лагеря. Она слышала, как где-то поблизости переговаривались кмети, ржали в отдалении лошади, ветер шуршал высокой травой, и стрекотали сверчки. Никогда прежде она не испытывала подобного, не уезжала так далеко от дома, не покидала терем. Она и за частокол-то выходила редко, а теперь перед ней раскинулся, лежал под ногами огромный неведомый мир. У Звениславки

перехватывало дыхание всякий раз, как она об этом думала. Знахарка рассказывала ей про Ладогу, про торг и княжий терем, и она уже воображала себя среди купцов и просторных гридниц, и в собственных горницах, заставленных сундуками с приданым, которым нагроулили нынче множество повозок.

Ночью она проснулась будто от толчка. Открыла глаза и поняла, что место по левую руку от нее, место знахарки, пустует. Она провела ладонью по ткани: холодная. Значит, госпожа Зима ушла давно. Мало ли по какой нужде.

Звениславка закрыла глаза и приказала себе спать. Лагерь просыпался рано поутру, еще до восхода солнца, и времени на сон оставалось немного. Так что лучше ей заснуть прямо сейчас.

Легко сказать! Как назло, спать ей совершенно перехотелось. Знахарка все не возвращалась, и Звениславка долго лежала с ясными, широко открытыми глазами, пока, наконец, не села с тяжелым вздохом на покрывале. Пригладив волосы, она потихоньку подняла плащ, которым укрывалась, и вылезла из палатки, слегка откинув полог. Глубокая ночь встретила ее прохладой, и она поежилась, плотнее запахнула полы плаща.

Яркая, полная луна освещала лагерь, и было почти также светло, как и днем. Ее свет отражался в расставленных вокруг палатках, отливая расплавленным серебром. В полнейшем одиночестве Звениславка медленно пошла вперед, ступая тихо и осторожно. Она чувствовала на себе чужой взгляд: верно, дозорные несли свою стражу. Искала ли она знахарку потому, что и впрямь волновалась за нее, или же ее снедало жгучее, постыдное любопытство? Себе врать не приходилось, и потому Звениславка, хоть и прикусила смущенно губу, все же продолжила свой путь.

Костер давным-давно догорел, и на его месте лишь слабо тлели почти черные угли. Она прошла мимо него и вдоль повозок, когда под ногами что-то блеснуло, отразив яркий лунный свет. Не особо размышляя, Звениславка склонилась посмотреть. В пыль была втоптана какая-то цепочка, и, потянув за нее, она подняла с земли чужой оберег. Покачиваясь, висел на цепочке увесистый молот. Она стиснула ладонь и зачем-то положила оберег в поясной мешочек, спрятанный в пышном подоле платья. Наверное, потерял кто-то из кметей, рассудила Звениславка. Больше некому. Она знала, что молот был символом Перуна, знаком воинов.

Она искала знахарку, а нашла оберег. Улыбнувшись, Звениславка свернула на тропинку, ведущую к ручью, и через пару шагов застыла, вмерзла ногами в землю, будто вкопанная. Вода в ручье из-за лунного света казалось темно-серой, почти черной. Посреди ручья, по колено в воде спиной к берегу стояла знахарка. Распущенные черные с сединой волосы укрывали ее едва ли не до пят, словно длинный плащ. Она что-то держала в руках — что-то, ярким серебряным отблеском вспыхнувшее под лучом лунного света.

Когда в ручье вскипела вода, Звениславка, по спине которой побежали мурашки, испуганно попятилась. Зацепившись пяткой за корягу, она едва не упала, но смогла устоять. Нутром она чуяла, что госпожа Зима знала об ее присутствии. Что она ее видела. Ей сделалось очень и очень страшно, и Звениславка уже с дюжину раз успела пожалеть, что проснулась этой ночью, что покинула уютные стены теплой палатки. Она пятилась и пятилась, пока не поднялась по тропинке обратно наверх, а потом во весь дух побежала к палатке, где с головой укрывалась плащом и отвернулась от задернутого полога. Звениславка боялась, что не сможет заснуть от страха, но властный голос в голове приказал ей спать, и она закрыла глаза.

Рано утром, когда дозорные будили лагерь, Звениславка проснулась и увидела, что знахарка спит на своем месте. Если бы она не нащупала в поясном мешочке найденный ночью оберег, она бы подумала, что ей все привиделось.

Колокольчики в волосах II

Иштар медленно жевала тонкую сухую лепешку, прислушиваясь к спору, что разгорался между отцом и одним из лучших его полководцев. Она и четверо мужчин делили вечернюю трапезу в роскошном отцовском шатре. Накануне тот получил весточку от Саркела и потому после захода солнца собрал своих военачальников и советников, намереваясь обсудить с ними дальнейшие планы. И не всем они пришлось по нраву.

Мужчины сидели на расшитых подушках вокруг низкого столика, щедро уставленного яствами и сосудами чеканной работы. На серебряных подносах в глубоких чашах остывало мясо, но почти никто из них так и не притронулся к еде; они все больше пили вино из серебряных чаш и хмелели.

Иштар старательно прятала улыбку в уголках губ. Как и всякий гордец, ее отец ненавидел, когда с ним пререкаются. Как и всякие полководцы, двое мужчин ненавидели бросать в безнадежную схватку своих лучших воинов, чтобы те напрасно погибали. Как и всякий советник, последний из собравшихся думал о золоте и богатой добыче. Как и любой хазарин, все четверо отчаянно ненавидели русов, и если ее отец еще мог обуздать чувства, думая о цели, которую он преследовал, то вот его полководцы не стеснялись в выражениях и отчаянно не хотели, чтобы даже один хазарин встретил смерть из-за чаяний руса.

Саркела в хазарском стане не терпели.

Склонив голову, Иштар рассматривала свои ладони, чтобы никто не заметил смешинки в ее взгляде. Она и впрямь забавлялась, слушая, как лучшие из мужей понапрасну сотрясают воздух громкими голосами и взмахами рук. Ее отец уже все решил.

Отец Иштар, хазарский полководец Багатур-тархан недовольно хлопнул в ладоши, пытаясь обуздать разгоревшийся спор.

— Так. Дело решено, — сказал он раздраженно, — мы сговорились с Саркелом.

Они уже говорили дольше, чем он намеревался. Он позвал их в шатер, чтобы объявить о своем решении, и не ожидал услышать в ответ несогласные, непокорные речи.

— Хазар-Каган скоро умрет, — но его первый полководец — Барсбек — не собирался сдаваться. — Все говорят. Мы должны быть в столице, когда это произойдет.

— Все пророчат ему смерть уж какую весну, — проворчал Багатур-тархан. — Звезды ошиблись и на этот раз.

— У него нет наследника, — угрюмый Барсбек гнул свое. — Нет сына. Начнется резня. Если мы опоздаем, то подойдем будто псы.

— Так. Ты причитаешь, словно старуха, — недовольно попенял ему Багатур-тархан. — И кличешь беду, когда ничего еще не случилось!

— Мы можем взять богатую добычу у тархана русов.

Иштар, чье мнение никто не спрашивал, едва терпела толстого советника отца. Тот, может, и понимал в торговле да купеческом ремесле, но она не могла смотреть на него без отвращения. Вот и сейчас тяжело сглотнула, унимая дурноту, когда мужчина принялся развязывать узелки на кафтане своими толстыми пальцами, униженными плотно сидящими перстнями. Чтобы их снять, потребовалось бы отрубить пальцы под корень.

— Золото купит нам много славных воинов, — советник отца продолжал размышлять. — Золото купит нам все.

— Оно не купит нам победу, — Барсбек свирепо мотнул головой, и длинные черные волосы стегнули его по лицу.

Его кожа была намного блее, чем у Иштар, ее отца и остальных мужчин. Его мать была светловолосой рабыней, украденной во время одного из успешных набегов на русов. Ее сын унаследовал от нее светлую кожу и серый цвет глаз, какой не встречался у чистокровных хазар.

Его нежная, безмолвная мать, которую замучил его же отец. Все шептались, что Барсбек вырос и убил его из мести.

— Может, Парсбит дело говорит.

В ярости Барсбек обернулся ко второму полководцу, вздумавшему встать на сторону тучного советника.

— Золото и меха, и торговый путь, — добавил тот. — Мы купим войско.

— Так и будет, — Багатур-тархан благосклонно кивнул ему.

— Ну же, поразмысли сам! — второй полководец, Чорпан, обернулся к Барсбеку. Он слишком уважал его, чтобы не попытаться объяснить. — Мы раздавим Нишу-хана и его шатер как муху! Он ослаблен теперь.

Барсбек покачал головой. Багатур-тархан же довольно улыбался.

Когда мужчины затеяли с ним спор, все трое были против него. Сейчас же сопротивлялся лишь Барсбек. Но он всегда сопротивлялся, за что Багатур-тархан его и ценил. Хороший каган всегда выслушает всех своих полководцев, особенно тех, кто ему возражает. Не стоит слепо полагаться лишь на свой взгляд, он может быть затуманен и притуплен. Багатур-тархан следовал этим правилам всю свою жизнь, и пока что они ни разу его не подводили и позволили забраться очень и очень высоко. Хотя, видит великий Тенгри, ему множество раз хотелось укоротить Барсбеку язык!

— Нам нужно вернуться в столицу, — Барсбек продолжал стоял на своем. — Когда умирал предыдущий Хазар-Каган, да будет благосклонен к нему Тенгри, шады устроили резню.

Скривившись, Багатур-тархан посмотрел на него, но ничего не сказал. Они все помнили, что случилось тогда — прошло не так много времени. Но этот спор Барсбек все же проиграл. И он это понимал.

— Так. Мой младший сын направит к нам конницу и осадные орудия из Беленджера. Мы должны встретиться с ними на половине пути.

Отец Иштар довольно хлопнул раскрытыми ладонями себя по бедрам и потянулся к кубку со сладким вином. Барсбек резким жестом откинул назад полы расшитого золотой нитью кафтана и постучал пальцами по столу. Он поймал взгляд своего кагана и едва заметно покачал головой.

Иштар подавила вздох, благодаря всех богов, что мужчины, наконец, закончили бессмысленный спор. Он порядком ей наскучил, и она устала слушать их бесконечные препирательства. Зачем, если ее отец сказал, что уже обо всем сговорился с Саркелом? Он не отступится от своих договорённостей, что бы ни случилось, чтобы ни сказали его полководцы и советники.

Отец сам велел ей остаться и послушать, хоть она и приходилась ему дочерью, а не сыном. Но Иштар — важная часть плана и сговора с Саркелом, и чтобы управлять тарханом русов, она должна знать все, что замыслил ее отец. Потому она и сидела в отцовском шатре этим вечером, и скучала, и вполуха прислушивалась к беседе мужей.

Барсбек окинул ее тяжелым взглядом, и у Иштар по коже побежали муравьи. Уязвленный, рассерженный мужчина — опасный мужчина. Она запахнула на груди поплотнее кафтан, и браслеты на ее тонких запястьях мелодично зазвенели.

Трое мужчин будто впервые вспомнили, что она здесь, и разом обернулись к ней. Отец выглядел чрезвычайно довольным. Он даже улыбнулся ей.

— А, Иштар. Ты еще здесь. Ступай спать, мы закончили нынче.

— Да, отец, доброй ночи.

Она склонила голову, словно послушная дочь, гибким, изящным движением плавно поднялась на ноги, расправила широкие шаровары из гладкого шелка и покинула шатер.

Выходя на воздух, она накинула на плечи отороченный пушистым мехом плащ. Скоро-скоро осень вступит в свои права. Ночи уже становились все длиннее и холоднее, а дни —

короче. По Степи гуляли сильные, выбивавшие из седла ветра. Они поднимали в воздух мелкий песок и пыль и уносили далеко-далеко.

Повсюду в хазарском лагере горели костры и факелы, но даже их свет не перебивал свет раскинувшихся по всему небосклону ярких звезд. Духи предков улыбались ей с небес, и, запрокинув голову, Иштар любовалась ими, словно завороженная. Она любила степь всем своим сердцем, она не знала иной жизни, но была уверена, что не сможет так сильно полюбить ни один роскошный дворец, ни один богатый терем. Разве можно будет во дворце увидеть сияние дюжины дюжин звезд на черном-черном небе? Разве можно там будет задохнуться от нахлынувших чувств?

Крадучись, она пробралась в шатер. Но не в тот, который был поставлен для нее. Этот чужой шатер, в который зашла Иштар, был не столь богато украшен, как у ее отца, и отличался по внутреннему убранству. Повсюду валялись свернутые и раскрытые свитки с картами и непонятными надписями. Иштар они не сильно интересовали, и она лишь скользнула по ним равнодушным взглядом.

Прямо в кафтане она улеглась на звериные шкуры, служившие воину постелью, и закрыла глаза. Она почти уже жалела, что отец втянул ее во всю эту возню с Саркелом. Его затея оказалась изрядно утомительной, и у Иштар все внутри холодело, когда она думала, что вскоре ей вновь придется делить ложе с тарханом русов.

— Хорошо, что отец обещал его убить, — прошептала она в полумрак, царивший в шатре. Его рассеивал лишь тусклый свет единственной лампы, стоявшей на низком столике у самого входа.

Колыхнулся полог, закрывавший вход, и в шатер вступил мужчина. Он понял мгновенно, что Иштар внутри. Еще прежде, чем зазвенели ее браслеты и монетки в волосах, и она успела что-то сказать.

— Это ты, — сказал Барсбек и втянул носом пряный аромат специй, который принесла с собой Иштар.

Она села на меховую шкуру, которой укрывалась, и подтянула к подбородку колени, отбросив в сторону нарядные башмачки. По резким, рваным движениям Барсбека она поняла, что тот еще не остыл после перепалки с отцом, и потому молча следила, как он расстегивает и снимает богато украшенный воинский пояс, распутывает завязки кафтана, отбрасывает в сторону кинжалы в ножнах, а следом за ними швыряет сапоги.

Барсбек ненавидел русов чистой, бурлящей ненавистью, и план Багатур-тархана был противен ему, как никому другому. И именно ему придется воплотить его в жизнь.

— Отец же хочет разорить крепость и земли русов, — Иштар не понимала природу его злости. — И этого же хочешь ты.

Возвышавшийся над ней, взвинченный Барсбек резко обернулся. Он хмыкнул, словно она сказала величайшую глупость.

— Но не в угоду этому псу Саркелу! Мои люди, хазары, погибнут, чтобы какой-то рус мог ударить по своему брату!

Но было кое-что еще. Иштар знала, хотя Барсбек ни разу не говорил об этом. Он злился на ее отца за то, что тот подложил под руса Иштар. И злился за это на нее. И — самую малость — на себя. Но сильнее всех полководец злился на тархана русов.

— И твой отец ошибается, — сказал он уже тише. — Когда каганат одолевают внутренние дразги, не время воевать с русами.

— Одолев их, он возвысится. У него будут новые земли и золото, — Иштар пожала плечами.

Она проводила часы в шатре отца и поневоле слышала каждый его разговор. Через какое-то время она начала не только слышать их, но и понимать сказанное, хоть и не обучалась никогда воинскому искусству, и не участвовала в сражениях.

Барсбек раздражённо цокнул. Он опустился подле Иштар на меха, служившие ему постелью, и лег на спину.

— Звезды изначально говорили, что не стоит путаться с русами. Все знаки об этом говорили. Твой отец промахнулся, когда приносил раба в жертву. После такого не ведут за собой людей.

— Я не знала об этом.

— Еще бы, — Барсбек хмурился. — Он убил потом всех оказавшихся поблизости рабов, чтобы они ничего не разболтали. Я был с ним там.

Иштар редко видела его таким серьезным, хоть и знала очень, очень давно, а любила еще с того времени, как начались ее лунные крови. Она потянулась погладить его по обнаженной груди, лаская прохладной ладонью горячую кожу, но Барсбек отодвинул ее руку.

— Нет. Я проливал сегодня кровь.

Иштар беззвучно вздохнула и уперлась ладонями в пушистый мех, намереваясь подняться и уйти, когда Барсбек обхватил ее запястье.

— Останься, — попросил он.

Утром начали собирать лагерь. Проводя многие недели в степи и в седле, ведя кочевую жизнь, хазары всякий раз ставили лагерь крепко и основательно, из-за чего зачастую на сборы уходил не один день. Но в этот раз Багатур-тархан торопил своих людей, приказывая взять лишь самое необходимое, а остальным займутся рабы.

Иштар проснулась в палатке Барсбека в одиночестве, хотя к тому моменту солнце едва-едва начало свой дневной путь. Наскоро одевшись, она вышла на воздух, чтобы увидеть своего возлюбленного в окружении подчинявшихся ему хазар. Он что-то чертил палкой прямо в пыли посреди лагеря: верно, планировал будущее сражение.

Вокруг палаток, шатров и навесов воины помладше, не отличившиеся еще доблестью в битвах, занимались оружием. Проверяли тетиву на луках, складывали в колчаны смертоносные стрелы, осматривали наконечники копий.

— ... мы дождемся ночи, — до Иштар долетали обрывки фраз полководца. — ... займется огонь...

Не сдержавшись, она зевнула. Монетки в волосах Иштар тихо звенели, когда сухой степной ветер принялся трепать ее косы. Она проводит отца и его людей, прежде чем свернет на свою дорогу. Она всегда провожала их. Они уходят теперь, ее отец и ее возлюбленный. Куда-то придется отправиться и ей. Негде больше оставаться, через пару дней о хазарском лагере будет напоминать лишь вытопанная, изборожденная земля.

Она простояла снаружи у порога палатки Барсбека достаточно долго, чтобы ее там нашел довольный отец. Он оказался вчера победителем.

— Так. Я надеюсь, Барсбек не слишком долго печалился этой ночью, — сказал дочери Багатур-тархан.

Та лишь повела плечами в ответ. Отец, конечно, может заставить ее соблазнить нужного ему человека. Но вот откровенничать с ним она не обязана.

— Я хочу, чтобы ты отправилась в Беленджер, — не выказав малейшего недовольства ее молчанием, сказал Багатур-тархан. — Это недалеко, и твой брат сможет за тобой присмотреть. Вернешься, как только мы покончим с тарханом русов.

— Да, отец, — Иштар кивнула и замолчала.

Ей было все равно, куда ехать. Хорошо, что отец не отправил ее к Саркелу, хоть тот и просил. Пока не отправил. Просто не пришло еще ее время.

Барсбек мог бы ее спасти. Много весен назад он хотел взять ее в жены, предлагал отцу большой калым. Тот почти согласился, решив узами родства привязать к себе талантливого полководца. Отказалась Иштар. Мужчине не нужна пустая жена. Ему нужны сыновья, нужно

продолжать род. Даже дочери ему нужны, чтобы удачно выдавать их замуж. А пустоцвет не нужен никому.

Иштар никогда не будет ничьей женой, ни невестой. Мать матери о том позаботилась. Теперь, спустя долгие годы, Иштар почти примирилась с судьбой. Она была даже благодарна старухе. Проклятье оказалось даром.

— Когда мы расправимся с Саркелом, я отпущу тебя, — как-то в один из долгих вечеров пообещал ей Багатур-тархан.

— Правда? — Иштар посмотрела на него, склонив голову набок, и отец ничего не сказал в ответ.

Она ему не верила. Он обманул и предал столько людей, что не хватит всего песка в степи, чтобы сосчитать. Он обманывает ее, Барсбека, Саркела, своих полководцев и советников, хазар-кагана, родную мать...

Потому он и пережил уже дюжину каганов, ее отец. Потому и не боится резни, которой опасается его лучший воин. Багатур-тархан сам же ее и начнет.

Пока Иштар шла по лагерю к своей палатке, встречавшиеся ей на пути рабы и слуги кланялись, а хазары опускали головы, называя ее хатун, ведь она была дочерью тархана. Она улыбалась, прекрасно зная, как они называют ее за спиной, когда думают, что она не слышит.

Иштар заглянула в свою палатку, чтобы забрать из нее единственную вещь, которой дорожила. Небольшой кожаный мешочек, помещавшийся в ее раскрытую ладонь, наполненный золотом и драгоценностями. Мужчины, которые любили ее, бывали щедры. Иштар старательно скрывала свое сокровище от отца. Она верила, что однажды этот мешочек подарит ей свободу.

Примотав свои драгоценности и золото прямо к телу бинтами и скрыв их под широким, просторным кафтаном, Иштар вышла наружу и остановилась, чтобы понаблюдать, как слуги разбирают ее палатку, в которой она сама не провела ни одной ночи с того дня, как в хазарский стан приехал Барсбек.

Мимо нее прошли несколько облаченных в боевой доспех хазар. Они приглушили голоса, перейдя на шепот, когда оказались рядом с ней. Иштар подавила грустную ухмылку. О да, она и впрямь знала, что порой говорят о ней в лагере. За ее спиной раздавался громкий смех, заставивший ее вздрогнуть. Может, она надумала. Может, смеялись и не над ней.

Над ней, поняла она, когда смех оборвался столь быстро и резко, как и начался. Хазары столкнулись со своим военачальником, Барсбеком. Тот направлялся к Иштар.

— Я принес жертву этим утром, — заговорил он, остановившись сбоку от нее. — И порезался о кинжал.

Дурной знак. Очень, очень дурной знак. Иштар прикусила губу. Когда в последний раз воин мог порезаться о свой же клинок? Верно, еще когда был мальчишкой и только учился тому, как держать в руке меч. Как можно порезаться о продолжение собственной же руки?

Тронутые ветром, грустно и печально зазвенели монетки в волосах Иштар, пока она спешно раздумывала, что можно сказать. Она перебирала браслеты на тонких запястьях, крутила между пальцами их блестящие ободки и молчала.

— Я не вернусь из этого похода, — спокойно заключил Барсбек, пока Иштар все пыталась найти подходящие слова. — Надеюсь, Великий Тенгри позволит умереть мне достойно, как подобает воину.

— Он позволит тебе жить! — пылко выпалила она, схватив мужчину за запястье, чем заслужила его хоть и не злую, но снисходительную улыбку.

— Чичек, тебе стоит молиться, чтобы Тенгри позволил жить твоему отцу. Иначе для тебя все будет кончено.

Мужчины глупы. Даже те, которые любят ее, и которых любит она. Ничего не будет кончено, подумала Иштар, прикоснувшись к повязкам на животе, под которыми были сокрыты ее сокровища.

Хазарское войско покинуло лагерь на рассвете следующего дня. Поднятый ими след из пыли и песка еще долго висел в воздухе, не спеша опускаться на землю. По Степи невозможно было передвигаться скрытно, но хазары никогда и не пытались. Они по праву считали себя хозяевами, а какой хозяин станет прятаться в своем же доме? Не было равного им по силе противника ни в Степи, ни за ее южными пределами уже много-много весен, и не скоро он сыщется. Так размышляли они.

Иштар скакала в самом начале войска вместе с отцом и его военачальниками. От стремительной скачки с ее головы упала повязка, и длинные косы летели позади будто плащ, и громко звенели вплетенные в них мелкие монетки. Как и каждый из ее народа, Иштар ездила верхом едва ли не с рождения. Порой бывало, что дитя еще путалось в шагах и шаталось при ходьбе, но уже с легкостью держалось в седле.

Позади остались рабы и свободные слуги, укрепленный лагерь с богатыми шатрами и палатками, вкуснейшие яства на серебряных подносах, изящные кубки и тонкие шелка. Впереди их вновь ждала походная, кочевая жизнь с сушеным мясом и сухими лепешками, бурдюками с водой, навесами, развернутыми под открытым небом, и общей трапезой вокруг костра.

У каждого из воинов вокруг Иштар висел за спиной тугой лук и колчан со стрелами, пробивавшими броню за сотню шагов. Мало кто мог сравниться с хазарами в стрельбе верхом; они всегда били точно в цель, неважно, конные ли, пешие ли...

Тархану русов не поздоровится, думала Иштар. Отец собрал большое войско, и вскоре к ним присоединятся хазары из отряда ее младшего брата. Он никогда бы не решился на такое без сговора с Саркелом. Они принесут на земли русов разорение, кровь и смерть.

Если только не окажется прав Барсбек, и смерть Хазар-Кагана не заставит ее отца повернуть в сторону дома. Иштар не была там уже пару весен и почти забыла, как выглядит их дворец в далеком-далеком Хамлидже, в котором живут жены отца и младшие дети. Она тоже могла бы жить в нем или в соседних дворцах богатых, прославленных военачальников, сложись все по-другому. Но сложилось так, как сложилось, и потому сейчас Иштар скачет вместе с войском отца, провожая его в поход на тархана русов.

За несколько дней почти непрерывной скачки, с короткими привалами на ночлег, войско Багатур-тархана достигло перекрестка, где он условился встретиться с одним из младших сыновей. Они торопились и потому прибыли загодя, когда до захода солнца оставалось еще много времени. Иштар спрыгнула на землю и с наслаждением потянулась, разминая затекшее тело. Она отвыкла от столь долгих и утомительных путешествий.

На скорую руку разбили небольшой лагерь. Хазары проведут тут пару дней, чтобы набраться сил перед решающим рывком. По задумке Багатур-тархана им предстоит еще один такой же длительный переход почти без отдыха, прежде чем они достигнут дворца тархана русов.

Но вечером войско младшего брата Иштар к ним не присоединилось. Отец, заложив руки за спину, мерил шагами степь, изредка посматривая в сторону горизонта, где уже отгорел закат. Намеченное для встречи время наступило и минуло, а вдалеке не виднелось даже пылинки.

В тот вечер Барсбек сидел у костра с улыбкой, которой никто у него не видал со дня, как покинули укрепленный хазарский стан. Он даже шутил о чем-то с Чорпаном, вторым полководцем Багатур-тархана. Тем, кто пошел против него во время совета в шатре. Иштар удивлялась. Она думала, Барсбек не простил тому предательства.

По войску пополз тихий, тихий шепот. Что могло помешать сыну тархана вовремя прийти на место встречи с отцом? Многое, очень многое.

— Так. Мы будем ждать, — сказал Багатур-тархан, когда окончили вечернюю трапезу. — Будем ждать два дня. А потом пойдем на русов.

Его слова встретили сдержанным, но довольным ропотом. У них хватит сил и людей и без той подмоги, которую они ждали. Брать дворец без осадных орудий будет сложнее, падет

больше воинов. Но они по-прежнему превосходят русов и числом, и мощью, в этом Багатур-тархан был убеждён. И потому он рискнет. А после того, как захватит вражеский дворец, разыщет своего сына и строго накажет за неподчинение приказам отца.

В глазах Барсбека, когда он смотрел на Багатур-тархана тем вечером, отчетливо читались все его мысли. Он думал про сорванный удар во время ритуала жертвоприношения и свой порез. Сами боги отринули их жертву. Боги не поддерживают их в этом походе. А теперь не появился на месте встречи и младший сын тархана. Сколько еще нужно ему знаков, чтобы повернуть назад?

Но было уже поздно. Может, если разверзлось бы небо, и грозный Тенгри ниспослал бы на их головы небесный огонь, тогда бы Багатур-тархан остановился.

На следующее утро в хазарский стан на взмыленной, почти загнанной лошади прискакал гонец. Багатур-тархан лично вышел его встречать и, прочитав послание, тотчас его сжег, а гонца на свежем коне отправил обратно, не позволив отдохнуть. Правду о том, что было нацарапано на том кусочке свитка, он не рассказал никому, даже ближайшим своим военачальникам.

— Оно от твоего брата, — настаивал Барсбек. — Дурные вести.

Он и Иштар наблюдали за тем, как Багатур-тархан отправлял в обратную дорогу посланника.

— Оно может быть и от Саркела, — она дернула плечом.

— И его привез хазарин? У него кафтан украшен на столичный манер, — он покачал головой и, сощурившись, поднес раскрытую ладонь ко лбу, провожая гонца взглядом. — Нет, гонец не от, — Барсбек от души сплюнул в пыль, — не от руса.

Иштар равнодушно промолчала. Ей было плевать, от кого прискакал хазарин и с какими вестями. Может, скажи он, что Саркел подох, она бы и заинтересовалась. А так... для нее все едино. Если до завтрашнего вечера тут не появится ее младший брат, она отправится дальше вместе с отцовским войском.

— ... а тебе бы хотелось этого, да?

Голос Барсбека прорезался сквозь плотную завесу захвативших ее мыслей.

— Чтобы весточку прислал Саркел? — он сжал и дернул ее за запястье, разозлившись так быстро, что она и моргнуть не успела. — Глядишь, и о тебе бы справился!

— Отпусти меня, — злобно прошипела Иштар и шагнула назад. Браслеты на ее запястье жалобно зазвенели. — Видят боги, ты совсем лишился рассудка!

Он все еще удерживал ее за руку жесткой хваткой и смотрел, набычившись. Уязвленный и рассерженный гордец.

— Я тебе не жена, — выплюнула задетая за живое Иштар. — Не смей меня ни в чем обвинять.

Барсбек стиснул ее запястье сильнее, а после резко разжал кулак и прошел мимо Иштар, задев плечом, отчего она пошатнулась и едва устояла на ногах. Кровь прилила ей к лицу, заставив щеки пылать. Она прижала к ним ладони и покачала головой, и отвернулась, чтобы не смотреть вслед ушедшему мужчине.

Он был великий гордец, и она разбредила рану, которая никак не заживала.

Как и приказал Багатур-тархан, они прождали на том месте два дня и три ночи, но никто так и не появился. Их атака рисковала захлебнуться без осадных орудий, которые был должен привезти его младший сын, и основной удар окажется не таким мощным, как задумывалось, без дополнительной конницы.

Багатур-тархан осознавал все это, быть может, даже лучше Барсбека, ослепленного в последние дни обидной и злобой. Но путь назад для них был отрезан, и потому на рассвете третьего дня он повел своих людей вперед.

Железный меч III

Круту приходилось худо, но, знамо, он и словом никому не обмолвился. Видать, стал совсем уж стар. Он и в тереме-то князя Некраса неважно себя чувствовал, а в дороге еще пуще захворал. Может, и вернула его знахарка из-за Кромки, но вот былая силушка к нему пока еще не вернулась. Верно, уже и не вернется. Тяжко было и на коня взбираться, и трястись в седле день за днем, и на привалах вечерами ходить. Что руки, что ноги делались деревянными, ни согнуться, ни разогнуться воевода толком не мог.

Да и наметанный глаз с прожитыми зимами затуманился, уже не так хорош его совет, как прежде. Вон, выходит, на отрока напраслину взвел, обвинил в дурном, злом деле, а тот не повинен.

Пора ему на покой, нянчить с водимой женой внуков, размышлял дядька Крут, трясаясь верхом на лошади позади князя. Есть кому подхватить его место, взошла в Ладоге молодая порось, уж отыщутся для Ярослава и добрые воеводы, и советники. Полна гридница людей всякий раз, как князь вершит суд али обсуждает грядущие походы. В тереме ждут его возвращения верные, достойные мужи.

— Чего кручинишься, дядька Крут?

Обернувшись и увидев черную тень размышлений на лице воеводы, Ярослав придержал Вьюгу, пока не поравнялся с ним. Как покинули степь, сам он стал чаще улыбаться да глядеть веселее. Еще пара дневных переходов, и окажутся они в знакомых местах, где живут мещёра, мурома да меря. С муромским князем у Ярослава мир. Тот даже звал его в свой терем пого-стить.

— Стар я стал, князь, — сердито отозвался воевода.

— Ты-то? — Ярослав коротко рассмеялся, недоверчиво покосившись на дядьку Крута. — Погоди, воевода, доберемся до Ладоги, отдохнешь в избе под присмотром Любавы Судиславны, окрепнешь, внучат понянчишь. Тогда и поглядим, стар ты али нет.

— Твоими бы устами, Мстиславич... — дядька Крут махнул рукой.

Княжья речи его не переубедили. Он нутром чуял, что лежаньем в избе на лавке его немоготу не поправить. Сломался у него после отравы хребет.

— Ты лучше вот что мне скажи, дядька Крут. Ты прослужил отцу моему много, много зим, верно?

— Верно, княже, — воевода степенно кивнул. — Начинал еще отроком безусым, что твой мальчишка этот, Горазд.

Он не разумел пока, чего от него хочет Ярослав.

— И на свадьбе у него пировал, верно? Когда он княгиню Мальфриду в жены взял.

— Верно, княже.

Нечасто, ох, нечасто Ярослав принимался расспрашивать о прошлом да своим отце.

— У княгини же из родни тогда был брат и все?

— Откуда же родне взяться, коли их поселение дотла сожгли? Так они вдвоем на Ладоге и появились. Фрида, тогда еще никто княгиней ее не звал, да и Мальфридой она опосля стала зваться, и брат ее, погоди, запоматовав, — воевода хмыкнул и погладил бороду, припоминая.

— Это нынче он Брячиславом сделался, а тогда был Бёдваром.

Воевода вздохнул. Да-а-а, когда князь Мстислав по осени велел собирать свадебный пир да объявил, что берет безродную, чужую, северную девку в жены, все как один подумали, что князя приворожили. Девку едва не убили, чудом ее спас брат. Мстислав осерчал, казнил неудачливого убийцу и пригрозил вырвать языки всем, кто скажет худое, злое слово против молодой княгини.

Долго-долго не успокаивались люди, провожали Мальфриду злыми взглядами, куда бы она ни пошла. Но минула весна, другая, третья — а дитя все не было.

Тогда малость остыли. Как бы она сдюжила князя околдовать, коли сына понести не может? Обычная она, глупая девка, хоть и красы неведомой. А все одно — пустая. Так думали много-много весен, а после — родился Святополк.

— Да-а-а, — дядька Крут мотнул головой, стряхивая тяжелые думы. — Втроем они на Ладогу пришли. Княгиня с братом да девка-служанка еще с ними. Все, кто выжил после налета.

— Вот как, — дернулся Ярослав. — Втроем, значит.

— Ты пошто любопытствуешь, княже?

Но тот не успел ответить, потому что вдалеке показалось облако пыли. Сощурившись, Ярослав вскинул к глазам раскрытую ладонь.

— Никак, дозорные обернулись? — проследив за его взглядом, спросил дядька Крут.

Состоявшийся нынче разговор был забыт.

Князь пожал плечами и тронул пятками Вьюгу, уводя ее немного вбок. Поглядев со стороны на отряд на дороге, он одобрительно кивнул. Нынче никто в конце не отставал, растянувшись на версту, и он мог видеть и тяжелые груженные повозки с приданым, и крытую повозку, где полагалось ехать его невесте. Только вот она почему-то шла пешком рядом со знахаркой и дядькиным воеводой Храбром. Тот ради такого дела спешился и вел под узды своего коня.

— Княже! — бывший в дозоре кметь отвлек Ярослава.

После стремительной скачки он жадно пил из бурдюка воду, размазывая по лицу пыль и пот.

— Там гости впереди. На торг вроде как едут! — выпалил единым духом кметь.

Совсем молодой, он был рад, что хоть кого-то заметил за все то время, как они покинули терем Некраса Володимировича.

— Добро, — кивнул Ярослав. — Поздороваемся с честным человеком.

Слова кметя быстро разнеслись по всему отряду, породив множество разговоров.

— Невиданное дело, гости на торг едут, — не выдержав, пробубнил дядька Крут.

— Так хоть на них поглядеть, все не на пыль, — осторожно заметил оказавшийся поблизости Горазд.

На воеводу он поглядывал с опаской и по-прежнему берег левую руку. Он токмо потому решился с ним заговорить, что должен был рассказать кое-что очень важное. В другой раз, может, он бы и вовсе смолчал, мол, пустяк, не о чем и беседу вести. Но пару седмиц назад Горазд уже промолчал про оберег, и к чему то молчание привело... Да и после того, что Рогнеда сотворила, княжью честь следовало пуще зеницы ока беречь. Вот он и порешил, скрепя сердце.

Отрок обернулся по сторонам, выискивая взглядом князя, но того не было поблизости. Оно и к лучшему.

— Дядька Крут, я что сказать хочу... — он подвел послушную кобылку вплотную к воеводе. — Нынче видал поутру, как Звенислава Вышатовна шепталась о чем-то с княжым кметем, с Гостомыслом. Долго шепталась.

Воевода покосился на него через плечо. Глядел так, словно не разумел, к чему Горазд с ним заговорил.

— Она ему передала что-то. Сверток какой. Не разглядел я. Мало ли что, — пробормотал растерявшийся отрок. — А говорю потому, что в другой раз с оберегом я уже смолчал.

Цокнув, дядька Крут резко мотнул головой. Ну, девка! Коли и она туда же вслед за сестрицей удумала князя бесчестить... несдобровать ей!

— Добро, — воевода посмотрел на Горазда. — Князю пока не говори. Да и ни с кем об том не болтай! — он повысил голос. — Я сам разберусь, что да как, а после с ним потолкую, коли нужда будет.

С облегчением вздохнув, Горазд кивнул несколько раз и постепенно отстал от дядьки Крута. Воевода же заозирался по сторонам, ища взглядом кметя Гостомысла. Прежде тот никак в княжеской дружине не выделялся. Кметь как кметь. Сражался исправно, приказы не нарушал. Особого воинского умения у него никогда не водилось, ну так оно и не каждому дано. Как ни силился дядька Крут, не мог вспомнить хотя бы единого промаха кметя Гостомысла али худых слов, сказанных про него.

Его отец служил в дружине еще у старого князя Мстислава и, как повелось, его сын стал служить княжескому сыну. Воевода нахмурился. О чем могла говорить с кметем молоденькая княжна? Откуда она того кметя знает-то?

А все потому, что следовало весь путь в повозке провести да на белый свет лица особо не казать. Еще во времена его, Крута, отца невесту закутали бы в покрывало, скрепив его на запястьях обручьями, и так бы и везли всю дороженьку, пряча от всякого чужого да дурного взгляда, мало ли что!

А нынче же... Ослабели нынче обычаи, позабылись старые, отцовские обряды. Много стало вольнодумства, вот и князьки невесты уже с кметями беседы ведут, трапезу разделяют, вокруг костра по вечерам сидят! И распоследнему дураку ясно, никакого добра так не выйдет. Обычаи не для того дадены и придуманы были, чтобы их нарушать. Распоследнему дураку-то оно, может, и ясно, но токмо не князю!

А ведь дядька Крут говорил Ярославу: закутай княжну! Тот же махнул рукой, сказал: «пусть вольной ходит». Еще и поглядел на воеводу, словно на рассудка лишнего. Мол, никто так нынче не делает, невесту и уморить недолго, коли седмицы напролет везти наглухо закутанную, в закрытой повозке.

Ничего, как-нибудь уж выжила бы. Зато не пришлось бы воеводе теперь голову ломать, мысли неприятные гнать от себя подальше.

И трапезы эти совместные! Виданое ли дело, чтобы девка с дружиной вокруг костра сидела! Разговоры не для ее ушей предназначенные слушала. Еще и стряпала что-то. Будущая княгиня! Воевода весь изошелся прошлым вечером, наблюдая за знахаркой и ходившей за ней хвостом княжной. А князю — хоть бы хны! Делом занята — и ладно. По оставленному дому не рыдает — и все веселее!

«Напрасно лютуешь, дядька Крут», — сказал ему Ярослав.

Порой он совсем не понимал князя. Тот творил немыслимые вещи, и волей-неволей воевода задумывался: не потому ли, что растили его поодаль от княжьего терема? Вроде бы и рядом, пред очами старого князя Мстислава, но все же усылали подальше всякий раз, как вспыхивала между ним и младшим братом ссора, и княгиня Мальфрида поднимала крик. А случалось такое частенько. Может, возьми князь Мстислав своего бастрюка в терем, как полагось, было бы у него меньше вольнодумства нынче?

Воевода покачал головой и слегка ударил пятками коня, спеша вперед. Пока он кручился, они уж почти поравнялись с торговцами, которых приметил дозорный. Вон, Ярослав как раз приветствовал повстречавшихся случайных путников.

— ... идем мы из самой Бирки, княже.

Остановившись ощую князя, воевода окинул гостей пристальным взглядом.

Говорил нынче самый старший из них, уж половину его длинной густой бороды покрывала седина. Ехали они налегке, но полдюжины повозок охранял кратно превосходивший их числом отряд наемников с Севера.

Воевода недобро сощурился, рассматривая их бритые налысо головы и лица и руки, покрытые причудливыми, вырезанными прямо по коже узорами. Клыки диких зверей служили им оберегами. Носили их кто на шнуре на груди, а кто и вставленными в ухо али и вовсе в ноздрю!

Дядька Крут обернулся, проследив за взглядом одного из наемников: да, добра в их повозках было и впрямь навалом. Втридорога взял Ярослав приданого за княжну, и нынче повозки скрипели и прогибались под тяжелым грузом. Тут и отрезы шелковой ткани, и украшения из янтаря, и серебро весом.

Сколько ни вглядывался воевода, не мог угадать родовых знаков наемников. Стало быть, выродки, изгнанные своими семьями, лишенные права носить указания на принадлежность к роду. Токмо и оставалось им, что головы да лица уродовать росписью этой дикой!

Дурно, очень дурно.

— Ужель так беспокойно нынче на дорогах? — видно, Ярослав также подивился и числу наемников, и их лицам.

Он откинул в сторону плащ, показывая меч в ножнах, и положил раскрытую ладонь на бедро. Второй рукой он чуть потянул на себя поводья Вьюги и обернулся. Кмети из его дружины медленно, не торопясь подъезжали на лошадях все ближе и ближе к нему.

— Всякое бывает, княже, — добродушно улыбнулся торговец и развел руками.

Повинуясь взмаху его ладони, наемники, сопровождавшие их отряд, отошли назад. Все, как один, усмехнулись.

Торговец поправил на груди серебряную гривну, висевшую на толстом шнурке. Знак отличия, разрешение торговать в разных княжествах да с заморскими купцами.

Пока говорил с князем, мужчина все косился на нагруженные повозки и дружину. Что-то явно высчитывал в уме, дядька Крут был готов отдать руку на отсечение.

— Брат мой по Волге нынче идет с товаром нашим, а я уж больно кости размять захотел, — наконец, он примирительно показал руки раскрытыми ладонями вверх. Мол, не замышляю дурного.

— Коли идете из самой Бирки, стало быть, и на Ладоге у нас побывали? — вкрадчиво спросил Ярослав.

Он не отводил взгляда от торговца, с которым говорил. Уж больно тот ему пришелся не по нраву. Он и его северные наемники. Разбойники, если судить по виду. Все, как один, головорезы.

Торговец, однако, пребывал в благодушном настроении.

— Побывали, — спокойно отозвался он и одернул запыленный плащ. Еще раз нарочито-медленно погладил серебряную гривну на груди.

— Знатный был торг и привечали нас знатно! И на Ладогу заезжали, и в Белоозере были! Жаль, брату твоему, княже, так и не удалось нам поклониться. Не дождались его с полюдья, раньше уехали.

Ярослав нахмурился еще пуще, сверкнул недобро глазами.

— Вот как. Уж не взыщите, гости дорогие, — сказал он и склонил слегка голову. — Приезжайте по весне, я сам вас привечу.

Они поговорили еще немного, и князь уже приказал дружине посторониться, чтобы пропустить купцов с охранителями, когда спросил будто бы невзначай.

— А что, давно ли вы из Ладоги вышли?

— Уж несколько седмиц как. Может, три. Мы медленно идем, не торопясь. Брат мой в каждом городище ждет, пока мы доплетемся.

Кивнув на прощание, князь придержал Вьюгу и остался на месте, пока мимо него не проехал ведь торговый караван. Он провожал пристальным взглядом каждого из торговцев и наемников и заметил, как последний из них, недобро сощурился, обернувшись, чтобы поглядеть на княжий отряд.

Как разошлись с торговцами, Ярослав до самого вечернего привала не сказал ни слова. Воевода поглядывал на него через плечо и сам отчего-то молчал. Не решался заговорить. Несложно было догадаться, что за мысли терзали князя. Где был его младший брат все это

время, коли за данью он отправился, еще когда сам Ярослав из Ладogi не уехал? Много, много седмиц минуло с того дня.

Но князь печалился не только о том.

На ночлег устроились в тот день поздно. Князь шел и шел вперед, не приказывая останавливаться, хоть и чувствовал затылком вопросительные взгляды своих людей. Он хотел как можно дальше уйти от места, где они повстречали торговцев. Наконец, уже под самый вечер, когда ярко-красное солнце почти скрылось из вида, он махнул рукой и первым спрыгнул с Вьюги.

Дядька Крут мыслил, что костра нынче не будет, но князь его удивил.

— Разводите костер, да побыстрее, — велел Ярослав. — Собери мне кметей, — приказал Горазду и принялся осматриваться, положив ладонь на рукоять меча.

Оказавшись на земле, воевода некоторое время постоял, привыкая. Теперь у него кружилась голова да подкатывала к горлу тошнота после каждого проведенного верхом дня. Он чувствовал себя уставшим, словно вот-вот развалится, коли кто тронет посильнее.

— Мыслишь, нападут? — дядька Крут, переждав, пока земля перестала плясать у него перед глазами, подошел к князю и стал рядом, поправил туго затянутый воинский пояс.

— Да пес их, выродков, разберет.

Ярослав скривился. Числом его отряд, может, и не уступал наемникам с Севера, но вот по воинскому умению те их превосходили. Князь оставил старшую дружину в тереме на Ладогe, взял с собой лишь молодшую — потешиться, проехаться по соседним княжествам. Не раз он уже пожалел о своем решении, хоть и не должно князю жалеть и сомневаться. Нужно было послушать, что советовали ему воеводы и — диво — бояре.

Были они едины в том, что следует князю поехать вместе со старшей гридью. Путь предстоит ему неблизкий да по чужим княжествам, да мимо Степи. Был со всеми у Ярослава нынче мир, то правда, но сколь хрупок тот мир, сколь мало нужно, чтобы нарушить его...

Да что нынче говорить! Сделал, как сделал. Может, будет в другой раз мудрее, коли случай выдастся.

Когда подле князя и воеводы собрались кмети, Ярослав велел сложить костер поближе к ручью, а навесы и палатки выставить перед костром полукругом, чтобы ручей помешал обойти их со спины. Дружина поглядывала на князя удивленно, но все молчали. Глупых и праздных вопросов никто не задавал.

— Двух дозорных подальше от лагеря поставим. Тут и тут, — Ярослав махнул рукой поочередно в две разных стороны. — Кричите ночной птицей, коли что услышите.

Когда Горазд вместе со всеми принялся тянуть палочки, чтобы решить, кому отправляться в дозор, князь остановил его:

— Ты останешься при мне.

Вспыхнув, мальчишка посмотрел на него ошеломленно и самую малость обиженно. Но князю не перечили, потому он смолчал, проглотив обиду. Тем временем, в дозоре выпало стоять отроку Вышате и кметю Гостомыслу. Горазд проводил их больным взглядом.

— Что, княже, ждешь нынче незваных гостей? — к ним в мокрой рубахе подошел воевода Некраса Володимировича Храбр. Его сын, Бажен, держался чуть позади отца.

По лицу и шее воеводы стекали крупные капли воды. Успел ополоснуться в ручье после долгого дня верхом по дорожной пыли.

— Жду, Храбр Турворович, — Ярослав кивнул и расстегнул застежку плаща, закатал повыше рукава рубахи.

Окунуться в ручей при виде посвежевшего воеводы хотелось нестерпимо.

— Принеси водицы, — тихо попросил крутившегося подле Горазда.

Хотя бы смоем пыль и пот с лица.

— Мне тоже их рожи по нраву не пришлись! Но мы превосходим их числом, — воевода Храбр небрежно пожал плечами. — Мы им не по зубам. А они не глупцы, не станут нападать.

— Ба-а-а, — протянул со смехом дядька Крут. — По всему понятно, не видал ты, каковы наемники в бою, воевода. Иначе б так не бахвалился.

— Мы, в Степи, такое видали, что ваши вмерзшие в снег вояки...

Воевода Храбр не успел договорить: князь вскинул руку вверх и недовольно поглядел на обоих.

— Рассудка вы оба лишились что ли, не пойму. После собачиться будете. Нынче же расставьте по лагерю людей. Женщины пусть ночуют подле костра. Их пустую повозку отгоните подальше к самому краю навесов.

Недовольно поглядев друг на друга, оба воеводы отправились исполнять приказы князя. Уже сделав пару шагов, Храбр Турворович остановился и обернулся к Ярославу.

— Что с княжной делать станем?

— А что с ней? Со всеми будет пусть, у костра, — тот недоуменно поглядел на него.

Крут ушел вперед, не став дожидаться чужого воеводу. Мимо него сновали, торопясь, кмети и отроки. Скоро расставлялись палатки и раскрывались навесы, звучал вокруг негромкий перезвон железных колец: гридь вздевала кольчуги.

— С кем не поделил дорогу твой князь, воевода? Неужто с гостями не разошелся?

Дядька Крут был готов поклясться перуновым колесом, что знахарка возникла на его пути из ниоткуда. Вот токмо-токмо ее не было, моргнул — и уже стоит, скрестив на груди руки, смотрит на него, как смотрит мать на провинившееся дитя. Того и гляди, обвинять начнет!

— Наш князь дорогу ни с кем и не делит, — пробурчал в ответ воевода.

Зима Ингваровна улыбнулась, приподняв брови: стало быть, так значит?.. Ей на лоб упали две пряди, выбившиеся из-под платка, которым она подвязала на голове свои длинные косы.

— Говорила я, что пригожусь князю, но и помыслить не могла, что столь скоро, — знахарка покачала головой и остановила случайно подвернувшегося под руку кметя. Тот держал в руках свёрнутый навес.

— Не подсобишь мне, сынок? Горшочки и мешочки из повозки принести.

Выслушав госпожу Зиму, кметь повернулся к воеводе. Дядька Крут кивнул: делай, мол, как велено.

Хоть и подле костра, а вечерали в тот день наскоро. Сготовили жидкую похлебку, так еще и не доварили. Отроки, что с них взять. Пока все в молчании скребли ложками по котелку, воевода нет-нет да и поглядывал на притихших, сбившихся в кучу женщин. То ли тетка, то ли сестра жены Некраса Володимировича выглядела так, словно вот-вот намеревалась рухнуть на землю без сознания. Серое от страха лицо, поджатые в тонкую нитку губы, насупленный взгляд из-под бровей. Верно, она уже прокляла день, когда согласилась на просьбу тетки-сестры приглядеть за княжной в пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.